

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2019 | №1 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:

Далибор Денда, Р. Н. Рахимов, К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.

Ответственный редактор М. А. Колеров

Фотография на обложке — М. Е. Бороздинский

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 1(7).

М. : Модест Колеров, 2019. (www.ostkraft.ru.) 184 с.

ISBN 978-5-905040-40-5

ISBN 978-5-905040-40-5

© Авторы статей, 2019

© Модест Колеров, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Ганин.</i> «Признаки “Запорожской сечи” почти исчезли...». Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г.	5
<i>Николай Кабанов.</i> Пять лет, которые потрясли Латвию (1987–1991). Избранные интервью. Часть 1	46
<i>Андрей Тесля.</i> И. Паперно. «Кто, что я?» : Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / Пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.	132
<i>Александр Томилин.</i> Melissa Kirschke Stockdale. Mobilizing the Russian Nation. Patriotism and Citizenship in the First World War. Cambridge University Press, 2016.....	136
<i>Л. Кацис.</i> Заметки читателя историко-философской и теологической литературы. IX. Аарон Штейнберг. Николай Гоголь. Владимир Жаботинский	166
<i>Андрей Тесля.</i> Ф. Хук. Галерея аферистов: История искусства и тех, кто его продает / Пер. с англ. В. Ахтырской. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 448 с. + вкл. (16 с.).....	177
<i>Андрей Тесля.</i> И. Грав. Высокая цена : искусство между рынком и культурой знаменитости / Пер. с нем. Е. Куровой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 288 с. (серия «Garage pro»)	180

А. В. Ганин

«ПРИЗНАКИ “ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ”
ПОЧТИ ИСЧЕЗЛИ...»
ОБСЛЕДОВАНИЕ И ЧИСТКА
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РККА В 1922 г.

Становление советской военной системы, порожденной Гражданской войной, по-прежнему остается малоизученным вопросом новейшей отечественной истории. Среди тех сюжетов, которые пока в недостаточной степени привлекали внимание исследователей, отдельно стоит вопрос о формировании новой советской военной элиты из партийных кадров, предназначавшейся на смену чуждым большевикам беспартийным военспецам.

Процесс создания такой элиты протекал непросто. Не всегда те, кто намечался на высокие посты, оправдывали возлагавшиеся на них ожидания партийного руководства. В некоторых случаях близость к власти и определенная привилегированность вели к развитию комчванства (коммунистического чванства) — высокомерию и зазнайству, презрительному отношению к остальным. При этом в 1920-е гг. Красная армия в немалой степени продолжала опираться на бывших офицеров. Многие из них блестяще зарекомендовали себя в Гражданскую войну и могли рассчитывать на уважение к своим заслугам и карьерный рост, даже не будучи партийными. Тем не менее, разнородность состава РККА таила в себе серьезные противоречия. Руководители РКП (б) должны были заниматься сглаживанием конфликтов, а порой даже одергивать зарвавшихся. Именно такие процессы происходили в 1922 г. в «кузнице кадров» советской военной элиты — Военной академии РККА.

Еще 29 декабря 1921 г. на заседании Реввоенсовета республики (РВСР) в связи с вопросом о Военной академии постановили, что «всемерно нужно, особенно при нынешней постановке вопроса о членстве в партии, бороться против опасности создания внутренней замкнутой коммунистической военной касты, которая внутри себя развивает принципы военного местничества. С другой стороны, всемерно нужно бороться за то, чтобы непартийные, но на опыте Гражданской войны показавшие свою преданность и верность Рабоче-Крестьянской Красной армии и революции элементы, не чувствовали бы себя в армии изгоями и не вынуждались против своего прежнего воспитания и интереса входить в партию»¹.

Конфликты среди слушателей академии возникали как из-за различного статуса и мировоззрения бывших офицеров, унтер-офицеров, солдат и рабочих, оказавшихся в стенах этого военно-учебного заведения, так и по политическим причинам. Академия (до 1921 г. — академия Генерального штаба РККА) являлась детищем председателя РВСР Л. Д. Троцкого, активно участвовавшего в ее создании в конце 1918 г., находилась на виду и под особым контролем партийного руководства. Нараставшая конфронтационность и непомерный рост амбиций слушателей вызвали тревогу в ЦК РКП (б), поскольку именно выпускники академии должны были стать элитой командного состава Красной армии.

23 мая 1922 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) по предложению Троцкого было принято решение обследовать внутреннюю жизнь академии Генерального штаба РККА для чего создали специальную комиссию. Срок работы комиссии определялся в две недели. Состав: заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б) А. С. Бубнов, член Центральной контрольной комиссии РКП (б) (ЦКК) и Верховного суда РСФСР А. А. Сольц²

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

² В связи с тем, что в делопроизводстве того периода инициалы, как правило, опускались, ранее членство в комиссии ошибочно приписывалось члену Туркестанского бюро ЦК РКП (б) И. Г. Сольцу. См., напр., официальную ведомственную историю академии советского периода (Академия имени М. В. Фрунзе. М., 1973. С. 55). До знакомства с материалами обследования академии такую же неточность воспроизвел и автор этих строк (Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 78; *Он же*. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 502). Однако в материалах обследования академии удалось обнаружить автограф Сольца с указанием имени (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 132).

и заместитель народного комиссара внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов. Созыв должен был обеспечить Бубнов³. Следует отметить, что ЦКК, которую представлял Сольц, занималась борьбой с нарушениями дисциплины и моральным разложением в рядах РКП (б), одновременно служа инструментом борьбы с оппозиционными течениями и группировками в партийной среде⁴.

Накануне заседания Оргбюро, 22 мая 1922 г., Троцкий писал в секретариат ЦК И. В. Сталину: «Во фракции Военной академии неблагополучно. Там больше, чем где бы то ни было, коммунистического бахвальства и местничества. Фракция пыталась одно время закрыть совершенно доступ некоммунистическим элементам в академию. Если принять во внимание, что доступ в партию теперь крайне затруднен, то, очевидно, что такой режим ни в каком случае не отвечал бы интересам дела. Далеко не все коммунисты серьезно работают — отчасти вследствие довольно трудных все же материальных условий, отчасти вследствие недостаточной своей пригодности для работы в академии. На этой почве во фракции идут непрерывные трения и внутренняя борьба, приводящие время от времени к острым конфликтам и трагическим эпизодам. Я думаю, что Центральному Комитету следовало бы создать партийную комиссию, скажем, тройку, для внимательного обследования внутренней жизни фракции, взяв за исходную точку самоубийство Лебедева. Ввиду сложности переплетающихся во фракции тенденций и настроений крайне важно, чтобы во главе обследования стоял товарищ, пользующийся партийным авторитетом и знающий военное дело. О решении секретариата или Оргбюро прошу меня уведомить»⁵.

Поводом для обследования послужило самоубийство слушателя дополнительного курса академии Л. В. Лебедева (1889–1922), застрелившегося в воскресенье 15 мая 1922 г. Лебедев намечался на пост советского военного агента в Ангаре (Анкаре, Турция) и буквально 17 мая должен был отправиться к месту назначения. Как выяснилось, самоубийца пребывал в тяжелой депрессии, не считая себя достойным назначения. В предсмертной записке своему товарищу М. Б. Рымшану он писал: «Дорогой Миша,

³ Там же. Л. 6.

⁴ Подробнее см.: *Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы.* СПб., 2017. С. 176–177.

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 7.

Прости за хлопоты, которые я тебе причиняю своей смертью. Жить больше не могу, так как чувствую себя сорной травой на ниве коммунизма; я слишком безволен и пассивен, чтобы быть борцом, а не быть сейчас борцом, значит, путаться в ногах и мешать; особенно ясно я сознал это сейчас в связи со своим назначением. Знай, что я его не достоин и с ним не справлюсь, а отказаться не хватает решимости. Мой последний привет всем друзьям. Будь другом, исполни последнюю просьбу — из денег, которые будут найдены при мне, сорок два миллиона надо отдать в Разведупр, а эти, что у Ицковского (одиннадцать миллионов) перешли, пожалуйста, матери, Ираиде Андреевне Лебедевой. Ильинцы Киевской губернии, Липовецкая улица, Капельный дом.

Страшно грустно, что не удалось ее увидеть еще раз. Сейчас вижу ее перед собой; прости за меня мам. Л. Прочеть в случае моей смерти»⁶.

18 мая о причинах инцидента начальник Разведупра РККА А. Я. Зейбот рапортовал заместителю Троцкого Э. М. Склянскому, отметив, что «одним из поводов к такому состоянию и поступку являлись разговоры и толки в академии после его назначения о том, что он раньше был кадетом, что Разведупр сделал весьма плохой выбор и т. д., которые на него оказали весьма сильное впечатление. Хотя от Разведупра ему и было сообщено, что мы не придаем этим разговорам никакого значения, все-таки он подал по этому вопросу заявление в бюро ячейки»⁷. Именно Зейбот предложил вынести решение по поводу случившегося авторитетной партийной тройке. Склянский, очевидно, доложил о случившемся Троцкому.

Комиссия начала работу 29 мая. Работа велась аппаратом агитпропа ЦК, предварительную работу получили тов. Мороз. В протоколе № 1 отмечалось, что задача комиссии «выяснить всю атмосферу в Генштабе, настроения во фракции [коммунистов]»⁸. Таким образом, материалы комиссии представляют собой важнейший источник о состоянии академии в то время.

31 мая в протоколе № 2 отмечалось наличие в академии ряда внутрипартийных группировок, в связи с чем были намечены для опроса 24 человека. Ставилась задача выяснить внутреннее состояние фракции (ячейки) РКП (б) академии, материальное положение

⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 12.

академии и постановку учебного процесса⁹. В дальнейшем список опрашиваемых расширился. В него включили начальника академии А. И. Геккера и его помощника Л. Ф. Печерского. Желательными признавались опросы бывшего начальника академии М. Н. Тухачевского и бывшего комиссара В. Н. Максимовского.

Вопросы по учебной части должны были разъяснить преподаватели А. И. Верховский, А. М. Зайончковский, С. Г. Лукирский, В. Ф. и Ф. Ф. Новицкие, А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, а также руководство академии¹⁰. Задавались следующие вопросы, составленные к 8 июня: «Прошу Вас изложить: 1) Ваше мнение о постановке учебного дела в Военной академии; 2) Вашу оценку подготовленности наличного состава слушателей к прохождению курса академии; 3) Вашу оценку и степени успешности слушателей в прохождении курса военных наук; 4) Вашу характеристику отношения слушателей к теоретическим и практическим занятиям в Военной академии»¹¹. Ответы в запечатанных конвертах подлежали передаче помощнику начальника академии Л. Ф. Печерскому для комиссии. Требовалось разобраться и с работой самостоятельных органов академии — бюро фракции РКП (б), клуба и военно-научного общества.

Начальник академии А. И. Геккер отметил «несомненное влияние каждого вновь избранного бюро фракции РКП на учебную жизнь академии... Каждое бюро, влияя через органы самостоятельности на учебную жизнь, видоизменяло¹² и ее, удовлетворяя чаяниям только одной группы слушателей и вызывая протесты других лиц»¹³. По оценке Геккера, «неудовлетворенные учебной жизнью слушатели... начинают изыскивать способы улучшения ведения занятий, что вызывает бесчисленное количество разнородных проектов... Отсюда группировки и группировочки по учебным вопросам, отсюда антагонизм, во-первых, между самими слушателями, во-вторых, между слушателями и преподавателями, и, наконец, между слушателями и администрацией»¹⁴. Начальник академии считал, что «поступающим в академию предъявляли достаточно высокие требования по военному и партийному стажу, но лишь на бумаге, на деле же допусkaliсь всевозможные, не знающие пре-

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 57, 71.

¹² В документе — видоизменяя.

¹³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 50.

¹⁴ Там же.

делов исключения и отступления вплоть до того, что в число слушателей попали лица без всякого командного и комиссарского стажа, с малым общеполитическим и военным образованием и пр[очее]. В результате такого сумбурного способа комплектования получился чрезвычайно разнородный состав слушателей... Число принимаемых не сообразовалось с наличием материальных и преподавательских ресурсов... Число слушателей 794, а вместе с состоящими на их иждивении трудоспособными и нетрудоспособными членами¹⁵ семей достигает 1700 человек... Академия по составу слушателей достигла таких громадных размеров, которые исключают всякую возможность подыскивания руководителей прак[ических] работ одинакового уровня и квалификации... При "разнородном составе" руководителями прак[ических] работ, преподавателям и профессуре затруднительно в своей работе приравниваться даже к относительному большинству... Отсюда разочарованность в академии..., упадок учебной дисциплины, малая успешность в учебной работе... Я категорически утверждаю, что при наличном составе профессуры, при наличии большого опыта 4-х летней работы и при нормальных условиях работы не представляется никаких затруднений к составлению необходимого плана учебных занятий следующего года и проведению его в жизнь, причем учебная постановка будет удовлетворять всем требованиям современного развития военного дела»¹⁶.

Помощник начальника академии Л. Ф. Печерский сообщил, что «постановку учебного дела в академии считать вполне удовлетворительной нельзя... В среднем подготовка слушателей слабая. Незначительная часть, безусловно, подготовлена. Около, скажем, 1/3 усваивает курс, а остальные безусловно слабы. Меньшая часть работает успешно, большая — неуспешно... Середина, мало подготовленная, работает из-под палки и пользуется всяким поводом, чтобы увильнуть от того или другого: часть просто небрежно относится к делу»¹⁷.

Профессора академии не скрывали недостатки. По мнению А. И. Верховского, «работа слушателей направлена в данное время преимущественно на выработку практических навыков... Историческая и самостоятельная работа в новой академии отодвинута на вто-

¹⁵ В документе — трудоспособных и нетрудоспособных членов.

¹⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 50–51.

¹⁷ Там же. Л. 51.

рой план»¹⁸. «Подготовка слушателей меня не радует. Если $\frac{1}{3}$ по уровню своего развития стоит выше уровня старой В[оенной] академии, еще $\frac{1}{3}$ при большом старании сможет быть полезной, то последняя $\frac{1}{3}$ при самой настойчивой работе не в состоянии овладеть академическими курсами»¹⁹, — заявлял он. Верховский свидетельствовал: «По своему предмету²⁰ я должен отметить в общем большое старание и внимательное отношение слушателей, но того, что нужнее всего, — самостоятельной работы, — я почти не видел»²¹. «Должен отметить также известное утомление и небрежность, которую часть слушателей проявляют к работе. Объясняю себе это еще не вполне наладившимся военным укладом работы... а также — и это главное — систематическим недоеданием слушателей и бедственным их материальным положением, особенно семейных»²².

А. М. Зайончковский отметил: «Постановку учебного дела признаю еще не удовлетворительной, но сделавшей большие шаги к удучшению и поставленной двумя последними начальниками академии на правильные рельсы»²³. По оценке Зайончковского, «подготовка наличного состава слушателей к прохождению истинного академического курса неудовлетворительна... десятки из них вполне годны для слушания высш [его] учебного заведения, но масса — нет»²⁴. «Успешность слушателей в прохождении курса не признаю достаточной. Среди них я вижу очень мало готовых генштабистов», — резюмировал бывший генерал²⁵. «У них нет дисциплинной работы и дисциплинного учения, что так необходимо генштабистам, что так высоко поставило герман[ский] Генштаб... Военная игра мне показала, что часть слушателей отбывает только досадный номер»²⁶.

С. Г. Лукирский считал, что «в отношении “методов преподавания” и “учебных программ” академия наших дней значительно превосходит старую... “Наибольшим злом в учебной жизни академии” является “так называемый учком”, представители которого

¹⁸ Там же. Л. 52.

¹⁹ Там же. Л. 53.

²⁰ Курс общей тактики.

²¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 54.

²² Там же. Л. 55.

²³ Там же. Л. 52.

²⁴ Там же. Л. 53.

²⁵ Там же. Л. 54.

²⁶ Там же. Л. 55.

“выдвигали незрелые сумбурные проекты, пламенно их отстаивая и предвзято опорочивая установленное²⁷ в академии”²⁸. По оценке этого военного специалиста, «степень подготовленности слушателей к прохождению академического курса весьма разнообразна, пестра»²⁹, то же касалось и вопроса о прохождении наук, причем подготовка «тормозится недопустимо частым отвлечением многих слушателей сторонней работой»³⁰. «Отношение слушателей к теоретическим и практическим занятиям часто неудовлетворительное... Должного радения к занятиям нет»³¹.

А. А. Свечин указал, что «постановка учебного дела в академии, несмотря на частую ломку учебных планов, отрицательно отзывающуюся на обучении слушателей, постепенно улучшается... Преподавательский персонал безмерно численен, слишком пестр по составу... Работа преподавателей имеет почти исключительно учебный, но не научный характер... Академия не выполняет “важной части учебной работы — отбора неуспевающих слушателей”... Учебное дело в академии серьезно страдает от отсутствия учебников, сколько-нибудь отвечающих современным требованиям»³². «Подготовка эта в общем еще не высока, масса поступающих имеет в отношении развития весьма пестрый характер»³³. « $\frac{1}{3}$ слушателей усваивает очень хорошо, $\frac{1}{3}$ на II разряд, $\frac{1}{3}$ — балласт в академии. Дополнительный курс, оканчивающий в этом году, не имеет никакой подготовки по военной статистике и географии и совершенно не справляется с анализом, даже описанием района военных действий»³⁴, — полагал он. «Младший курс относится с большим вниманием к теоретическим и практическим занятиям, чем старший курс... на дополнительном курсе работа особенно расстраивается... К летним занятиям отношение недостаточно серьезное»³⁵.

По словам А. Е. Снесарева, «учебное дело академии находится в трудном и шатком, а потому и не совершенном состоянии»³⁶.

²⁷ В документе — установленной.

²⁸ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 52

²⁹ Там же. Л. 53.

³⁰ Там же. Л. 54.

³¹ Там же. Л. 55.

³² Там же. Л. 52–53.

³³ Там же. Л. 53.

³⁴ Там же. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 55.

³⁶ Там же. Л. 53.

Основной причиной Снесарев считал отсутствие во главе академии «правомочной конференции рационального состава, председательствуемой начальником академии»³⁷. Снесарев отмечал: «Подготовка слабая. Официально повышенная программа прием[ных] испытаний фактически не осуществляется»³⁸. Степень успеваемости он считал низкой, «особенно не вижу навыков в точности, ясности и своевременности выполнения работ»³⁹. «Отношение слушателей к занятиям пестрое, но скорее небрежное, чем устойчиво старательное»⁴⁰. Снесарев завершил свою записку следующим выводом: «Лечение одно: в академии нужно заниматься только военным делом — одни ему учат, другие ему учатся, и лишь на этом базисе должна быть построена вся канва научно-практической работы и взаимоотношений. Политика должна проходиться и преподаваться вне академии: по районам или где там нужно»⁴¹.

В. Ф. Новицкий считал, что «учебное дело в академии поставлено во многих отношениях неправильно ... что, объясняется, главным образом, двоевластием в этом деле: с одной стороны, начальник академии с учебным отделом, с другой стороны — бюро фракции РКП с учебной комиссией слушателей... Следует учебную комиссию слушателей упразднить... Вместе с тем желательно восстановить конференцию как орган, отражающий в себе взгляды и опыт профессуры»⁴². «Средний уровень подготовленности слушателей — ниже нормального и не соответствует характеру преподаваемых в академии предметов. С каждым годом этот средний уровень понижается, по мере того, как истощается запас бывш [их] офицеров старой армии»⁴³, — отметил он. Характерно и другое высказывание: «В прохождении курса слушатели, в среднем, дают малую успешность... Гораздо более многочисленны те, которые не в силах одолеть даже простейших понятий в рамках программы»⁴⁴. «Как общее правило слушатели относятся небрежно к занятиям в академии... В некоторых из этих упущений виноваты сами слушатели (лень, отсутствие интереса к делу и т. п.), но в дру-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 54.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 55–56.

⁴² Там же. Л. 53.

⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ Там же.

гих вина д[олжна] б[ыть] отнесена на долю ненормальных условий теперешней жизни»⁴⁵.

Его брат Ф. Ф. Новицкий, наоборот, считал, что «поставлено учебное дело достаточно серьезно»⁴⁶, но «состав слушателей по своей подготовке чрезвычайно разнообразен»⁴⁷. «При отсутствии всего указанного (весьма строгая оценка знаний, введение большой системы, конкретные испытания и т. д.) значительная доля слушателей относится к делу часто формально»⁴⁸.

Общим выводом из оценок профессуры стало то, что при всех сложностях учебное дело постепенно налаживалось и улучшалось, но почти всеми так или иначе было отмечено негативное влияние вмешательства учкома слушателей в учебный процесс. Подготовленность слушателей признавалась неудовлетворительной. Почти все профессора посчитали, что значительная часть слушателей по своему развитию, несмотря на старание, просто не в состоянии усвоить программу.

В ходе работы комиссии не только опрашивались сотрудники и слушатели академии, но и собирались отзывы со стороны. Так, в письме начальника Штаба РККА П. П. Лебедева о первом выпуске академии отмечалось: «Начальники и комиссары нередко заявляют о неподготовленности красных генштабистов к практической работе, об их повышенном самомнении, карьеризме, казенном отношении к партийным обязанностям и оторванности от масс и, что всего хуже, о высокомерном отношении к товарищам и начальникам, не получившим высшего военного образования... Сама академия в этот период не могла еще твердо наладить своей работы, а ее слушатели, кроме того, постоянно отрывались от систематических занятий»⁴⁹.

Городской райком партии сообщал о фракции Военной академии: «Состав и политическая деятельность академии всегда обращали на себя внимание комитета.

Большинство фракции состояло из бывших офицеров (в том числе и кадровых), молодых членов партии, занимавших в Кр[асной] армии высокие командные посты и считавших себя авторите-

⁴⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 55.

⁴⁶ Там же. Л. 53.

⁴⁷ Там же. Л. 54.

⁴⁸ Там же. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Л. 90.

тами не только в военном деле, но и в политике, претендуя на соответствующие посты в партии (примерно секретарей губкомов).

Отношение к руководящим органам партии было резко оппозиционным. Во время дискуссии о профсоюзах и партстроительстве фракция почти целиком принадлежала к т[ак] н[азываемой] “рабочей оппозиции”.

После X съезда значительная часть фракции оставалась в оппозиции общепартийной линии и руководящим органам партии (ЦК).

Райком имел сведения о тесной связи коммунистов академии с [В. Л.] Панюшкиным в период организации им т[ак] н[азываемой] “Р.К.С.П.”⁵⁰, после ареста Панюшкина связь с ним не порывалась. Отдельные товарищи вели разговоры о создании новой партии.

В общем и целом райком считает фракцию академии в высокой степени неустойчивой и в партийном отношении слабой»⁵¹.

Работа комиссии позволила собрать разнообразные статистические данные о слушателях. Общие статистические сведения о слушателях были следующими:⁵²

Таблица 1.
Статистические сведения о слушателях
Военной академии РККА

Показатели	Слушателей	
Всего	722	
Партийность	До Февральской революции	52
	До Октябрьской революции	103
	После Октябрьской революции	506
	Кандидат РКП (б)	29
	Беспартийные	32
Социальное положение	Рабочие	137
	Крестьяне	193
	Интеллигенция	393

⁵⁰ РКСП — Рабоче-крестьянская социалистическая партия. Создана в 1921 г. вышедшим из РКП (б) В. Л. Панюшкиным.

⁵¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 98.

⁵² Там же. Л. 61.

Строевой стаж в РККА	До комбата включительно	248
	Комполки	103
	Комбриги	61
	Начальники	20
	Командующие округом, армией	2
Штабной стаж в РККА	Штаб бригады	109
	Штаб дивизии	70
	Штаб округа и армии	22
	Военкомы	49
	Политработники	38

Таким образом, абсолютное большинство слушателей состояло в партии. Преобладал стаж после октября 1917 г. По социальному составу, несмотря на попытки расширить представительство рабочих и крестьян, преобладала интеллигенция.

Таблица 2
Статистические сведения о слушателях
Военной академии РККА по курсам

Показатели / курс	Подго- товит.	Млад- ший	Стар- ший	До- полн.	Всего
Рабочие	66	26	24	21	137
Крестьяне	60	37	55	41	193
Интеллигенция	9	154	65	164	393
До комбата вкл.	61	84	39	64	248
Комполки	27	27	23	26	103
Комбриги	6	23	14	18	61
Начальники	1	6	10	3	20
Командующие округом, армией		2			2
Опыт штаба бригады	4	17	31	57	109
Опыт штаба дивизии	7	16	13	34	70

Опыт штаба округа и армии	6	2	11	3	22
Военкомы	1	26	3	8	49
Политработники	11	14		13	38
Всего:	135	217	144	226	722

Вполне естественно, что наибольшее представительство рабоче-крестьянских кадров имелось на подготовительном курсе, специально для этого созданном. К нему в этом отношении примыкал старший курс. На младшем и дополнительном курсах с большим отрывом преобладали выходцы из интеллигенции. По служебному опыту в РККА в лучшую сторону выделялся дополнительный курс.

В отношении семейного положения слушателей выяснилось следующее:

Таблица 3
Семейное положение слушателей
Военной академии РККА (на 16 июня 1922 г.)⁵³

Курс	Холо- стых	На иж- дивении у холо- стых	Же- на- тых	На иж- див. у жена- тых	Всего слуша- телей	Всего на иж- диве- нии	Всего
Дополни- тельный	82	12	121	184	203	196	399
Старший	58	16	84	146	142	162	304
Младший	127	20	89	139	216	159	375
Подготови- тельный	57	6	64	106	121	112	233
Восточ- ный отдел (НКВД)	25	2	24	24	49	26	75
Высшая школа штаб- ной службы	27		12	17	39	17	56
Итого	376	56	384	616	770	672	1442

⁵³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 62.

В бумагах комиссии содержится яркая характеристика поведения слушателей и исходившие из этого рекомендации: «В академии помимо материала слишком много занимаются политикой, мало учебой. Там значительное количество людей, особенно на Восточном факультете, пребывает из соображений ничего общего с приобретением знаний не имеющих. Необходима по сему чистка академии и значительное сокращение числа слушателей. Слушателей академии надо более или менее обеспечить, но лишить права работать в каких-либо учреждениях, ибо именно на этой почве большинство склок и недоразумений. Только одинаковый уровень жизни создаст нормальные условия работы, а для этого нужно довести число слушателей до такого уровня, чтобы мы в состоянии были обеспечить их существование. Необходимо⁵⁴ более или менее одинаковый уровень знаний, не слишком высокий, чтобы не закрыть доступ рабоче-крестьян [ским] элементам, но и не такой ничтожный, который давал бы возможность пробраться туда таким, пребывание которых в академии в смысле подготовки и приобретения знаний ни им, ни Красной армии ничего не даст»⁵⁵.

Материальное положение слушателей, в особенности семейных, оценивалось как тяжелое. Некоторые даже устраивались подрабатывать — охраняли магазины, склады, работали грузчиками, трудились на вокзалах. Нередко фиксировались случаи продажи обмундирования⁵⁶.

Параллельно шло расследование обстоятельств самоубийства слушателя Л. В. Лебедева. Причина усматривалась в травле, которой он подвергся в академии. 8 мая Лебедев подал заявление в бюро фракции РКП (б) академии с опровержением того, что он якобы состоял в кадетской партии, о чем сообщил в Разведупр его сокурсник В. Г. Драгилев⁵⁷. Последнему Лебедев предлагал в трехдневный срок лично заявить в Разведупр, что сообщенные им сведения не соответствуют действительности. В связи с причастностью Разведупра к случившемуся требовалось опросить и всех, кого упоминал Лебедев в своем заявлении от 8 мая.

Опросы, произведенные комиссией, позволили установить истину в этом вопросе. Лебедева почти все опрошенные охарактеризо-

⁵⁴ В документе — необходимо.

⁵⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. 92 об.

⁵⁶ Там же. Л. 35.

⁵⁷ Там же. Л. 11.

вали с положительной стороны как активного члена партии, человека с хорошей теоретической подготовкой и вполне образованного. Лебедев являлся бывшим поручиком, владел иностранными языками, отличался высокой работоспособностью⁵⁸. В 1917–1918 гг. придерживался меньшевистских взглядов. Академию он окончил в 1921 г. Общим было мнение о том, что Лебедев — типичный интеллигент, человек нервный, впечатлительный, склонный к самоанализу, с «тонким организмом». Первым ударом по нему стало исключение из партии в ноябре 1921 г. в ходе чистки, а вторым — заявление слушателя В. Г. Драгилева о кадетском прошлом Лебедева. Обвинения он воспринял как недоверие к себе.

Вопрос о Лебедеве рассматривался в целом как симптом неблагополучия коммунистической фракции академии, где имели место коммунистическое бахвальство, травля своих товарищей и сильно развитое склоничество, обусловленные наличием в академии различных группировок — «старой партийной братвы», «красноштанников», «шпористов», «штабс-капитанов», «интеллигентов». Сохранялись и антиспецовские настроения, то есть неприятие бывших офицеров — военспецов. На выборах в бюро фракции велась агитация за то, чтобы интеллигентов туда не выбирать. Редкое собрание обходилось без заявлений конфликтного характера или каких-либо инцидентов.

Возникшая в 1919 г. фракция РКП (б) академии занималась, в основном, административно-хозяйственными и учебными вопросами. Партийные вопросы рассматривались лишь по мере возникновения надобности (прием новых слушателей, перерегистрация, чистка). Когда партия и ее московская организация сталкивались с разногласиями, это отражалось и на фракции академии. Так, в период дискуссии о профсоюзах, проявилось несколько основных позиций. На платформе «рабочей оппозиции» стояли 133 человека, на платформе «десятки» — 39 и на платформе Л. Д. Троцкого — 10 человек⁵⁹. Много внимания фракция уделяла вопросам взаимоотношений с комиссарами академии и вопросам о начальнике академии. 19 мая 1921 г. по предложению слушателя Подшивалова общее собрание внесло пожелание, «чтобы академию возглавлял партийный товарищ»⁶⁰. Бюро фракции даже давало указа-

⁵⁸ Там же. Л. 31.

⁵⁹ Там же. Л. 47.

⁶⁰ Там же. Л. 47 об.

ния комиссарам академии. Например, 17 января 1921 г. просило комиссаров «уделять больше внимания интересам академии»⁶¹. Комиссару Э. И. Козловскому и вовсе было вынесено порицание за неудовлетворительную постановку хозяйственной части. На следующий день слушатель А. М. Вольпе на собрании предложил тезисы, среди которых был и такой: «Пополнение военных академий должно идти из единого источника и должно быть коммунистическим»⁶². Тезисы были приняты за основу.

Антиспецовские настроения проявлялись регулярно. 9 апреля 1921 г. слушатель И. Ф. Федько предложил провести перевыборы бюро фракции «ввиду его бессилия вести твердую политику борьбы с развивающимся влиянием военных специалистов, как в стенах академии, так и вне ее»⁶³, что и было сделано. 16 июня 1921 г. на общем собрании приняли резолюцию о необходимости «проводить принципиальную линию в вопросе использования кр[асных] генштабистов через центральные органы, добиваясь всеми мерами и способами захвата в свои руки руководящих жизнью Кр[асной] армии штабов и учреждений»⁶⁴. Этот же вопрос вновь обсуждался на общем собрании 24 июля 1921 г. Тогда группа слушателей внесла предложение об обеспечении «наиболее продуктивного проведения в жизнь процесса овладения всего аппарата управления Кр[асной] армией на смену старым военспецам, чуждым интересам пролетарской революции»⁶⁵. Налицо собственное понимание коммунистами академии этих интересов и стремление занять место во главе Красной армии, оттеснив генштабистов старой школы. Тогда же было внесено предложение, «чтобы преподавательский состав был обновлен, и генштабисты с опытом Гражданской войны должны прийти на смену заядлым военспецам»⁶⁶. 17 января 1922 г. слушатель М. А. Кручинский заявил о неудовлетворительном положении академии отчасти из-за назначения новым начальником А. И. Геккера. Собрания не привлекали всех слушателей-коммунистов. Обычно вопросы решались активом в 100–150 человек.

⁶¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 47 об.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

При этом фракция считала себя подсобным аппаратом административно-учебной жизни академии и даже претендовала на идейное руководство над фракциями прочих военных академий Советской России⁶⁷. Члены фракции выдвинули предложения по реформированию академических порядков. Речь шла о переменах в вопросах комплектования академии (увеличение пролетарского состава), политического воспитания, распределения выпускников по должностям.

Комиссия вела разбирательство и по нескольким персональным делам слушателей. Наиболее ярким был разбор инцидента со слушателем Михаилом Александровичем Кручинским (он же — Моисей Абрамович Шуф, он же — Строилов (Стромилов)). Это был один из множества авантюристов, которых вынесла на авансцену революция.

Слушатель А. Г. Бармин вспоминал, что в противовес генштабистам старой школы в академии возникла группировка «во главе со старым большевиком Кручинским, старым, естественно, в смысле партийного стажа, а не по возрасту, так как ему не было еще и тридцати лет. Это был кавалер ордена Красного знамени⁶⁸, человек весьма энергичный и обладавший настоящим даром оратора-демагога. Кручинский искусно разжигал существующее недовольство, и в этом его поддерживали несколько слушателей, прежде всего Дыбенко, Урицкий и Федько, которых в свою очередь поддерживал Ворошилов. Против выступало несколько молодых слушателей, в том числе и я, которым не нравились все эти интриги и склоки. Несмотря на сильное давление, нам удалось заблокировать избрание Кручинского в состав бюро нашей партийной ячейки. К нашему изумлению, он вскоре исчез, вернее, был «выведен из обращения» чекистами, которые нашли, что он обыкновенный авантюрист, что его партийный стаж является блефом, так же, как и его военные «подвиги»⁶⁹.

Действительно, в автобиографии и показаниях Кручинский дал о себе неверные сведения, назвавшись выходцем из русской крестьянской семьи, хотя на самом деле происходил из еврейской семьи Шуф. Кроме того, Кручинский утверждал, что еще в 1910 г.

⁶⁷ Там же. Л. 49–49 об.

⁶⁸ А. Г. Бармин ошибается. Среди награжденных этим орденом Кручинский не значится.

⁶⁹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 153.

вступил в РСДРП (б) по рекомендации своей близкой знакомой А. Мессинг, которая это категорически опровергла. Кроме того, Кручинский заявлял, что арестовывался царским правительством за принадлежность к партии, но никаких доказательств не привел. Отмечалось, что Кручинский крестился и венчался с дочерью князя Кудашева. Что касается его политических взглядов, то Кручинский успел побыть сионистом, анархистом, «а затем имел отношение к какой-то религиозной секте»⁷⁰. Когда после революции Мессинг потребовала от Кручинского расстаться с имевшимся в его владении земельным участком, Кручинский угрожал оружием, которое позднее у него изъяли чекисты. Наконец, Кручинский крестил свою младшую дочь⁷¹.

В своих путаных объяснениях Кручинский отметил, что действительно воспитывался в бедной семье Шуф и не скрывал этого, но мать неоднократно заявляла, что его настоящий отец — русский. Партийную работу в Александрове Владимирской губернии и арест подтверждал, отрицая причастность к сионистам и владение землей, крещение и женитьбу на Кудашевой⁷². Имела место даже путаница с возрастом Кручинского. Он считал, что ему 30 лет, но по справке о судимости выходило, что 25. Противоречие сам Кручинский сбивчиво объяснял тем, что при поступлении в школу годы были сбавлены, а при аресте в 1914 г. был показан меньший возраст для уменьшения наказания⁷³.

Биография Кручинского за период Гражданской войны еще интереснее. До IV съезда Советов председательствовал в московском уездном комитете РСДРП (б), состоял в президиуме уездного СНК, участвовал в ликвидации восстания левых эсеров. Затем каким-то образом оказался в отпуске в Житомире при гетмане П. П. Скоропадском. Связался с повстанческим ревкомом, после восстания возглавлял губЧК, отступил на Киев. Летом 1919 г. оказался под судом за расстрел спекулянта, за что был лишен права занимать ответственные должности в течение года, однако до истечения срока получил назначение начальником политотдела 44-й стрелковой дивизии. На IV Всеукраинском съезде Советов избран членом ВУЦИК, участвовал

⁷⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 17.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Л. 18.

⁷³ Там же. Л. 100.

в подавлении Кронштадтского восстания, якобы награжден орденом Красного знамени⁷⁴.

В академии Кручинский выдавал себя за старого члена партии, примыкая к группе так называемых «старых партийцев»⁷⁵. Для импозантности в анкетах о дореволюционной работе писал: «Каторга», хотя на каторге никогда не был. Как отмечалось в материалах расследования его деятельности ОГПУ, оказывал «разлагающее влияние на жизнь академии»⁷⁶, однако при этом состоял членом тройки в ячейке академии по чистке партии. Кручинский добивался ни много, ни мало назначения начальником Управления по командному составу Штаба РККА. Несмотря на неоднозначность личности Кручинского, Троцкий по линии Разведупра планировал направить его в Париж.

Члены комиссии опровергли ряд утверждений Кручинского. К тому же выяснилось, что коммунист крестил всех троих детей. После обсуждения сложившейся ситуации по указанию комиссии Кручинского арестовали⁷⁷. 12 июня члену комиссии Белобородову пришлось разъяснять общему собранию фракции РКП (б) академии, что арест не связан с работой комиссии⁷⁸. Возражений не последовало.

Вскрылась история и о том, что Кручинский, пользуясь принадлежностью к партии власти, самовольно завладел квартирой гражданина Константинова, в которой стал распоряжаться как хозяин. Свои действия Кручинский объяснил «классовой непримиримостью по отношению к буржуазии в лице Константинова со стороны его, чистокровного пролетария»⁷⁹. Однако, как мы уже знаем, Кручинский вовсе не был пролетарием. В бумагах комиссии отмечалось: «Если все написанное соответствует действительности, надо Кручинского выбросить как из партии, так и из квартиры»⁸⁰.

При расследовании деятельности Кручинского было установлено, что реально в партии он состоял не с 1910 г., а с 1917 или 1918 г., а увеличил свой партстаж в карьерных целях⁸¹. Однако да-

⁷⁴ Там же. Л. 100 об. — 101.

⁷⁵ Там же. Л. 101.

⁷⁶ Там же. Л. 101 об.

⁷⁷ Там же. Л. 21.

⁷⁸ Там же. Л. 30.

⁷⁹ Там же. Л. 92.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 101 об.

же ОГПУ не смогло дать ответ на все вопросы биографии арестованного авантюриста.

По итогам работы комиссии А. С. Бубнова арестовали слушателя Р. С. Циффера, но вскоре он был освобожден. Также был арестован слушатель Бородулин. В связи с этим начался раздрай среди слушателей. Причастен к этому также оказался Кручинский и находившийся под его влиянием слушатель Станкевич. Они обвинили часть бюро фракции в стремлении выдвинуться на место более способных работников путем их устранения через арест. Сотрудники комиссии отмечали, что, «по мнению [А. П.] Штродаха, которое, судя по общему впечатлению от Генштаба довольно основательно, там, в Генштабе все время идет борьба за власть, ибо работа так поставлена, что неизменно за влияние борются группы. “Какая-нибудь клика из двух — трех человек стремится захватить власть над фракцией и отчасти академией. Всеми средствами она старается победить клику-конкурента, и для этого обе стороны не стесняются никакой грязью — сплетничают, доносят, интригуют и т. д.

Лучшим средством излечения является отстранение от всякой работы, содействующей развитию самомнения.

Товарищи очень симпатичные, хорошие, но их нужно одергивать”.

Все показания по этому делу сходятся на том, что главным виновником всех склок как будто является Кручинский, человек энергичный и умеющий влиять на более слабую публику, организовывать ее и пользоваться ею»⁸².

В ЦКК было подано заявление слушателя Сергеева, как отмечалось в бумагах комиссии А. С. Бубнова, — «жалоба ничтожного человека на свою ничтожность. Слушатель академии уже второй год, но поразительно неразвитый и бестолковый»⁸³.

Также рассматривалось дело Ю. В. Саблина (бывшего левого эсера и одного из руководителей восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г.), который обвинялся: «1) в сепаратно-карьеристическом поведении по отношению к общей линии поведения правления ВНО и 2) в помещении в газете “Известия ВЦИК” не имевшего места на самом деле интервью с бывш [им] главноко-

⁸² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 92.

⁸³ Там же. Л. 92 об.

мандующим армиями ген[ералом] Брусиловым»⁸⁴. Дело разбирали на заседании партследственной комиссии при ячейке РКП (б) академии 5 мая 1922 г. еще до создания комиссии А. С. Бубнова. Последний же отмечал, что это дело «служит иллюстрацией внутреннего состояния ячейки Р. К. П. В[оенной] академии.

Это дело свидетельствует: Во 1-х) О несомненной легкомысленности поведения т. Саблина, дающего повод для общих нападок на так называемую в академии “группу интеллигентов” или иначе “штабс-капитанов”; во 2-х) О нарочито пристрастном отношении к т. Саблину некоторых товарищей из другой “группы” (т[ак] наз[ываемой] “старой партийной братвы”) и в 3-х) О чрезвычайной обостренности отношений в “верхушке” комячейки В [оенной] академии, которая по любому поводу неизбежно порождает склоку»⁸⁵.

Склоки проявлялись в самых разных ситуациях. В бумагах комиссии упоминалось о разборе «в ЦКК одного дела по контр [ольной] комиссии, где друг на друга ябедничают, подбирают факты и при первом столкновении при чистке и после чистки все выкидывается наружу»⁸⁶.

11 июня состоялось объединенное заседание комиссии ЦК, комиссара академии, представителей всех самостоятельных академических органов и бюро фракции РКП (б) академии. Обсуждались наиболее острые вопросы.

По оценке слушателя С. М. Белицкого, за почти четыре года работы академии смена комиссаров и начальников оказывала следующее влияние: «Все, что было до т. Тухачевского, можно характеризовать словом спец. До этого времени административная, хозяйственная и учебная жизнь была в руках слушателей, но тов. Тухачевский обновил часть профессуры, привлек новых и т. д. Если бы длительная возможность ему в дальнейшем была предоставлена, провести до конца все намеченные им реформы, положение академии всесторонне улучшилось бы. Геккер же и организатор чепуховской и в учебной программе ничего не смыслит. Единственно, на что он обращает внимание, это создать из нас хороших фельдфебелей»⁸⁷.

⁸⁴ Там же. Л. 91.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Л. 92 об.

⁸⁷ Там же. Л. 22–23.

По отношению к преподавателям Белицкий был чуть менее радикален: «Спецы не могут дать больше, чем дают, так как условия их материальной жизни очень плохи. Вообще, большего в смысле профессорского состава республика⁸⁸ дать не может, обновить же частично профессиру необходимо»⁸⁹.

В отношении самодеятельных органов (учкома — учебного комитета, контрхоза — контрольно-хозяйственного комитета, правления кооператива) Белицкий отметил, что эти органы «являются результатом нашей нищеты. Объективные условия говорят за то, что уничтожение таких сейчас невозможно. Высказывают убеждение, что если внутри [енная] и учебная жизнь академии наладится, то целый ряд органов самодеятельности сам собою отомрет»⁹⁰.

Что касается состава слушателей, то Белицкий выступал за монолитность в смысле рабоче-крестьянского происхождения обучающихся, однако в полной мере добиться такого состава не представлялось возможным.

А. М. Вольпе отметил, что за границей академии сокращены, что требуется провести и в Советской России в целях улучшения качества состава. По его мнению, красная академия лучше царской, но недостаточно квалифицирована. При этом «создать пролетарский состав необходимо, но к этому надо подходить осторожно. Профессорский состав улучшить невозможно, так как сюда привлечены лучшие силы, но их не хватает на такое большое количество слушателей. Надо подготовить красную профессиру. За все время у нас осталось только два человека»⁹¹. Поменять ситуацию, по мнению Вольпе, могло только распоряжение ЦК РКП (б) оставлять при академии 20 лучших выпускников. Ранее Вольпе отстаивал исключительно коммунистический состав академии.

Принял участие в дебатах и знаменитый революционер-террорист и бывший левый эсер Я. Г. Блюмкин, который заявил, что статистика по слушателям неверна и что среди них 35% рабочих на самом деле нет, а «действительно чистых рабочих и крестьян очень мало»⁹².

М. И. Прокопенко отметил, что рабочие и крестьяне составляют порядка 20% слушателей и нужно сохранить хотя бы та-

⁸⁸ В документе — республики.

⁸⁹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 23.

⁹⁰ Там же. Л. 22.

⁹¹ Там же. Л. 23.

⁹² Там же.

кое соотношение. Между тем, с подготовительного курса рабочих и крестьян отчисляли.

Белобородов заявил, что академия как советское, но не партийное учреждение не может быть полностью рабочей или коммунистической. Кроме того, по его мнению, требовалось изыскивать способы приобщения рабочих к высшему образованию, хотя неспособных отчислять необходимо⁹³. При этом он отметил, что разделение на советских и несоветских профессоров уже произошло, причем последние уехали за границу.

Слушатель Лепени подчеркнул, что военная наука должна восприниматься не с идеологической, а с практической стороны⁹⁴.

По словам С. Г. Гершевича, в академии имеется три основных курса: младший, старший и подготовительный. Всего 650 слушателей, из которых около 200 должны окончить академию в текущем году. На подготовительном курсе, созданном на базе Высшей школы штабной службы⁹⁵ специально для рабочих и крестьян без образования (военный рабфак), имеется 132 слушателя и 18 выпускников бывшей школы. В то же время на подготовительный курс академии попали и некоторые невежественные представители интеллигенции, поступавшие на младший курс⁹⁶.

Н. П. Крюков заявил, что не разделяет взгляд на необходимость сокращения академии. Наоборот, армии требуется как можно больше людей с высшим военным образованием. «Что же касается внутренних недочетов академической жизни, то главная причина заключается в отсутствии за все время существования академии единой воли, проводящей вполне определенную систему и направляющей всех и вся к достижению намеченных целей, т. е. во главе академии необходимо иметь высокоавторитетное лицо и в военном, и в политическом отношении, регулирующее своим авторитетом всякие внутренние отклонения»⁹⁷.

Помощник начальника академии Л. Ф. Печерский подчеркнул, что академия комплектовалась по решениям мандатной комиссии,

⁹³ Там же. Л. 24.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Подробнее об этом военно-учебном заведении: *Ганин А. В.* Эрзац-академия. Советские школы штабной службы в годы Гражданской войны // *Гражданская война в России: проблемы истории и историографии.* Сб. докладов. СПб., 2014. С. 121–135.

⁹⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 25.

⁹⁷ Там же. Л. 26.

в которой состояли и два представителя фракции РКП (б). Что касается расширения набора, то его в Реввоенсовете республики добился в бытность его начальником академии (с июля 1921 по январь 1922 г.) М. Н. Тухачевский, в результате чего был утвержден штат в 800 слушателей⁹⁸. Болезненным моментом было то, что пролетарской части комсостава РККА был закрыт доступ в академию. Печерский не согласился с Белобородовым в том, что академия — учреждение советское. Помощник начальника академии считал, что это военно-учебное заведение фактически должно быть партийным.

Итоги дебатов подвел А. С. Бубнов. Он отметил, что в академии нужны твердые учебные планы и программы, не только военная, но и учебная дисциплина. По его оценке, из армии требовалось направить в академию специалистов на пополнение преподавательского состава. В вопросе материального обеспечения академии Бубнов отметил необходимость повысить калорийность пайка, улучшить качество продуктов⁹⁹.

По итогам расследования 27 июня в протоколе заседания комиссии отмечалось, что «фракция В[оенной] академии находится в болезненном состоянии (не изжиты совсем антиспецовск[ие] настроения, сохранились отголоски “раб[очей] оппозиции”, имеется деление на “рабочих” и “интеллигентов” или “старую партийную братву” и “штабс-капитанов¹⁰⁰”, налицо интриганство, карьеризм, склопничество и проч[ее]»¹⁰¹.

Для решения проблемы «необходима самая радикальная чистка, д[олжна] б[ыть] создана специальная комиссия по проверке всего состава фракции академии... необходимо влить во фракцию академии группу стойких партийцев, которые бы своим авторитетом, влиянием, энергией сумели бы сплотить и укрепить фракцию Р. К. П. академии... необходимо дать В[оенной] академии в качестве комиссара старого ответственного парт[ийного] товарища с военным стажем»¹⁰².

На том же заседании обсуждался вопрос о мерах по совершенствованию учебно-административных вопросов. Комиссия считала, что начальником академии должен быть крупный военный спе-

⁹⁸ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 27.

⁹⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰⁰ В документе — штабс-капитаны.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 16.

¹⁰² Там же.

циалист при комиссаре — ответственном партийном товарище. Комиссару следовало придать двух помощников. Кроме того, требовалось лишить органы самостоятельности академии распределительно-административных функций. Участие слушателей в организации учебной части через постоянно действующий учком (учебный комитет) признавалось нежелательным и не отвечающим требованиям академии. Постановили сократить численность академии и сократить подготовительный курс.

Возможно, в связи с идеей чистки в академии был разработан проект положения о приемочно-поверочных политических комиссиях, утвержденный Оргбюро ЦК РКП (б)¹⁰³.

Разумеется, в намеченные две недели комиссия свою работу не завершила, проработав больше месяца (а позднее возобновила работу, уже осуществляя не обследование, а чистку академии). Но 1 июля Л. Д. Троцкому и ЦК РКП (б) были представлены результаты обследования академии, помеченные грифом «Совершенно секретно». Основным итогом стал доклад в ЦК. Суть его сводилась к тому, что внутренняя обстановка в академии и во фракции коммунистов неблагоприятна и предопределялась борьбой различных группировок слушателей. Слушатели вмешивались в учебный процесс. Сильны были антиспецовские настроения. Комиссия пришла к выводу о необходимости серьезной чистки и сокращения количества слушателей академии. Требовалось усилить и политическую работу, дав академии нового комиссара. Вопрос о чистке (в частности, об удалении карьеристов из коммунистической фракции) представлялся довольно неоднозначным. Не случайно на полях напротив кто-то из читателей поставил вопросительный знак. Тем не менее, в дальнейшем такая чистка была проведена.

15 июля 1922 г. РВСР постановил сократить переменный состав академии за счет тех слушателей, которые не имели годовичного стажа службы в РККА, не соответствовали по здоровью, не были способны по своему развитию воспринимать академический курс или вносили элементы недисциплинированности в жизнь академии¹⁰⁴.

Вопрос об академии обсуждался 28 июля 1922 г. на заседании секретариата ЦК РКП (б). В бюро фракции РКП академии члена-

¹⁰³ Там же. Л. 95.

¹⁰⁴ Муклевич Р. А. Академия после чистки // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 84.

ми партийной комиссии было направлено письмо с кратким изложением результатов обследования. Отмечалось, что покончивший с собой слушатель Лебедев был высококвалифицированным работником и добросовестным членом партии. Самоубийство слушателя связывали как с особенностями его характера, так и с обстановкой во фракции, а также с чисткой, которую в ней проводила «тройка» во главе с М. А. Кручинским — авантюристом, карьеристом и демагогом. Неблагополучие во фракции показало и дело Саблина. Вмешательство бюро фракции во все стороны жизни академии признавалось вредным. В качестве мер улучшения положения предлагалось сократить численность академии, повысить качество переменного состава (слушателей) путем чистки и строго соблюдения условий приема¹⁰⁵.

Началась чистка, проводившаяся в конце июля — августе 1922 г. 27 июля комиссия образовала четыре подкомиссии из трех человек каждая для проверки слушателей всех курсов. В каждую подкомиссию вошли по одному представителю от Политического управления РСФСР (ПУР), московского комитета РКП (б) (МК) и ЦКК. Подготовительный курс обследовала подкомиссия в составе Чельшева, Кольцова (от МК) и Гранберга (от ПУРа); младший курс — подкомиссия в составе Здобнова (заведующий транспортным отделом ЦК), Юркина (от МК) и Воробьева (от ПУРа); старший курс — подкомиссия в составе Лидан (от МК), Рошала (от ЦКК) и Прокофьева (от ПУРа); дополнительный курс — подкомиссия в составе Седого, Цихана (от МК) и Иорданского (временного заместителя Э. М. Склянского)¹⁰⁶. Кроме того, в этой работе приняли участие сами члены комиссии и другие видные партийные деятели: А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, С. С. Данилов, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, И. Н. Смирнов.

К середине августа проверка слушателей была завершена. Весь материал просмотрели члены подкомиссий во главе с членами комиссии (на дополнительном курсе — Бубнов, на старшем — Белобородов, на младшем, подготовительном курсах и в Восточном отделе — Сольц). Затем комиссия пересмотрела весь материал.

Чистка была крайне жесткой. При проверке рассматривались военный и партийный стаж, общее развитие, марксистская подготов-

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

¹⁰⁶ Там же. Л. 11.

ка, военные знания, характеристика как члена партии, состояние здоровья. Подлежали проверке как партийные, так и беспартийные слушатели. Результаты работы комиссии оказались следующими:

Таблица 4
Итоги работы комиссии по обследованию
Военной академии РККА¹⁰⁷

<i>Подготовительный курс</i>	
Проверено слушателей	109
Из них оставлено в академии	58
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	40
Демобилизовано из них	2
<i>Младший курс</i>	
Проверено слушателей	180
Из них оставлено в академии	107
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	73
Демобилизовано из них	10
<i>Старший курс</i>	
Проверено слушателей	122
Из них оставлено в академии	51
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	71
Демобилизовано из них	8
<i>Дополнительный курс</i>	
Проверено слушателей	198
Из них оставлено в академии	80
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	118
Демобилизовано из них	17

¹⁰⁷ Составлено по: РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 9, 11.

Проверено слушателей	63
Из них оставлено в академии	17
Отчислено за недостатком боевого, командного стажа и по иным причинам	46
Демобилизовано из них	?

Таким образом, из 722 слушателей были проверены 672 или 93%. Из 672 проверенных комиссией слушателей 348 исключили из академии по неблагонадежности, непригодности к штабной работе, слабой общеобразовательной подготовке, отсутствию командного стажа и другим причинам. Таким образом, были исключены 52% проверенных комиссией или 48% всех слушателей академии, что являлось огромным процентом. Кроме того, ряд слушателей исключили из партии: на дополнительном курсе — 25, на старшем — 15, на младшем — 10, в Восточном отделе — 9, на подготовительном курсе — 2. Итого — 61 человек. Впрочем, в отчетных данных есть разночтения. В частности, указано, что всего исключены из партии и переведены в кандидаты 83 слушателя¹⁰⁸.

По курсам исключили 73% Восточного отдела, 60% дополнительного курса, 58% старшего курса, 41% младшего и 36,7% подготовительного курсов. Таким образом, чистка в наибольшей степени коснулась Восточного отдела и дополнительного курса. Из каждых ста рабочих исключили 39, из каждых ста крестьян — 52, из каждых ста интеллигентов — 58. Многих отчисленных со старших курсов рабочих переводили на подготовительный курс. Отчисленные могли подавать апелляции.

По свидетельству слушателя А. Г. Бармина, чистки «отчасти требовала сложившаяся ситуация... Официальной целью чистки было избавление от авантюристов и чуждых элементов, а также тех, кто вступил в партию в корыстных целях»¹⁰⁹. По его же словам, «Центральный комитет партии, видимо, не забывший, как голосовала партийная организация академии в ходе дискуссии о профсоюзах (большинство было за “рабочую оппозицию”) про-

¹⁰⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

¹⁰⁹ Бармин А. Г. Соколы Трощкого. М., 1997. С. 133–134.

тив Ленина, Троцкого и Бухарина — решил, что в академии надо провести новую чистку. Эта чистка свалилась нам как снег на голову. Партийная комиссия, облеченная всеми полномочиями, работала очень жестко, и решения свои выносила в закрытом порядке»¹¹⁰.

Подкомиссия, обследовавшая дополнительный курс, отметила «необычайно низкий уровень общего политического и партийного развития, причем последнее в одинаковой степени поражает и в рабочих с крестьянами, и [в] интеллигентах¹¹¹ — в последних даже сильнее, нежели в первых и доходит поистине до результатов, при которых можно только удивляться абсентизму, невежеству и наивности слушателей»¹¹².

Примечательны и персональные заключения по отчисленным. Например, слушатель старшего курса И. В. Никитин называл себя рабочим, злоупотребляя этим. На самом деле он оказался бывшим лакеем графа Шереметьева. Исключен он был из академии «за низкий уровень развития, неподготовленность в военном отношении, полную политическую безграмотность, отсутствие интереса к общественной жизни, непригодность к штабной работе»¹¹³.

У слушателя дополнительного курса А. А. Евреинова, оказавшегося бывшим дворянином, мотивировка отчисления была следующей: «Полная бесполезность для Красной армии. Ничем не интересуется, ни в чем не разбирается. Нэпман»¹¹⁴.

Среди исключенных оказался слушатель старшего курса, знаменитый эсер-террорист Я. Г. Блюмкин: «Человек способный, но поверхностно усваивающий курс. В последний год в академии совершенно не работал, занимался другой работой. Склонник. Бывший эсер и не изживший еще окончательно эсеровщины. Не был на фронте, стажа никакого. Фракция обвиняет в карьеризме»¹¹⁵.

Ю. В. Саблин характеризовался как «политически безграмотный, несмотря на хорошее общее развитие (за что переведен в кандидаты), быв[ший] левый эсер, что чувствуется до сих пор.

¹¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹¹ В документе — интеллигентам.

¹¹² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹¹³ Там же. Л. 12.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

Чрезмерно самоуверен, по учебным отзывам военные знания слабы и поверхностны. В парт[ийном] отношении не активен. Масс чуждается. Больше годится к строевой работе, а не штабной»¹¹⁶.

Как «вносящий элемент разложения и деморализации» в среду слушателей оказался исключен из академии, а как «чуждый элемент и политически безграмотный» — еще и из партии¹¹⁷, бывший дворянин, гвардейский офицер М. В. Гильшер, состоявший в РКП (б) с 1920 г. По всей видимости, речь идет об офицере Лейб-гвардии Семеновского полка, предположительно младшем брате прославленного русского летчика-аса Первой мировой войны Ю. В. Гильшера¹¹⁸.

Академию покидали и слушатели с белогвардейским прошлым. Так, по состоянию здоровья был отчислен помощник командующего 7-м стрелковым полком 3-й Казанской стрелковой дивизии Х. Ф. Алишев — бывший поручик, участник Гражданской войны на Востоке России, служивший в Башкирском корпусе белых, вместе с которым в 1919 г. он перешел на сторону красных¹¹⁹.

Из Восточного отдела исключали случайных людей, попавших туда из-за пайка или карьеризма (через НКВД), не имея никакой связи с Востоком и с его изучением.

Слушатели воспринимали происходящее едва ли не как произвол. Так, А. Г. Бармин свидетельствовал, что «комиссия исключала людей из партии и из академии, мотивируя это всем, чем угодно, или вообще не приводя никаких мотивов. Так, были изгнаны из академии, скомпрометированы, остались без работы и практически без средств к существованию несколько офицеров, которые отлично воевали на фронте и сейчас заканчивали учебу в академии. Некоторые из этих отверженных покончили жизнь самоубийством. Из академии был исключен мой друг [Д. С.] Гаевский, которого я знал как человека, проявлявшего бесстрашие под огнем. Это был высокий, худощавый и обычно веселый человек, но, когда я встретил его через неделю после чистки, он был в состоянии, близком к отчаянию. Мы встретились в коридоре около каби-

¹¹⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 12–13.

¹¹⁷ Там же. Л. 13.

¹¹⁸ *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 75–76.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 330. Л. 93–99.

нета начальника академии. В руках у него я увидел письмо Троцкого и что-то блестящее. Гаевский с горечью сказал:

— Если я не достоин учиться в академии, то не знаю, для чего мне дали этот орден, — они могут получить его обратно!

Его восстановили в академии, поскольку допущенная несправедливость была слишком очевидна. Позже он стал одним из видных организаторов промышленности, но в 1936 году его обвинили в терроризме и заклеили как “врага народа”.

Другой мой друг, [Р. А.] Ицковский, сын бедного еврейского портного, который при царском режиме подвергался арестам, а затем принимал участие в революционной деятельности на Украине вместе с [Г. А.] Пятаковым, был по требованию Бубнова исключен из академии. А ведь он с ним, как я знал, в свое время спал на одном матрасе в киевской тюрьме. Однажды встретив его, Бубнов протянул ему руку, но Ицковский отказался ее пожать и сказал с улыбкой: — Сукиным сынам я рук не пожимаю.

Сейчас я вспоминаю, что он всегда был весел, как бы плохо ни шли дела, приговаривая, что все может быть еще хуже. Откуда у него был такой веселый характер? Из тюрьмы, где он провел пять лет в одиночке и кандалах, его освободила революция. Видимо, там он приучил себя улыбаться, несмотря ни на что¹²⁰. В конце концов, он был восстановлен в академии, а впоследствии занимал высокий пост в Наркомате внешней торговли. В 1935 году¹²¹ он был обвинен в “троцкизме” и исчез¹²².

Отчисляемые от академии слушатели, в основном, переводились в строй на год, чтобы затем вернуться в академию для зачисления на общих основаниях с прохождением мандатной комиссии и испытаний¹²³.

Вместе с тем РВСР в октябре 1922 г. разослал всем командующим войсками округов, фронтов и отдельных армий, а также начальнику академии циркуляр о том, что отчисленные направляются

¹²⁰ Р. А. Ицковскому был посвящен сатирический шарж в журнале клуба академии со следующей подписью: «Сидел два года в Шлиссельбурге, три года в академии. По происхождению рабочий, но от какой бы то ни было работы отлынивает. Был вычищен, но принят вновь, о чем он сожалеет не меньше, чем комиссия, начальство и профессура» (Красные зори. Ежемесячный журнал клуба Военной академии РККА. 1923. № 2. Февраль. С. 26).

¹²¹ Правильно — в 1937 г.

¹²² Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 154–155.

¹²³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

в войска, но «это отчисление, безусловно, не имеет сколько-нибудь дискредитирующего значения, а свидетельствует о том, что данное лицо при имеющемся служебном стаже и полученной общей подготовке не соответствует прохождению курса высшего военно-учебного заведения. В условиях же практической работы откомандирование для многих должно явиться благоприятным моментом, позволяющим пополнить существующие пробелы. Поэтому отчисление не закрывает в будущем большинству откомандированных двери академии, за исключением лиц, о которых это будет особо указано.

Исходя из вышеизложенного, Революционный военный совет республики еще раз подчеркивает, что отчисленные от академии не должны рассматриваться как отверженные, а скорее учитываться как лица, имеющие известный плюс в полученной, хотя бы и неполной, теоретической подготовке и тем самым для них должна быть создана на местах соответствующая товарищеская обстановка, позволяющая им плодотворно работать на должностях, к занятию которых они командируются»¹²⁴. Ряд слушателей был отчислен в войска для приобретения стажа. Ко времени приема 1923 г. в академию прибыли 20 таких слушателей, из них вновь зачислили 16 человек¹²⁵.

По заключению комиссии, основными причинами несоответствия слушателей, а также недоразумений были: недостаточная проверка поступающих, которые не имели боевого и политического стажа, а нередко даже не служили в РККА и не имели никаких заслуг, были непригодны к штабной службе, отличались беспочвенной самоуверенностью в знаниях и способностях, некоторым авантюризмом, обладали слабой общеобразовательной подготовкой, плохим умственным развитием, отличались политической безграмотностью или неблагонадежностью, имели слабое здоровье. На качество слушателей отрицательно влияла и неудовлетворительная постановка в академии партийной и политико-просветительской работы, а также отсутствие необходимой дисциплины, слишком большая свобода посещения лекций, слабый контроль усвоения предметов. Вредно отражалась на академии и частая смена начальников и комиссаров.

На будущее требовалось осуществлять отбор слушателей компетентной мандатной комиссии, обеспечивая однородность состава

¹²⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

¹²⁵ Муклевич Р. А. Академия после чистки // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 99.

зачисляемых путем недопущения лиц без боевого и строевого стажа, без политической подготовки, слабых здоровьем и не имеющих заслуг, доказывающих их преданность Советской власти. Командируемых должны были предварительно проверять окружные комиссии из командующего округом (члена РВС), начальника политического управления и начальника Особого отдела.

Члены комиссии отмечали важность для обеспечения надлежащего социального состава слушателей сохранения подготовительного курса академии, по крайней мере, на 50 человек, куда предполагалось направлять рабочих и крестьян, отвечавших условиям приема, но не имевших общеобразовательной подготовки.

Чистка несколько повысила процент партийных среди слушателей. Если ранее партийный стаж до Февральской революции имели 4% слушателей, до Октябрьской — 14%, после Октябрьской — 82%, то после чистки эти показатели составили 6%, 19% и 75% соответственно. Возросла военная подготовленность и социальная однородность слушателей, укрепилась дисциплина. По начавшему зарождаться корпоративизму красных генштабистов, потенциально опасному для большевиков, был нанесен мощный удар¹²⁶.

Парторганизация академии была освобождена от административных функций. Был ликвидирован и так называемый учком — учебная комиссия, созданная слушателями при бюро фракции коммунистов и пытавшаяся вмешиваться в учебный процесс. В период чистки сменился начальник академии. Вместо А. И. Геккера им в августе 1922 г. стал П. П. Лебедев. Новым комиссаром академии стал Р. А. Муклевич, назначенный 17 августа 1922 г. При назначении Муклевич получил от заместителя председателя РВСР Э. М. Скянского указание подтянуть академию, «превратить ее из клуба, в котором подвизаются политиканствующие элементы и происходит борьба группировок, в настоящее высшее учебное заведение Красной армии, в котором слушатели занимались бы серьезной военной работой и где не было бы места тунеядцам»¹²⁷. Требовалось радикальное улучшение партийной работы, для чего ячейка подлежала освобождению от административных функций и должна была заниматься исключительно поднятием партийного уровня своих членов,

¹²⁶ Подробнее о корпоративизме генштабистов до и после 1917 г. см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 13–95.

¹²⁷ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

а московский комитет партии делегировал своих инструкторов для руководства марксистскими кружками академии.

Комиссия обратила внимание на необходимость улучшения преподавания социально-экономических дисциплин — требовалось освещать актуальные сюжеты и вовлекать слушателей в обсуждение вопросов внутренней и внешней политики (сменовеховство, единый рабочий фронт, финансовая политика, Генуэзская и Гаагская конференции).

Органы самодеятельности слушателей должны были допускаться к административным вопросам лишь в исключительных случаях и лишь по распоряжению начальника и комиссара академии. Самодеятельность требовалось направить в сторону совершенствования усвоения знаний и расширения кругозора. Для повышения результативности обучения требовалось запретить совместительство (кроме исключительных случаев с согласия начальника и комиссара академии) и посещение наряду с академией других высших учебных заведений.

Вслед за чисткой слушателей комиссия сочла необходимой чистку профессуры, замену негодных на тех, кто выдвинулся на практической работе на фронтах и в военных округах. Такая чистка действительно состоялась. Требовалось улучшить и условия быта слушателей, которые оценивались как не вполне удовлетворительные.

4 и 6 сентября 1922 г. итоги работы комиссии обсудили в Оргбюро ЦК РКП (б). Доклад комиссии был утвержден. Для рассмотрения апелляции создавалась комиссия в составе И. Н. Смирнова, В. В. Куйбышева и М. М. Ланды¹²⁸.

Реализация указаний комиссии происходила осенью 1922 г. Были внесены изменения в организацию фракции РКП (б) академии, усилена подготовка по социально-экономическим дисциплинам, для чего привлекались лучшие лекторы (например, курс политической экономии младшему курсу читал один из основоположников польской коммунистической партии Ю. Мархлевский, курс «Политический строй РСФСР в связи с марксистской теорией права и государства» читал П. И. Стучка, историю РКП (б) на всех курсах читал А. С. Бубнов¹²⁹).

¹²⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

¹²⁹ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 124 об. — 125.

Оценивая итоги чистки, помощник начальника академии Л. Ф. Печерский отмечал, что «эта мучительная работа была закончена к середине сентября 1922 года. Было сделано много ошибок в этой огромной работе, как в смысле недостаточной чистки (например, Тертов), так и наоборот. Но это было неизбежно. Две дальнейшие комиссии исправили их. В результате этой работы был подготовлен фундамент для дальнейшего существования действительно Военной академии. По нашему мнению, что мы своевременно и докладывали РВСР, процесс реорганизации академии мог закончиться только лишь к 1923/24 учебному году... признаки «Запорожской сечи» почти исчезли»¹³⁰.

Тем не менее, проблема подбора слушателей академии никуда не исчезла. В новом наборе 1922 г. процент рабочих и крестьян оказался крайне низким. Из 161 человека, принятого на младший и подготовительный курсы, оказались всего 31 рабочий и 17 крестьян, то есть «правильное» происхождение имели лишь 30% нового набора¹³¹. Разумеется, людям без образования было крайне сложно удержаться в академии. В то же время, лица «неправильного» происхождения, бывшие офицеры, по другим статистическим выкладкам, составляли 46,7% набора 1922 г.¹³² Все это не могло не вызывать обеспокоенность курировавших академию партийных работников. Поэтому в конце года новый комиссар академии Р. А. Муклевич предложил для сохранения рабоче-крестьянского элемента слушателей дискриминационные меры — исключать не справляющихся с учебой интеллигентов, а вопрос об исключении рабочих и крестьян каждый раз рассматривать персонально и предоставлять по возможности отсрочки¹³³. Л. Д. Троцкий, в целом, с таким предложением согласился. Но, несмотря на все усилия партийного руководства, отказаться от опоры на военспецов в тот период было невозможно в силу низкого образовательного уровня прочих командиров РККА. Снижение процента бывших офицеров в командном составе РККА происходило постепенно. Завершили этот процесс репрессивные волны 1930-х гг.

¹³⁰ Печерский Л. Ф. 1921–22 учебный год (страничка воспоминаний) // Военная академия за пять лет. М., 1923. С. 78–79.

¹³¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

¹³² Муклевич Р. Кого мы приняли в академию в 1922 году // Красные зори. 1923. № 4. Апрель. С. 3.

¹³³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

ДОКЛАД КОМИССИИ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ
ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
РККА В ЦК РКП (б). 1 июля 1922 г.

В Центральный комитет Р. К. П. (б)

Комиссия по обследованию внутренней жизни Военной академии РККА приступила к работе 29-го мая с. г.

Комиссия, согласно постановления Оргбюро ЦК, за исходную точку своего обследования взяла самоубийство слушателя Военной академии тов. Лебедева.

Обследование велось следующим путем:

1. Было рассмотрено дело Л. В. Лебедева.
2. Собраны были различные дела слушателей академии, дававшие освещение состоянию фракции РКП В[оенной] академии.
3. Рассмотрены протоколы фракции и бюро фракции академии.
4. Произведено ознакомление с постановкой учебного дела.
5. Выяснено материальное положение, как слушателей, так и академии.
6. Собраны различные материалы, характеризующие состав слушателей академии, условия приема и проч.
7. Произведен опрос слушателей и администрации академии (о самоубийстве Лебедева, о внутреннем состоянии фракции и о материальном положении академии).

Комиссией были опрошены следующие слушатели академии — т.т. Кручинский, Венцов, Рымшан, Аронштам, Драгилев, Гайлис, Щаденко, Саблин, Блюмкин, Прокопенко, Жабин, Шаумян, Станкевич, Трифонов, Шарманов, Урицкий, Мирра, Артамонов, Дзешет, Белицкий, Подгорецкий, Подшивалов, Сахновский, Штродах и Карпун (всего 25 человек), также нач[альник] академии тов. Геккер и пом[ощник] нач[альника] тов. Печерский.

Письмо с вопросами о постановке учебного дела в академии было послано т.т. Геккеру и Печерскому, а также профессорам Военной академии т.т. Верховскому, Зайончковскому, Лукирскому, Снесареву, Свечину, В. Ф. Новицкому и Ф. Ф. Новицкому.

При опросе слушателей комиссия обратила внимание на некоторые противоречия в показаниях т. Кручинского, касающиеся его биографии. При производстве внимательного расследования по этому поводу обнаружилось, что М. А. Кручинский является личностью, требующей тщательного выяснения. Выяснилось, что М. А. Кручинский скрыл свой настоящий возраст, дал неправдивые показания о своем происхождении и неправильно показал свой партстаж (с 1910 года, тогда как в 1914 году в тюрьме он был сионистом, затем имел прикосновение к какой-то религиозной секте). На основании этих указаний комиссии пом[ощник] нач[альника] академии тов. Печерский арестовал Кручинского и препроводил его в распоряжение ГПУ (см. приложение № 5)¹³⁴.

Дальнейшее следствие дало вполне установленный материал для того, чтобы выступить с ниже формулированными комиссией предложениями, касающимися М. А. Кручинского.

Весь собранный и изученный комиссией материал лег в основу следующего общего заключения комиссии.

1. Кончивший самоубийством 15-го мая с. г. слушатель В[оенной] академии А. В. Лебедев по общему признанию был высококвалифицированным военным работником и добросовестным членом партии.

В то же время по своему психическому складу Лебедев был повышенно чутким, “испорченным”¹³⁵ самоанализом, склонным к самоуничтожению человека. Несмотря на неустойчивость своей психики, Лебедев постоянно боролся со слабостями своего характера и умел их побеждать. Налицо имеется много оснований предполагать, что дальнейший жизненный опыт, борьба, суровая обстановка военной работы могла его закалить и дать партии и республике стойкого и полезнейшего работника. Решение Лебедева застрелиться было реакцией впечатлительной, неустойчивой психики на те условия, которые его окружали и на те удары, которые ему были нанесены. Первым ударом было исключение из партии во время чистки, вторым — было заявление слушателя академии тов. Драгилева в Разведупр, принятое Лебедевым, как новое выражение недоверия к нему со стороны партии. Это все происходило,

¹³⁴ Не публикуется. Речь идет о протоколе объединенного заседания комиссии ЦК РКП (б), представителей всех органов самодеятельности и бюро фракции РКП (б) академии и комиссара академии Печерского от 11.06.1922 (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 22–29).

¹³⁵ В документе — испорченный.

во-первых, при наличии пристрастного отношения группы слушателей к тов. Лебедеву как к интеллигенту, во-вторых, при наличии почти недопустимо-небрежного отношения к тов. Лебедеву и его заявлению со стороны товарищей, стоящих во главе фракции (что ни в какой мере не может послужить материалом для обвинения их в преднамеренности к тов. Лебедеву) и, в-третьих, — в наличии некоторых признаков травли со стороны т. т. из группы так называемой в академии “старой партийной братвы” против так называемых “интеллигентов”, в том числе и против Лебедева (см. приложение № 1 раздел I и раздел II пункт а)¹³⁶.

Можно утверждать, что чистка в академии происходила в условиях ненормальных, т. к. она отражала ту борьбу группировок, которая имела место во фракции академии и во главе тройки по чистке стоял Кручинский, несомненный авантюрист, демагог, с карьеристическими наклонностями, который, как теперь выяснилось, нагло гнал, когда выставлял себя старым членом партии, перенесшим каторгу и т. д.

II. Для уяснения себе состояния фракции В[оенной] академии характеристика слушателя Кручинского представляется комиссии весьма необходимой: по данным, находящимся в следственных материалах О[собога] о[тдела] ГПУ, можно сделать следующие предварительные выводы о Кручинском-Шуфе:

а. Увеличил свой партстаж, указав его с 1910, тогда как следовало бы указать или с 1917 или 1918 года.

б. Сделал это увеличение партстажа с карьеристскими целями, дабы занять соответствующее положение в академии и Красной армии.

в. Вместе с другими повинен в разлагающей и дезорганизующей академию работе.

III. Если самоубийство Лебедева и верховодство во фракции Кручинского вне всякого сомнения являются характернейшими симптомами неблагополучия во фракции РКП (б) в В[оенной] академии, то дела т. т. Саблина и др., заявления и показания слушателей академии, работа фракции и ее бюро за годы существования академии и проч[ее] дают картину болезненного состояния фракции, выражающегося в следующих явлениях.

¹³⁶ Не публикуется. В деле не обозначено. Вероятно — Протокол № 5 заседания комиссии по обследованию внутренней жизни фракции РКП (б) Военной академии от 27.06.1922 (Там же. Л. 16–16 об.).

Несмотря на то, что целый ряд слушателей, дававших комиссии показания, стремился смягчить характеристику внутреннего состояния фракции, все же общая картина этого состояния из опросов вырисовывается достаточно ясно:

1. Постоянно возникающие трения на почве деления на “рабочих” и “интеллигентов”, “старую партийную братву” и “штабс-капитанов” и “красноштанников” и т. д.

2. Несомненная наличность коммунистического бахвальства и некоторого остатка антиспецовских настроений.

3. Постоянно вспыхивающее склочничество.

4. Некоторый карьеризм в верхушках фракции.

5. Сознательное уклонение от работы внутри фракции целого ряда партийных товарищей и некоторой части старых членов партии, инертность и апатичность массы членов фракции (см. приложение № 7)¹³⁷.

IV. Чрезвычайно вредно влияющим на внутреннюю жизнь фракции и на некоторые стороны работы академии обстоятельством должно быть признано постоянное, непосредственное вмешательство бюро фракции и различных органов самодеятельности в административно-хозяйственную и учебную жизнь академии (см. приложение¹³⁸).

Это вмешательство укрепляло почву, на которой произрастали антиспецовские настроения и даже теории, коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склочничество, а также множились различные недовольства и конфликты, как между слушателями, так и между слушателями, с одной стороны и администрацией и профессурой с другой.

Ввиду всего изложенного состояние фракции должно быть признано болезненным и требующим немедленного проведения системы и мер по оздоровлению.

V. Характеристика академической жизни, как со стороны административно-хозяйственной, так и учебной, данная в записках администрацией академии, профессурой и слушателями в лице бюро фракции (см. приложение № 10, 11 и 12)¹³⁹ не может быть призна-

¹³⁷ Не публикуется. Речь идет о документе «Главнейшие выводы из опросов, произведенных комиссией» (Там же. Л. 41–45).

¹³⁸ Номер приложения не обозначен.

¹³⁹ Не публикуются. Приложение № 10. Из доклада о состоянии Военной академии РККА (подана бюро фракции РКП Военной академии); приложение № 11. Сводка мнений о постановке учебного дела в В[оенной] академии; приложение

на удовлетворительной и также нуждается в целом ряде крупнейших изменений (чрезвычайно разнообразный состав по уровню подготовки; слишком разбухший численный состав академии, не согласованный с наличными материальными и преподавательскими ресурсами; отсутствие устойчивых учебных планов и программ и проч[его]).

В качестве практических выводов из этих положений комиссия предлагает следующее:

а. Признавая, что фракция РКП В[оенной] академии находится в болезненном состоянии (не изжиты еще антиспецовские настроения и даже теории, сохранились отголоски “рабочей оппозиции”, имеется недопустимое деление на “рабочих” и “интеллигентов”, налицо коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склочничество) провести для ее оздоровления следующие мероприятия: 1) Радикальную чистку фракции академии, удалив из нее (не из партии) все карьеристские и демагогические элементы. Для производства ее создать специальную авторитетную партийную комиссию. Необходимо влить во фракцию академии группу стойких партийцев, которые бы своим авторитетом, влиянием, энергией сумели бы сплотить и укрепить фракцию Р. К. П. академии. 2) Необходимо дать В[оенной] академии в качестве комиссара старого ответственного партийного товарища с военным стажем.

б. Для установления нормальных условий деятельности академии признать необходимым проведение следующих мер: 1) Сократить число слушателей академии до 400, считая в том числе прикомандированных особо выдающихся командиров и комиссаров для подготовки в академию и Восточный отдел. 2) Укомплектовать младший курс академии в текущем году лицами более или менее с однородным составом по стажу, развитию, возрасту и состоянию здоровья, для чего установить требования, которым должны удовлетворять все без исключения принимаемые в академию; 3) Не принимать совершенно не служивших в армии; 4) Не имеющих годового командного и комиссарского стажа; 5) Не могущих совершенно по своему умственному развитию воспринимать курс академии; 6) Подлежащих увольнению по состоянию своего здоровья. Все это провести до начала нового учебного

№ 12. Сводка мнений профессоров В[оенной] академии о постановке учебного дела в академии (Там же. Л. 49–56).

года, не допуская из этого правила никаких исключений; 7) Подготовительный курс сократить, поручив администрации академии разработать основы организации этого курса и постановки учебной части; 8) Во главе В[оенной] академии необходимо иметь начальника и комиссара при нем; 9) В качестве начальника следует поставить крупного военного специалиста; 10) Комиссару, ответственнейшему партийному товарищу, дать двоих помощников; 11) Органы самостоятельности в академии лишить распределительно-административных функций; 12) Участие слушателей в организации учебной части через постоянно действующий учком признать нежелательными и не отвечающим учебному состоянию и требованиям академии; 13) Признать 100% удовлетворение В [оенной] академии всеми видами довольствия задачей первостепенной государственной важности.

VI. Что же касается слушателя М. А. Кручинского, то признать необходимым исключить его из партии, изъять его из академии Генштаба, отстранить от работы в Красной армии и лишить всех знаков отличия.

VII. Обратиться от имени ЦК к фракции академии со специальным письмом, соответствующим постановлению содержанием.

Члены комиссии: *А. Бубнов, А. Белобородов, А. Сольц*
1.VII.[19]22.

РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 127–132. Машинопись

Николай Кабанов

ПЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ЛАТВИЮ (1987–1991).

Избранные интервью. Часть 1¹

1. Янис Юрканс, экс-министр иностранных дел Латвии (1990–1992)
2. Элита Вейдемане, экс-главный редактор газеты «Атмода»
3. Янис Диневич, бывший председатель фракции Народного фронта в Верховном Совете Латвии
4. Борис Цилевич, бывший тайный советник экс-премьера Иварса Годманиса
5. Андрей Пантелеев, экс-председатель комиссии Верховного Совета Латвии по правам человека и национальным вопросам
6. Александр Блинов, журналист, главный редактор газеты «Советская молодежь»

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Идея расширенных интервью с активными участниками движения за независимость Латвии возникла в 2005 году, в связи с 15-й годовщиной официального восстановления государственности. 20 января 2006 года в Риге была представлена книга «Цена независимости», состоявшая из бесед с бывшими государ-

¹ Первая публикация: *Николай Кабанов*. Цена независимости. Рига, 2006. Вышла в свет в январе 2006 года.

ственными и общественными деятелями недавнего прошлого. Тираж первого на русском языке труда о событиях новейшей истории был вскоре раскуплен, книга ныне является библиографической редкостью.

Сентябрь 2018 года, Рига

ХРОНИКА

1987 год

28 января — основан Клуб защиты среды.

14 июня — группа «Хельсинки-86» организует возложение цветов к Памятнику Свободы.

23 августа — беспорядки у Памятника Свободы, задержаны лидеры «Хельсинки-86» Линардс Грантиниш и Роландс Силарупс; вскоре они эмигрируют на Запад.

24 октября — призыв 1 600 человек к Совмину ЛССР об издании экологического бюллетеня.

10 ноября — Бюро ЦК КПЛ принимает постановление о мерах по предотвращению национализма.

18 ноября — Памятник Свободы блокирован; на площади Красных латышских стрелков проходит контрмитинг в защиту Советской Латвии с участием 10 тысяч человек. Выступают председатель горисполкома Альфред Рубикс и 1 секретарь горкома КПЛ Арнольд Клауценс.

14 декабря — ЦК КПСС принимает постановление «О националистических проявлениях в республиках Прибалтики».

1988 год

1 февраля — из заключения в Перми выходит один из самых известных латышских диссидентов Гунарс Астра (умер в апреле).

25 марта — с санкции ЦК КПЛ проходит траурная манифестация на Братском кладбище, во главе — Янис Петерс и Джемма Скулме. Четверо активистов «Хельсинки-86» задержано у Памятника Свободы.

Апрель — на базе Латвийского государственного университета в Риге проходит международная конференция «Окружающая среда-88».

1–2 июня — пленум творческих союзов Латвийской ССР.

14 июня — в митинге памяти репрессированных у Дома партполитпросвещения участвуют 100 000 человек. Выступает секретарь ЦК КПЛ по идеологии Анатолий Горбунов. Впервые манифестация происходит под красно-бело-красным флагом.

18 июня — ЦК КПЛ рассматривает вопрос «О политической ситуации в республике». С осуждением митингов выступает 1 секретарь ЦК КПЛ Борис Пуго.

27 июня — в Риге формируются первые группы по созданию Народного фронта.

1 июля — праздник песни Балтии «Гаудеамус».

5 июля — Бюро ЦК КПЛ рассматривает вопрос «О латышской национальной символике». Президиуму Верховного Совета ЛССР рекомендуется принять «культурно-историческую символику латышского народа». Принят также документ «О патриотическом движении в поддержку линии партии на перестройку».

30 августа — организуется координационный центр по созданию Народного фронта во главе с Я. Петерсом и завсектором печати ЦК КПЛ Янисом Шкапарсом. Фонд культуры Латвии открывает счет для Народного фронта, зачисляя туда 8 000 рублей.

Сентябрь — в Риге в парке «Аркадия» проходят акции Движения за национальную независимость Латвии.

27 сентября — Бюро ЦК КПЛ рассматривает вопрос «О государственном языке Латвийской ССР».

7 октября — митинг в Межапарке под девизом «За правовое государство»; на нем выступает избранный вместо Б. Пуго (отозван «на повышение» в Москву) Первый секретарь ЦК КПЛ Янис Вагрис.

8–9 октября — в Доме партполитпросвещения проходит I съезд НФЛ.

2 ноября — Совмин ЛССР принимает решение о реабилитации высланных из Латвии в 1949 году.

7 ноября — демонстрация на Комсомольской набережной проходит под красными и красно-бело-красными флагами.

11 ноября — на башне Рижского замка (Дворец пионеров) поднимается красно-бело-красный флаг. Манифестация на Комсомольской набережной.

18 ноября — официальные торжества в честь 70-летия провозглашения независимости Латвии.

Декабрь — Форум народов Латвии.

5 декабря — Совмин ЛССР принимает решение о возвращении имущества высланным из Латвии.

27 декабря — Бюро ЦК КПЛ поддерживает принятые на Форуме резолюции о суверенитете и хозяйственной самостоятельности Латвийской ССР.

1989 год

Январь — в доме Парtpолитпросвещения проходит I съезд Интернационального фронта трудящихся Латвийской ССР. Дума НФЛ осуждает «провокационную атмосферу». Начинают действовать Гражданские комитеты.

14 февраля — Совмин ЛССР принимает решение «О мерах по прекращению необоснованного механического прироста численности населения и регулировании процессов миграции».

19 февраля — ДННЛ проводит I съезд в Огре.

23–25 февраля — Интерфронт проводит массовые митинги у Памятника Освободителям; проходит также демонстрация военной техники.

1 марта — Бюро ЦК КПЛ осуждает «антисоциалистическую» платформу ДННЛ, организация объявляется противозаконной.

6 марта — Дума Народного фронта выступает против «неосталинистских», «оскорбляющих достоинство латышского народа», «шовинистских» лозунгов Интерфронта.

12 марта — НФЛ проводит предвыборную демонстрацию на набережной с участием 230 тысяч человек.

26 марта — выборы Народных депутатов СССР на альтернативной основе; НФЛ получает 30 из 41 мандата от Латвии.

Май — I съезд Фонда культуры Латвии призывает принять декларацию о суверенитете.

5 мая — 11-я сессия Верховного Совета ЛССР 11-го созыва принимает Закон о языках.

28 мая — II съезд ДННЛ в Национальном театре. Принята резолюция «О конгрессе граждан Латвийской Республики». Президиум Верховного Совета ЛССР признает регистрацию ДННЛ.

31 мая — правление Думы НФЛ принимает воззвание о полной независимости Латвии от СССР.

8 июня — Президиум Верховного Совета принимает декрет о реабилитации лиц, высланных из Латвии в 40–50-е годы. 14 июня объявлено днем памяти сталинских репрессий.

28 июля — Верховный Совет ЛССР принимает Декларацию о государственном суверенитете Латвийской ССР.

23 августа — манифестация «Балтийский Путь» по маршруту Вильнюс—Рига—Таллин.

26 августа — Политбюро ЦК КПСС принимает сообщение «О положении в республиках Советской Прибалтики».

7 октября — II съезд Народного фронта провозглашает главной целью создание независимой Латвийской Республики.

10 ноября — Верховный Совет в законодательном порядке утверждает 18 ноября государственным праздником Латвии.

27 ноября — Бюро ЦК КПЛ обсуждает письмо «национал-коммунистов» во главе с Марите Рукмане и Альфредом Чепанисом.

1990 год

15 февраля — Верховный Совет принимает Декларацию о государственном суверенитете Латвии, в которой признает недействительной с момента подписания Декларацию о вступлении Латвии в СССР от 21 июля 1940 года.

1 марта — Верховный Совет принимает закон «Об альтернативной (трудовой) службе».

2 марта — Верховный Совет утверждает комиссию для восстановления политической и экономической независимости Латвии.

18 марта — избран новый Верховный Совет Латвийской ССР.

6 апреля — XXV съезд КПЛ. «Платформа Рубикса» одерживает верх над «Платформой Чепаниса»; сторонники независимой компартии уходят со съезда; Первым секретарем ЦК КПЛ избран А. Рубикс.

8–23 апреля — выборы в Конгресс граждан Латвийской Республики.

14 апреля — Учредительный съезд Независимой компартии.

30 апреля—1 мая — Конгресс граждан провозглашает восстановление Сатверсме (Конституции), Мирного договора 1920 года и совокупности граждан до 1940 года.

4 мая — Верховный Совет принимает Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики. Начинается период двоевластия.

7 мая — утверждено правительство во главе с Иваром Годманисом.

14 мая — президент СССР Михаил Горбачев объявляет декларации прибалтийских республик противоречащими Конституции СССР и не имеющими силы.

15 мая — создан Комитет по защите прав граждан и конституции СССР и Латвийской ССР, в который входит фракция «Равноправие» Верховного Совета Латвии. Возле здания ВС происходит стычка Рижского ОМОНа и демонстрации офицеров и курсантов военных училищ.

1 августа — в Верховном Совете выступает председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин.

Сентябрь — в Латвии начинают параллельно действовать две прокуратуры. Рижский ОМОН выходит из подчинения МВД Латвии и переходит под управление Вильнюсской дивизии внутренних войск МВД СССР.

11 октября — Бюро ЦК КПЛ принимает решение о создании рабочих дружин.

7 ноября — военный парад на набережной; ОМОН поднимает красный флаг на крыше Дома печати.

14 ноября — Верховный Совет Латвии принимает решение о полном прекращении материального снабжения и социального обеспечения Вооруженных Сил СССР.

17 ноября — М. Горбачев призывает И. Годманиса подписать новый Союзный договор с СССР.

25 ноября — Вселатвийский комитет общественного спасения принимает резолюцию о заключении нового Союзного договора.

6 декабря — Вселатвийский комитет общественного спасения призывает М. Горбачева ввести в Латвии прямое президентское правление.

11 декабря — правление Народного фронта выпускает обращение «Ко всем сторонникам независимой Латвии».

15 декабря — III съезд Интерфронта поддерживает введение прямого президентского правления в Латвии.

1991 год

1 января — Рижский ОМОН занимает Дом печати.

10 января — массовый митинг сторонников Интерфронта у Совмина с требованием отставки правительства Годманиса.

13 января — в Вильнюсе войска штурмуют телецентр. В Риге НФЛ организует массовую манифестацию на набережной. Начинается строительство баррикад у стратегических объектов. В Таллине проходит встреча А. Горбунова и Б. Ельцина, подписан договор «Об основах межгосударственных отношений между ЛР и РСФСР», в котором предусматривается для лиц, имеющих

гражданство СССР, право сохранить его или свободно приобрести гражданство ЛР.

14 января — Верховный Совет ратифицирует договор с Россией.

15 января — радиостанция «Содружество» объявляет о переходе всей власти в Латвии в руки Вселатвийского комитета общественного спасения. На стадионе СКА проходит митинг, на котором провозглашается отставка Верховного Совета и правительства Латвии. Рижский ОМОН занимает школу милиции.

16 января — при стычке между ОМОНОм и защитниками баррикад — первый погибший.

20 января — столкновение у МВД Латвии; ОМОН занимает здание МВД. Пять погибших и смертельно раненых.

19 февраля — Верховный Совет утверждает делегацию для переговоров с СССР во главе с Илмаром Бишером.

6 марта — взрывы у офицерского общежития, у моста военного городка Адажи.

25 мая — маневры военной техники ПрибВО на улицах Риги. ОМОН проводит 21 рейд на таможенные пункты по границам Латвии.

Июль — визит председателя правительства Годманиса и министра иностранных дел Яниса Юрканса в США; встреча с президентом Джорджем Бушем-старшим.

19 августа — в СССР введено чрезвычайное положение. Образование ГКЧП. Совместное заседание Бюро ЦК КПЛ и Рижского горкома КПЛ поддерживает ГКЧП. Прокурор ЛССР Даукшис рассылает всем районным прокуратурам телеграммы о переходе всей власти в руки ГКЧП. Командующий ПрибВО Федор Кузьмин в телефонном разговоре с председателем Верховного Совета А. Горбуновым требует исполнения всех указаний ГКЧП, в противном случае — арест.

Рижский ОМОН с помощью вертолетов и БТР занимает телевидение, радио, главное управление внутренних дел Риги, МВД, базу Первого отдельного полицейского батальона («белых беретов»), узел дальней связи. Прекращена междугородняя телефонная связь.

20 августа — ОМОН и десантники разоружают охрану Совмина ЛР.

21 августа — Верховный Совет ЛР принимает Конституционный закон о государственном статусе Латвийской Республики, за-

вершающий переходный период и провозглашающий Латвию независимой республикой.

23 августа — Арестован А. Рубикс, «белые береты» занимают здание ЦК КПЛ. Верховный Совет принимает Закон об ополчении.

24 августа — решением Верховного Совета запрещается деятельность КПЛ, Интерфронта, Совета трудовых коллективов, Вселатвийского комитета общественного спасения. Прекращается деятельность КГБ, военных комиссариатов и прокуратуры СССР в Латвии.

31 августа — Рижский ОМОН вылетает в Тюмень.

Сентябрь — лишаются полномочий депутаты Верховного Совета ЛР, принадлежащие к Вооруженным Силам СССР, а также поддерживавшие ГКЧП.

6 сентября — Верховный Совет СССР признает независимость Латвии.

18 сентября — Латвийская Республика принята в Организацию Объединенных Наций.

3 октября — в Москве проходят первые переговоры министра по особым поручениям Я. Диневича и советника президента СССР А. Яковлева о выводе войск из Латвии.

15 октября — принимается постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных правилах натурализации» (последняя откладывается на неопределенный срок). В Латвии появляется более 700 тысяч неграждан. Латвия устанавливает дипломатические отношения с СССР.

13 ноября — создано Министерство обороны Латвийской Республики.

21 декабря — СССР прекращает существование.

1. ЯНИС ЮРКАНС, ЭКС-МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЛАТВИИ (1990–1992)

Юркaнс Янис (1946) — закончил Латвийский государственный университет (английский язык и литература), в 1974–1978 преподаватель английского языка в ЛГУ, спасатель на пляже, в 1981–1989 маляр Комбината декоративного искусства, в 1990–1992 министр иностранных дел в правительстве И. Годманиса, с 1993 по 2006 — депутат Сейма, руководитель фракций Партии народного согласия, «За права человека в единой Латвии», вновь Партии народного согласия. Затем занимался лоббистской и консультационной деятельностью. Был помощником депутата Европарламента А. Рубикса.

— *Каким образом Вы узнали об идее Народного фронта Латвии? Первые впечатления от этой организации?*

— Во-первых, в то время я переживал серьезный личный переломный период. До октября 1988-го полгода был в больнице. Когда вышел — почувствовал: нужно начинать новую жизнь. Где-то прочитал объявление, что Народный фронт приглашает на работу специалистов по языкам. Вот и заявился туда, и меня взяли с трехмесячным испытательным сроком. Вот этот-то испытательный срок пока, кажется, и продолжается до сих пор...

— *Кто конкретно принимал Вас на работу?*

— Правление. Человек 20–30. Сидели такие гранды, как Маврик Вульфсон, Илмарс Бишерс, Юрис Боярс, Дайнис Иванс и другие.

— *Ваша первая реакция на такое собрание: Вы воспринимали это как очередную инициативу компартии, или считали, что это нечто качественно новое?*

— По-моему, соответствующая атмосфера была не только в Латвии, но и во всем Союзе — атмосфера перемен. Когда каждый день чувствуешь: что-то важное происходит. То, что Михаил Горбачев назвал перестройкой, оказалось на самом деле развалом — нарастание его ощущалось с каждым днем. Об этом все больше писали, все больше открывалось непривычной правды, больше становилось гласности, открытости. Люди начали разъезжать по заграницам. Словно приоткрылись глаза. Телепере-

дачи — того же Инкенса — были такими, что казалось: «Господи, эти кадры должны же лежать где-то в сейфах, в архивах КГБ!» Но это ежедневно показывали в телепрограмме «Лабвакар». Вы, наверно, этого не помните. Вам сколько лет было?

— Я помню, мне было достаточно лет.

— Так вот, это был период, когда... невозможно не реагировать. Понимаете: когда льет дождь, то не чувствовать его, если ты на улице — с зонтом или без такового, — нельзя. А тогда именно лило! Что-то постоянно происходило, какой-то активный процесс развивался. Самое замечательное, что этот процесс захватил практически все слои населения. Да, были как бы две баррикады — Интерфронт и Народный фронт. Но баррикада Интерфронта была тогда довольно слаба и незначительна.

— Что Вы делали в Народном фронте, какие функции исполняли?

— Сначала работал переводчиком, переводил документы, писал письма, ответы на письма. Тогда многие руководители — члены правления, как Шкапарс, например, — не знали иностранных языков. Председатель НФЛ Дайнис Иванс тоже фактически не мог объясняться ни на одном европейском языке. Словом, многие. Вот и начал работу в качестве переводчика. А потом, со временем, мне уже больше доверяли — я стал, как говорят, spokesman — пресс-секретарь. То есть уже имел право отвечать на вопросы журналистов, которые постоянно здесь ошивались. Так мало-помалу и дошло до 1990 года, когда встал вопрос о министре иностранных дел. Кандидатов на этот пост было несколько: Вульфсон, Эдвин Инкенс, Янис Фрейманис, Мартиньш Вирсис... В конце концов остановились на мне — 22 мая меня и избрали.

— Вы уже занимали в то время какую-то должность в структурах Народного фронта?

— Нет, я был там просто рядовым чиновником. Даже не был делегатом ни одного из съездов. Просто чиновник.

— Если не секрет, какая у Вас была зарплата?

— Ну... где-то рублей 200–250.

— Когда Вы стали министром, где разместилось внешнеполитическое ведомство?

— На улице Пилс, 11. Мы с премьером Иваром Годманисом и пошли туда 22 мая. Этой структурой руководил тогда Эйженийс Почс. Там же работали старые кадры — Зелманис, Нейландс, еще несколько человек. Они в основном занимались визовыми вопросами.

— *Они были лояльны к Народному фронту?*

— Поначалу, конечно. Понимаете: пришел в Министерство иностранных дел маляр. Или матрос-спасатель... Ведь в моей биографии был и такой сюжет — когда меня выгнали из университета, где я работал. А в советские времена был закон: ты непременно должен был где-то на госработе числиться. Ну, я и устроился на спасательную станцию в Вецаки, и три раза в неделю ходил туда на ночное дежурство. Так что днем мог заниматься зарабатыванием денег.

— *У Вас был опыт зарубежных командировок?*

— Никакого. А в Народном фронте появился. В первый раз я выехал за границу в 1989 году. Помню, как раз на женский день мы были в Стокгольме, и там был парад в честь 8 марта. Да, это была первая моя загранпоездка — через Ленинград, Хельсинки и Стокгольм.

— *Вам удалось встретиться с кем-то из латышской эмиграции?*

— Да, с самого начала, в Швеции. Сразу у меня не сложились отношения — мой английский заставлял их думать, что я непременно работаю где-то в органах, или меня готовят для какой-то подрывной деятельности в Народном фронте. Было много неприятных моментов. Потому что соотечественники все время искали красных у себя под кроватью.

— *А как Лайла Фрейвалдс?.. Она же социал-демократка.*

— Она была в правительстве Швеции и немного пообщалась с нами лишь вначале.

— *И в Соединенных Штатах были?*

— В Штаты мы первый раз поехали с Годманисом в 1990 году. Были в Белом Доме. Принимал нас Буш-старший.

— *Как долго продолжалась встреча?*

— По-моему, минут сорок.

— Как, на Ваш взгляд, президент Буш воспринимал ситуацию в Латвии?

— Буш?.. Думаю, он воспринимал ситуацию в целом в Советском Союзе. И у него, и вообще на Западе тогда самой ходовой фразой было: «Не раскачивайте лодку Горбачева — он нам важен, так что не мешайте большим процессам».

— Как же тогда получилось, что он Вас принял? Кто-то пролоббировал?

— В принципе, в Америке живет где-то около 200 тысяч латышей, и их эмигрантские организации — вообще балтийские организации — довольно влиятельны. Во-первых, у нас было представительство в Вашингтоне. Официально оно не называлось посольством (на английском — *legation*²). Хотя, в принципе, можно было и посольством называть, потому что господин Анатолс Динбергс, который тогда им руководил, считал себя самым старым послом в Вашингтоне и пользовался всеми соответствующими статусу почестями. Его приглашали на приемы в Белый Дом. Он мне и выдал паспорт, с которым у меня были потом всякие приключения. То есть, в Вашингтоне было здание, на котором висел латвийский флаг. Декоративно было и в Госдепартаменте. Проходишь, едешь к Бейкеру на седьмой этаж и видишь: в фойе — балтийские флаги.

— С Рейганом Вы тоже тогда встретились?

— С Рейганом встретились в 1991 году.

— Какое впечатление на Вас произвели Буш и Рейган, кто больше понравился?

— Как человек Рейган, несомненно, был таким бархатным, что ли. В своем поведении, что очень к нему располагало. Не сухарь, остроумен, рассказывал какие-то анекдоты. Говорит: «Я собираю анекдоты про Горбачева. Ты знаешь какой-нибудь?» Я не ожидал, что должен буду рассказывать Рейгану анекдоты про Горбачева. А он: «Ну, ты подумай, а я расскажу». И что-то рассказал... Короче, Рейган очень умел к себе расположить! Он понимал разницу наших весовых категорий, поэтому, чтобы гость не стеснялся, создавал атмосферу, чтобы тому было легко, приятно и интересно.

² Дипломатическая миссия

— Было похоже, что Буш-старший руководил ЦРУ? Выдавали какие-то черты характера?

— Буш... Понимаете, я знаю как это все происходит. Скорее всего, минут за десять до встречи с нами — мной и Годманисом — он бегло прочитал что мы за люди. К тому же вычитал, что — ага! — Юрканс поляк. Потому вдруг во время нашего разговора спросил: «А как ты в Латвии очутился?» Я говорю: «Точно не знаю, но вроде прадед в карты проиграл свое польское имение и поехал в Латвию счастье искать». Ну смех, байки.

Это была первая, но не последняя с ним встреча. Он, как и Рейган, тоже не был заносчив. А вот Бейкер был другим — сноб, не сноб... Англичане говорят: stiff upper lip, что дословно — «тугая верхняя губа», то есть — человек, который не смеется. Он был таким солидным, что ли... А кто такие были мы? Маленькие...

— А когда приезжали в Москву, с кем там общались?

— С Горбачевым, Рыжковым, Шеварднадзе, Яковлевым... Это были официальные встречи. Рыжков — премьер-министр! Здесь же шла речь о банках, рублях каких-то... — не все же тут за одну ночь поломалось. Едем в лифте в Кремле! А провел нас туда сам Альберт Каулс — хозяин знаменитой агрофирмы в Адажи. Он у Горбачева тогда советником был. Он-то нас и водил по кабинетам. Вот лифт открывается — и ты попадаешь в большую приемную. А там сидят Рыжков, Горбачев...

— Кто был тогда там самым сильным политиком, личностью?

— Очень мудрым казался Яковлев. Рыжков тоже был ничего, хотя «министр иностранных дел» по отношению ко мне произнес с явной насмешкой. Шеварднадзе выглядел усталым, он как-будто в принципе понимал нас, даже сказал в заключение: «Ну, надо подумать, как это все сделать». Он не был настроен как Горбачев — мол, «нет, никогда!»

— То есть, Горбачев был негибким человеком?

— Я думаю, он был человеком, которого тогда больше всего занимало воссоединение Европы, Германии. Думаю, ему очень льстило, что он популярен на Западе. В 1989 году я был в Берлине и видел, как его принимали. Эти советские флаги!.. «Горби, Горби!» У меня остались фотоснимки. Да, на Западе он был герой. Знаете, почему? Потому что снял страх, в котором жили западные люди...

Потом — если уж говорить о лидерах, с которыми удалось увидеться, — очень интересной была встреча с Маргарет Тэтчер. Понимаете, очень важно, по-моему, когда ты занимаешься такими серьезными государственными делами, чувствовать, что с тобой общаются большие личности. Вот именно — очень важно! Как-то сразу проясняется: ты что-то говоришь именно *человеку*, а не известной фамилии (со многими, как, скажем, с Миттераном, совсем не то). Маргарет Тэтчер и Рейган — да, это были такие... Гавел, например, оставил впечатление такого незаметного человека. А с Валенсой вообще было очень трудно разговаривать!

— *Вы с ним по-польски говорили?*

— Да. Но все вообще — мимо! Некоммуникабелен он. «Ну, отстань!»

— *В Польше он был народным кумиром.*

— Я говорю о том, как он выглядел на переговорах, на международной арене. Знаете, на приемах обычно принято общаться, а он стоит в сторонке — ему все это было в тягость.

— *Почему так получается, что все политики, которые Вам нравятся, — консерваторы? Вас же считают левым либералом.*

— У нас тогда не было выбора. Возьмем мир — в Великобритании у руля был Джон Мейджор, в Германии — Гельмут Коль, во Франции — Франсуа Миттеран. Ну ладно, социалист, но от социализма там было мало чего. Его тоже очень заботила судьба Горбачева... Италия не в счет: они с нами не возились. Ну да — Папа Римский. Да, он был наш. А левые... где они были, эти левые?

— *Хочется задать вопрос о Вашей миссии с Ивансом на Западе. Говорят, Вы получили какую-то карточку от шведского правительства, с которой путешествовали потом по всему миру?*

— Не было такого. Вы ведь имеете в виду денежную карточку? Но. Тогда ситуация была такая: 13 января 1991 года в Литве началось то, что началось — известные события. А у нас было внеочередное задание, и решили послать меня вперед — в Швецию, чтобы показать, что мы боремся: общаться там с правительством, рассказывать, что у нас происходит. Я приехал туда в рубашке и джинсах, сначала жил в гостинице. Шведские социал-демократы меня

одеди — это факт. То есть просто были люди, с которыми я проше- лся по магазинам, купил какие-то вещи, рубашку, галстук.

— *Как Вы тогда — 13 января — пересекли границу?*

— У меня хватило какого-то чутья взять с собой паспорт.

— *Советский?*

— Конечно! Я поехал в Хельсинки — был рейс Рига-Хельсин- ки в три часа ночи. Нас повезли на площадь, где собрались люди. Шведы внимательно отслеживали все, что тут происходило, чув- ствовалась большая симпатия, поддержка.

— *Фактически Вы были послом?*

— Да. И я прожил там до марта.

— *В чем заключались Ваши функции? Здесь же вроде бы все «устаканилось».*

— Моя функция была в том, чтобы рассказывать о моей стра- не. Не только в Швеции. Мы и в Бонн ездили, встречались с де- путатами и другими людьми, которые в то время делали погоду в политике. Мы рассказывали, что было, что есть, что, по-нашему, может быть. Лично я тогда уже не сомневался: Советский Союз разваливается. Было очень много информации, что вот-вот про- изойдет путч... Его ожидали в июне, в июле, когда Горбачев будет находиться на встрече «большой семерки»...

— *А почему никаких превентивных мер не было предпринято правительством Годманиса?*

— Что мы могли? Здесь же стояла Советская Армия. Ну, были мешки с песком... Понимаете, кажется: вот — баррикады, симболи- ка, значки. Но это же как бревно Ленина... Многие живут иллюзией, что эти баррикады спасли Латвию от кровопролития. Думаю, наста- нет время, когда люди будут реально, трезво, без предрассудков пи- сать, что действительно разрешило ситуацию. В принципе, я думаю, что процентов на 65 все произошло именно так, как произошло, бла- годаря нашей внешней политике, внешней деятельности балтийских политиков. Не потому что я там был, а потому, что работа, которую мы проделали, сыграла существенную роль. Я думаю, Вы понимае- те: если бы захотели Горбачев и министр обороны Язов, они что — эти баррикады не смели бы?.. Но просто такое давление было —

и со стороны Белого Дома, и со стороны Великобритании, Германии... Горбачев просто не мог себе позволить насилия.

Хотя помнится и такой эпизод: в 1990 году мы были гостями саммита ОБСЕ в Париже в статусе почетных гостей французского правительства — это уже кое о чем говорило. Но за пять минут до начала заседания нас выгнали из зала, потому что Горбачев сказал: «Или они, или я». То есть, был период, когда Горбачев должен был решать, с кем он: с демократами, или с силовиками. Демократы — разрозненные, слабые, и он в какой-то момент подался в сторону силовиков. Поэтому в январе и произошло то, что произошло. Однако благодаря поддержке, очень сильной реакции Запада, Горбачев все же не мог позволить себе пойти таким путем дальше, решать что-то силовыми методами.

— *Вам не кажется, что Витаутас Ландсбергис в Литве сознательно провоцировал ситуацию? Потому что, если мы посмотрим, в каждой из трех республик — своя история; в Эстонии вообще не было баррикад и крови, а в Литве было относительно сильное кровопролитие. Рассказывают, что в Вильнюсе снайперы «Саюдиса» стреляли в людей.*

— То же самое рассказывают и про события на Бастионной горке в Риге. И что делал это Альфред Петрович Рубикс. Иначе говоря, измышляют всякую чепуху. Как оно на самом деле было, узнаем ли мы?..

— *На Ваш взгляд, политическая динамика, которая имела место в Латвии в те дни, — она способствовала демократии? То, например, что ушел с поста главы НФЛ Дайнис Иванс и пришел Роумальдас Ражукас, вообще все те тенденции в Народном фронте 1991 года?*

— Я думаю, что, во-первых — если говорить о политической атмосфере здесь, — в очень большой мере нашему успеху на Западе способствовал референдум о независимости Латвии (3 марта 1991 года) и отношение русских людей к этому процессу. Ладно — был Интерфронт. Но референдум в принципе показал, что большинство людей хотело жить в независимой Латвии (73,8% из 87,5% проголосовавших жителей). Люди поддерживали наши лозунги...

Что касается Дайниса Иванса... Его уход вызван тем, что он довольно слабый человек. Он хорош, даже очень привле-

кателен на митингах, во время массовых каких-то акций, но как чиновник, как руководитель — не был готов к такому посту. И потому он отдал его Горбунову. Толковали по-разному — что обо всем давно договорились, и фактический лиер Янис Петерс отдает пост Ивансу, чтобы не было впечатления, что бывший член ЦК компартии возглавил Народный фронт. А потом, когда уже дорвались до власти, то ее все же понадобилось отдать Горбунову...

— *О лишении людей гражданства в октябре 1991 года... Благодаря чему, на Ваш взгляд, прошло такое решение Верховного Совета?*

— Дело в том, что когда лидеры Народного фронта почувствовали, что «наша взяла», что мы уже — независимое государство, то сразу и началась борьба за экономическую власть. Это — раз. Во-вторых, думаю, в значительной мере проявила себя латышская эмиграция, которая без стеснения говорила: «А что вы с ними, этими русскими, будете делать? Ничего не получится — их слишком много». Это был период, когда структуры «тримды» — эмиграции — сыграли сильную роль. Эгилс Левитс — сначала казалось, что это человек, избалованный западной демократией! — стал очень радикальным.

— *Будущий президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга тоже тогда себя проявляла?*

— У Вике-Фрейберги мы гостили дома в Монреале в 1989 году. Во всяком случае, активно она не участвовала в политической жизни — занималась культурой, сюда, оказывается, наезжала еще с советских времен.

— *Вам довелось участвовать в начале переговоров о выводе российских войск из Латвии. Как это было?*

— Сначала все шло гладко — по крайней мере, до моего ухода в конце 1992 года. У нас был этакий медовый месяц с Россией, казалось, что все пойдет как надо. Потому что Россия тогда не стеснялась произносить слово «оккупация». Козырев, Лукин, Шелов-Коведяев, Федоров и многие другие, бывшие при Ельцине... Ельцин тоже был довольно такой... наш, можно сказать.

— *Какой, простите, Ельцин был?*

— Поначалу, когда сюда проезжал, он не был таким неприятным, каким стал после, когда его переизбрали на второй срок президентства.

— *Из-за алкоголя?*

— Думаю, что (возможно, это грубо) у него «крыша поехала». От алкоголя?.. Не знаю... Но это дирижирование в Германии... Он вел себя недостойно.

— *А люди, которые окружали его?*

— Ну что это за люди!.. Там очень много было таких... Понимаете, вот идет бизон, а на спине у него куча разных птичек сидит... Таких было много. Спрашиваешь бывало: «Ты там — советник, часто его видишь?» — «Вообще не вижу». — «Как же ты работаешь?» — «Пишу записки». — «И он их читает?» — «А хрен его знает!» Все это не просто было понять — Бориса Ельцина начали окружать элементы, которые принялись грабить Россию.

— *О вашем уходе с поста министра... Кто были ваши противники?*

— Я думаю, главную роль сыграл Горбунов. Я ему не нравился. Есть несколько эпизодов, о которых не буду говорить, но ясно показавших: я ему антипатичен, и он хочет от меня избавиться. Мы много разъезжали вместе...

Потом — Годманис. Он не был столь слабовольным, однако его решения зависели от того, кто был последний человек, с которым он говорил. Он много сделал, но ему было очень нелегко, в то же время он был нервным, страшно тяжелым человеком. Как он мучился, объявляя мне, что нужно уйти!.. И как потом в своих книгах врал, почему это произошло... Я же просто написал заявление и сказал: если тебе надо — получай.

— *Вы знали, что на Ваше место придет Георг Андреев?*

— Не знал. Знал только одно: мне было не больно. Хотя это был большой откат от того, что мы намечали. Конечно, большую роль сыграло во всем этом мое интервью с Залманом Кацем — в нем я начал говорить, что если мы стали так обходиться с серьезными вещами, то Европа нас не поймет. В принципе, фраза была такая...

— На цитаты, значит, начали ловить... Но меня интересует экономическая политика премьера Годманиса — то, что началось в 1991–1992 году: приватизация... Вокруг Годманиса, говорят, сплотились определенные люди — группа «Байба», например, или SWH... Насколько эти лоббисты принимали участие в экономических решениях?

— Знаете, я был настолько наивен, что мне казалось: украсть у государства — это противоестественно... Для меня Народный фронт был своего рода храмом, и мне в голову никогда не приходило, что там что-то такое нечистое может быть. Только сейчас, оглядываясь назад, говорю себе: а ты вспомни, кто тогда валютой распоряжался? Кто выдавал лицензии? На те же металлы, например? Ведь люди там так «варились»!.. Потом стало видно, кто что приватизировал... А как было с этим «Латтелекомом»?.. Уже тогда сюда приезжали эмигранты-бизнесмены, которые, в принципе, стали смотреть на Латвию как на некий бизнес-проект, а на государство — как на вотчину, в которой все плохо лежит.

— На Ваш взгляд, этот «бизнес-проект» удался спустя 15 лет?

— Я думаю, да, к сожалению... Что мне тогда не нравилось? Народу стали внушать, втирать в сознание слово «оккупация». С помощью этого слова легко было освежить и такие понятия как «рука Москвы», «коммунист», «чекист». Вместо того, чтобы людям внушать: «Ты свободен, свободен! Работай сам!», им все время вдалбливали: «Ты оккупирован... депортация... деколонизация...» Это делалось не для каких-то мелких целей. Была большая травля, настолько успешная, что даже сегодня бедность растет. Да, мы знаем это, но все равно: национал-радикал Александр Кирштейнс — герой, правые все, кто загнал людей в нищету, тоже герои, за них голосуют. Потому что людям внушили: нас следует бояться. Потому что мы — левые, предатели, «рука Москвы», которая потенциально готовит им Сибирь.

Вот Вы говорите — «экономические решения». Да, мы — самое бедное государство Европейского Союза! Когда мы это все начинали, помните — кричали: «Литовцы, эстонцы?.. Да никогда они нас не опередят!» Одно время они и плелись где-то там позади. А мы — Латвия, Рига — метрополия Балтии!

И что из этого получилось?..

2. ЭЛИТА ВЕЙДЕМАНЕ, ЭКС-ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «АТМОДА»

Вейдемане Элита (1955) — закончила Латвийский государственный университет (латышский язык и литература), в 1980–1981 учитель в Юрмале, в 1981–1988 корреспондент газеты ЦК ЛКСМ Латвии *Radomju Jaunatne*, в 1988–1991 главный редактор газеты Народного Фронта Латвии *Atmoda*, затем еженедельника *Atmoda Atrūtai* (до 1996), главный редактор еженедельников *Jūrmalas Avīze*, *Septiņi*, *Vakara Ziņas*. В настоящее время заместитель главного редактора ежедневной *Neatkarīgā Rīta Avīze*. Известный антироссийский и русофобский блогер.

— Скажите, пожалуйста, как Вы, журналистка, восприняли перемены, наметившиеся с приходом к власти Михаила Горбачева в 1985 году?

— Я тогда была корреспондентом газеты «Падомью Яунатне». Очень хорошо помню то время, когда умер Брежнев. Похороны его оставили комический осадок. Конечно, смерть не может быть смешной — но ведь как хоронили Брежнева! Мы смотрели телевизор в редакторате, и когда гроб буквально кинули в могилу, и он там громыхнул, — всем нам по идее надо было, по ритуалу, встать. Но наоборот, всем стало смешно...

Потом короткое время были Андропов, Черненко. И вот — Горбачев. В этот момент мы все поняли: что-то должно измениться, пойти по-другому. Но то были пока только предчувствия, веяния... И всё же через очень короткое время стало ясно: да, в самом деле близятся перемены!

Впервые я это поняла в январе 1988 года, когда начала писать о Рижском метро. В «Падомью Яунатне» прошла маленькая заметочка (помню, ее написала Иева Райскума — она сейчас работает в каком-то женском журнале) о том, что в зале университета состоится обсуждение вопроса о Рижского метро. Я туда пошла и после довольно горячих дебатов и непримиримой позиции противников строительства метро в Риге почувствовала: это — первая ласточка, которая возвещает нам свободу. Это ощущение было пока больше где-то в подсознании, нежели в мыслях.

Начался этап «против метро». Мы писали об этом около полугода, и к нам в редакцию пришло почти 70 тысяч подписей тех, кто не принял планы строительства подземки. Каждую неделю мы подсчитывали эти голоса. Среди них были и мнения специалистов, доказывавших, что под Ригой копать опасно. Но главным тут стал другой вопрос — национальный: строительство метро вызовет новый приток мигрантов в Ригу, в Латвию. А нам их уже и без того хватало — куда же еще!?

Как известно, от метро в конце концов отказались. И думаю, во многом благодаря нам и, в частности, моим многочисленным публикациям. Конечно, нельзя отрицать и самого активного участие в этом деле Клуба защиты среды.

Так для меня началась горбачевская эра, которая у нас завершилась созданием Народного фронта в октябре 1988 года.

— *У Вас были какие-то личные причины не любить советскую власть? Может быть, репрессированные родственники?*

— Разумеется. В 1949 году в Сибирь выслали мою бабушку. Высылки же едва избежала и моя мама — она как раз училась в последнем классе средней школы в Резекне, и учитель истории предупредил ее о том, что готовится депортация. Тогда она просто спряталась у него дома. Конечно, бабушку репрессировали без всякой причины — была просто хозяйка дома и все. Она вернулась в 1956 году, когда мне уже исполнился год. И потом много рассказывала мне, как жила в Сибири. Мама тоже немало рассказала. С этих-то времен — то есть, с тех пор, как себя помню, — у меня и появились личные основания не любить советскую власть.

— *А то, что Вы работали в комсомольской газете, как с этим сочетается?*

— Где еще можно было работать? Были разве какие-то альтернативы?.. Тем более, что эта комсомольская газета в ту пору была одной из передовых — в том смысле, что давала материалы, которые не шли в партийной «Цине». Вообще, было три-четыре газеты, выходивших в Латвии, которые еще можно было читать: «Падомью Яунатне», «Советская молодежь», ну и еще «Литература ун Максла».

— *Когда Вы встретились с Народным фронтом?*

— Встреча была интересной! В 1988 году я написала статью о Раганском бое. В 1941 году был бой под Инчукалнсом (Раганская волость) — в нем погибло семь офицеров из Литенских лагерей Гулбенского района. Эти семь латвийских офицеров завязали схватку с красноармейцами и, конечно, все погибли. Они были похоронены на Инчукалнском кладбище, потом там поставили памятник. В советское время он был взорван, а в 1987 году его стали восстанавливать Добелис, Грутупс, Шубровскис — об этом я и написала. И меня так разнес в «Цине» Янис Дзинтарс (историк) — обвинил в буржуазных настроениях и так далее. В результате меня из «Падомью Яунатне» *попросили*. Я, не оглядываясь, ушла, потому что понимала: там воздуха нет, и они боятся, что я еще что-то большее могу сказать. Редактор Андрейс Цирулис давно лучше смотрел на меня уходящую, чем на приходящую.

В то же время позвонил Дайнис Иванс и сказал:

— Может, пойдешь в Народный фронт?.. Давай, будем делать газету «Атмода».

— *Не помните, кто предложил это название — «Атмода»?*

— Не знаю, кто конкретно предложил — там ведь уже было кому! Может, Иванс, а может, кто-то другой... Так получилось, что первый номер делал Ингус Гайлумс. И сделал его как раз к I съезду НФЛ, в октябре 1988 года. Потом, однако, он чего-то испугался и ушел, из-за чего газета не выходила целых полтора месяца. Вот Иванс и позвонил мне: «Приходи и делай». Не задумываясь, я согласилась. Хотя выпускать *такую* газету в тот момент было довольно опасно. Мы не знали, разрешат ли ее, как не знали, заплатят ли нам за работу, и вообще — будет ли Народный фронт? Нам *надо было* бояться. Но мы — вчетвером — все же принялись за работу.

— *Что были это за люди?*

— Янис Круминьш, Асколдс Родинс и Тамара Ринга. Потом к нам еще присоединилась Даце Балоде.

— *На I съезде Народного фронта Вы были?*

— Нет. В те дни (октябрь 1988 года) я находилась в Грузии, где проходил слет представителей молодежной прессы. Там были многие из Латвии и всего тогдашнего Союза. Я знала, что готовится съезд Народного фронта, и все же поехала в Грузию — так получилось.

— *Как Вы восприняли Дайниса Ивана, председателя Народного фронта с октября 1988 года по май 1990 года?*

— Я его тогда очень мало знала, только по статьям об экологическом состоянии реки Даугава. И вообще мало общалась с ним — в основном встречалась с Сандрой Калниете, Янисом Шкапарсом, потом присоединился Иварс Годманис. С Ивансом же у нас как-то вообще не получилось никакого контакта.

— *Почему?*

— Ну, не знаю. Он вообще какой-то странный человек. Не особенно интересовался газетой, очень мало у нас публиковался — можно сказать, вообще не публиковался. Вот Годманис, напротив — тот много писал. И Шкапарс писал, и Диневич.

— *Шкапарс, говорят, бывший цензор — работал в секторе ЦК по печати.*

— Цензор?.. Может быть. Я в эти дела не вникала. Знала лишь, что нашим главным цензором был в ЦК Оярс Скудра, который ругался все время с нашим Круминьшем: «Что вы там пишете?!». Даже не ругался, а издевался. А сейчас вот — лектор в университете, молодых журналистов учит. Вот что интересно!

— *А Сандра Калниете, вроде, была склонна к искусству?*

— Я знала, что она искусствовед. Но в Народном фронте она искусством совершенно не занималась. В ее ведении были разные организационные дела, и в этом плане она там очень многое делала — это была просто ее жизнь. Ничем другим, кроме этого, она не занималась.

— *Кто, как Вы считаете, были Ваши идеологические противники в тот период?*

— В 1988–1989 годы — ЦК КПСС! (Смеется). А кто персонально?.. Борис Карлович Пуго, Соболев...

— *И какое впечатление производил Пуго?*

— Впечатление умного человека — конечно, полностью подчиненного коммунистической идеологии. Он умел обосновать свое мнение. Я с ним тет-а-тет встречалась только раз — в конце 1988 года. Мы говорили, само собой, об «Атмоде». Не помню, о чем конкретно, но осталось впечатление, что это — умный, уравновешенный человек.

— А Соболев?

— С ним лично я не встречалась, но постоянно чувствовала его удушающее присутствие.

— *Первый секретарь ЦК КПЛ Борис Пуго в октябре 1988 года ушел, Янис Вагрис пришел. Как Вагрис воспринимался?*

— Нами не воспринимался как враг. До сих пор, до сего момента я не могу понять его роли в 1988–1989 годах. Он был настолько тихим человеком, что я даже его мнения никогда не слышала.

— *Движение за национальную независимость (ДННЛ) отражалось вами? И какие сложились отношения между Народным фронтом и ДННЛ?*

— Это было как-будто сотрудничество. Но НФЛ — как организация — был более спокойным, сдержанным, что ли... более заземленным, можно сказать. Во всяком случае, Фронт не был столь экстремальным, как ДННЛ. И нередко, надо сказать, НФЛ склонялся к тому, что не следует немедленно требовать полной независимости. Однако, обращение 31 мая 1988 года показало, что и в Народном фронте были люди, которые хотели именно полной независимости Латвии. На чем, собственно, и настаивало ДННЛ.

— *Это движение также первым подняло вопрос о гражданстве: его, дескать, не следует давать всем, а лишь тем, кто проживал здесь до 1940 года. В вашей газете велась какая-то дискуссия по этому поводу? А возможно, 1940 год был принят сам собой?*

— Да, пожалуй, именно сам собой. Конечно, была и дискуссия... Надо посмотреть газету...

— *Понятно. Для Вас этот вопрос был вторичным?*

— Ну да, можно и так сказать. В большинстве случаев мы занимали даже более экстремальную позицию, чем Народный фронт, его Дума или Правление. Мы принимали больше документы ДННЛ, чем НФЛ.

— *Кто из ДННЛ был вам симпатичен как политик — Андрейс Крастиньш, Юрис Добелис?*

— Да — и Крастиньш, и Добелис... Что интересно — я не помню, что в то время делал Эйнарс Репше. Совершенно не помню.

Но что он пытался попасть в Верховный Совет, когда были эти выборы, — это я помню.

— Но ведь он и попал.

— Да, конечно, попал. Но я совсем не помню, что он делал до того...

— *Первый председатель ДННЛ Эдуардс Берклавс, наверное, тоже в списке симпатичных политиков?*

— Да, Берклавс, конечно, да...

— *А Маврик Вульфсон?*

— Он был очень интересный человек в то время. Он состоял, конечно, в Народном фронте. Но занимал более радикальную позицию, чем Правление или Дума Народного фронта, и это впечатляло.

— *А так называемое русское крыло НФ? Что Вы о нем можете сказать — о тех людях, которые тогда поддерживали идею независимости?*

— Конечно, это приятно, что они поддерживали эту идею. Но вот что интересно: многие из них, — даже те, кто работал в «Атмоде», — перешли потом на какие-то странные позиции, мне непонятные...

— *Как Вы считаете, Народный фронт выполнил все свои обязательства перед жителями Латвии?*

— Какие конкретно?

— Ну, например — обязательство, что Латвия будет нейтральным государством, в котором не будет иностранных войск. Сейчас у нас разные военные объекты, совместные с НАТО. Тогда же о НАТО и речи не было.

— Тогда не было. Но время очень быстро идет вперед. Мы, как известно, вступили в Евросоюз и НАТО — это логично. Как же мы могли остаться за пределами какой-то солидной международной организации?!.. Мы не можем жить одни.

— *А вот те же самые, например, Норвегия или Швейцария...*

— Ну, это богатые страны — они могут себе позволить!

— Просто, видимо, речь о том, что благосостояние и нейтралитет как-то связаны между собой. Так?.. Например, Швеция нейтральной политики придерживается уже 200 лет, и — из-за того, что она не участвует в войнах, — имеет высокий жизненный уровень. Потому, помнится, НФЛ и говорил, что мы будем жить, как Швеция.

— Я бы не сказала, что стоит теперь говорить, что надо жить, как в Швеции. Притом, в Швейцарии, может быть, и лучше. А нейтралитет... Мне очень жаль, что мы вступили в войну с Ираком, очень жаль. Я совершенно не приветствую этот шаг — тем более на фоне разговоров о нейтралитете каком-то. Но, к сожалению, нам это надо было сделать, ведь мы поддерживаем Америку... Но зачем, зачем?

— Латвия и Россия подписали договор в 1991 году. Это был тяжелый момент для всей Балтии. Этот договор предусматривал свободный выбор гражданства жителями Латвии. И буквально на следующий день договор ратифицировал латвийский Верховный Совет. Однако проблема неграждан существует уже более 13 лет. Как Вы считаете, это была со стороны Народного фронта правильная политика?

— К сожалению, я не вникала в этот вопрос. И что я могу сказать?.. Гражданство может получить каждый человек, который сдаст экзамены, который лоялен к Латвии. Я думаю, это не проблема — получить гражданство.

— Если еще вспомнить январь 1991 года... Вы имели какую-то информацию, что здесь готовятся вооруженные акции?

— Конечно! Все имели.

— Ваши действия? У вас была какая-то запасная база для выхода газеты?.. В подполье, может быть, уйти?

— Мы и об этом думали, конечно. Но какого-то физического запасного варианта все же не было. Были отдельные мнения о том, что нам делать, если и в самом деле будет переворот, сюда придут какие-то войска, и все повернется по-другому. Может, это были и какие-то ребяческие мысли — вроде того, что мы перебазировемся куда-нибудь на хутор и там будем делать газету. Это было такое экстремальное, радикальное время, когда ничего нельзя было предусмотреть заранее. Разные происшествия следовали одно за другим...

— *Занятие ОМОНОм Дома печати в январе 1991 года сильно повредило выходу газеты?*

— Нет. Конечно, нам было бы лучше именно там печатать газету. Но мы, когда все это произошло, сразу же стали думать, что делать дальше. Нам очень помог Ромуалдас Ражукас, который тогда был председателем Народного фронта, — он нам и подсказал, где печататься. То есть, предложил Литву, издательство «Титнагас», где мы и печатали газету какое-то время. Потом печатали также в Эстонии, в Тарту — больше года это продолжалось.

— *Почему о Ражукасе сейчас мало вспоминают?*

— О нем я могу сказать только хорошие слова. Потому что он был единственным руководителем Народного фронта, который хотел сотрудничать с газетой «Атмода», знал все наши трудности и поддерживал нас.

— *Скажите, а Вы критиковали Ивара Годманиса, когда он стал премьер-министром в мае 1990 года?*

— Да.

— *За что?*

— За то, что он стал смотреть, что называется, *в другую сторону*. Я вот что имею в виду: когда он был в Народном фронте, то знал наши проблемы, помогал. Не только нам — думал и о другой печати, которая выходила. А когда стал премьером, то, конечно, стал думать о всей Латвии, о государстве в целом, и проблемы, касавшиеся только нас, его уже не интересовали.

— *А в целом его политика — в области экономики, например, — была, на Ваш взгляд, верной?*

— Надо учесть, что он был первым премьером. А быть первым премьером в государстве, которое нужно восстанавливать, — это, согласитесь, очень и очень трудно. Никто ведь толком не знал, что и как делать. Конечно, у Годманиса были какие-то ошибки. Но в целом, могу сказать, я его поддерживала — он шел в правильном, на мой взгляд, направлении.

— *Вы, кажется, сотрудничали с Сармите Элрете. Чем она тогда занималась?*

— Нет, с ней я не сотрудничала. Вначале она была главой Информационного центра Народного фронта, потом взяла вожжи в свои руки и стала править газетой — чисто правительственной. Не «Атмода» стала правительственной, а именно «Диена».

— «Диена» сейчас контролируется шведским капиталом. Кто, интересно, принял решение, что ее надо приватизировать? Ведь сама она не могла себя продать, поскольку являлась государственной собственностью.

— Я не вникала в перипетии вокруг этой газеты. Но, очевидно, это все было сделано очень тонко, раз уж правительственная газета была приватизирована. Как?!.. До сих пор экономисты спорят, каким образом это произошло.

— Вот ведь и правительственная некогда «Латвияс Вестнесис» стала приватизированной — принадлежит сейчас вашему бывшему коллеге, бывшему фотографу «Атмоды» Оярсу Калниньшу. Выходит, в Латвии правительственных, государственных газет нет вообще!

— Выходит так...

— А почему, скажите, из «Атмоды» сделали «Атмода Атпунтай»?

— Всегда когда-то что-то кончается... «Атмода» долго существовала — лет шесть, наверно. И последние три года, после 1991 года, ее, прямо скажем, уже вытягивали — в сущности, газеты уже не было. Мне совершенно непонятно, зачем ее тянули, как кота за хвост?.. Вот и первые три съезда мы работали с Народным фронтом, который тоже скончался после III съезда. Потому что в 1991 году мы добились независимости, и Народный фронт исчерпал себя.

— А чем же, в таком случае, Улдис Аугсткалнс руководил?

— Ну, то, чем он руководил, не нужно, по-моему, называть Народным фронтом — то уже была карикатура. И людям, которые тогда интересовались исключительно политикой, уже немножко поднадоело это. Три года были в политике — пора и отдохнуть!

— Но Вы ведь начали «отдыхать» еще до обретения независимости.

— Да, но тогда были еще какие-то экономические коллизии. Народный фронт думал, что мы — их собственность, их рабы. Точнее, не Народный фронт, а Правление — в частности, Иванс, Аугсткалнс и другие. А мы так не думали. Мы думали, что должны отражать все, а они — что только то, на что они нам укажут.

— *Наверняка Вы ездили в то время за границу. Какой зарубежный газетный опыт Вы внедрили в «Атмоде»?*

— Надо сказать, в газетах я была не очень во многих. Вот в Швеции была в «Вестманландс Ландс Тиндген».

— *Я там тоже был, в городе Вестероз.*

— Да, Вестероз. Они дружили с нами — с «Атмодой», а не с Народным фронтом. Хорошая газета была! Они нам подарили десять компьютеров — это была хорошая поддержка. У них работала отличная типография, газета выходила каждый день, как наша «Атмода Атпутай». Нас интересовало, какие у них рубрики, какой у журналистов распорядок дня и так далее.

— *А вот знаменитого западного «отделения фактов от комментариев» в «Атмоде», насколько мне известно, все же не придерживались!*

— Да, не придерживались. У нас была своя, иная раскладка — мы сами все придумывали.

— *СМИ Латвии сейчас, на Ваш взгляд, свободны?*

— От чего?.. Ну да. Вообще нет, конечно. Каждая газета ведь кому-то принадлежит.

— *Вам не бывает горько за то, что какие-то вещи не получились так, как Вам бы хотелось?*

— Как сказать... Некоторые люди, которые были в Народном фронте, теперь поднялись по плечам других и просто переменялись — не помнят тех идеалов, которые мы видели тогда перед собой... Что не получилось?.. Я думаю, получилось самое главное: мы вернули независимое государство. Это самое главное! Конечно, в семье не без уродов — есть люди, которые просто пользуются плодами, дарами революции.

— *Какую роль, на Ваш взгляд, сыграли западные латыши в истории Атмоды — не газеты, а явления?*

— В то время они сыграли положительную роль. Они были теми, кто видел свет в конце туннеля. Они поддерживали Латвию материально и морально — это было самое ценное, наверное. Они приезжали сюда работать, на благо Латвии. А потом уже наступило другое... Кто-то понял, как Латвии надо развиваться, а кто-то не понял. Последние обиделись, что ничего тут не получили, и уехали обратно на Запад. Это их дело.

— *Нынешний президент Латвии была фигурой Атмоды?*

— Нет.

3. ЯНИС ДИНЕВИЧ, БЫВШИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФРАКЦИИ НАРОДНОГО ФРОНТА В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ ЛАТВИИ

Диневи́ч Янис (1948) — закончил Рижский политехнический институт (инженер-электрик), руководил лабораторией микропроцессоров РПИ. В 1990–1993 — депутат Верховного Совета, руководитель фракции Народного Фронта. В правительстве И. Годманиса — министр без портфеля, вице-премьер. Президент авиакомпании *Latvijas Avioliņijas* в 1993–1995. Владелец производства йогуртов. В 2005–2009 депутат Рижской Думы от Латвийской социал-демократической рабочей партии, в 2007–2009 — вице-мэр Риги. В настоящее время занимается бизнесом в сфере недвижимости, сохраняя пост председателя ЛСДРП.

— *По-видимому, первый вопрос стоит задать о семье. Ваш отец служил в Латышском легионе Ваффен-СС и был, наверняка, репрессирован. Как это сказалось на Вашей жизни?*

— Сказалось так, что я закончил Рижский политехнический институт (РПИ), и мне предложили остаться там работать. Я был отличником. Но после окончания вуза надо было стажироваться за границей. И когда узнали, где был отец, все это кончилось. Первый раз за границу я выехал уже во времена Народного фронта.

— *Каким образом Народный фронт появился в РПИ, кто был зачинателем?*

— Одним из зачинателей я и был.

— *И как все происходило?*

— Сначала в Союзе писателей собирались, потом создалась группа лекторов (я был в этой группе), а потом — в сентябре 1988 года, когда вуз после каникул возобновил работу, — я интенсивно стал использовать, так сказать, площадку самого РПИ.

— *Что Вы там преподавали?*

— На электрофаке — разные предметы.

— *Русский, латышский поток?*

— Латышский. Но в лаборатории, конечно, были и русские.

— *В институте проходили какие-то дискуссии по Народному фронту? Кто-то был против, или все — за?*

— В принципе, практически все были за. Потому что люди собирались образованные, хорошо понимали, что возможны более широкие свободы, чем имевшиеся... Разумеется, всех интересовали вопросы общего образования, высшего образования в возможной будущей ситуации.

— *Какие Вы предполагали изменения в этом направлении?*

— Я думаю, все прежде всего рассчитывали, что зарплаты будут более серьезные, чем до сих пор. И чем сегодня.

— *О ликвидации русского потока в то время речь шла?*

— Такого не было.

— *А почему, как Вы считаете, это все же впоследствии произошло?*

— Стоит посмотреть, когда конкретно, в какой год... Если Вы помните, о полной независимости говорилось не на II съезде НФЛ, а несколько позднее. Так вот, если у нас национальное государство, то, думаю, и государственное образование должно быть на государственном языке. Поэтому у меня нет претензий к решению о ликвидации русского потока.

— *Но ведь этого не было в программе Народного фронта, так же как и позднейшего вопроса школ.*

— Должен сказать, что у Народного фронта было две программы. И это, естественно, не были программы, что называется, на всю оставшуюся жизнь. Они разрабатывались, дополнялись, менялись. Так, вопрос о полной независимости вначале тоже не стоял — он был лишь скромно освещен. А позднее — встал.

— *Скажите, почему Вы пришли именно к социал-демократической партии, решили взять именно этот лейбл, как сейчас говорят?*

— Знаете, будучи в народнофронтовские времена социал-демократом, я проехался по Европе, был в Германии. Тогда в Гейдельбергском университете существовала группа соцдемов. Так вот, они задали мне тот же самый вопрос. И когда в ответ я лишь

вздыхнул озабоченно, они сказали: «Все правильно! Вы — социал-демократ. Потому что мы тоже не знаем, почему мы в этой партии».

— *Хорошо, но ведь в Латвии с социал-демократией связана довольно богатая, солидная история.*

— Да, это наша старейшая партия. Партия, которая очень много сделала для создания этого государства в первый раз (с 1918 года), которая провела важнейшую аграрную реформу, осуществила ряд серьезных преобразований, смело поднимала и ставила перед обществом актуальные вопросы. Мне казалось, что это и есть мои убеждения — потому что я не происходил из семьи, которая располагала очень большими доходами. Мне представлялось, что это — партия, которая соответствует моим классовым убеждениям и той исторической ситуации, в которой мы находились.

— *Когда Вы познакомились с «теми» — западными — латышскими социал-демократами? С Бруно Калниньшем, например?*

— С Бруно Калниньшем я встретился только на его похоронах в марте 1990 года в Стокгольме. Но со многими другими — и левыми, и правыми — уже до того. Конечно, это прежде всего Залькалнс; очень интенсивно тогда работали также Валдис Штейнс, Вилюпс... Словом, целый ряд фигур...

Полагаю, что самая большая неудача или ошибка наша в том, что, по существу, вся программа Народного фронта — это была социал-демократическая программа, и мы это не использовали. Потому что если бы на базе Народного фронта была создана единая массовая социал-демократическая партия — вот это действительно была бы сила! Но тогда некоторые из лидеров Народного фронта всячески противились такому решению. Иванс-то пришел поздно! В принципе, конечно, интерес к такой партии был не только у Иванса, а и у других ведущих лиц Народного фронта.

— *То, что Иванс стал председателем Народного фронта, многих удивило...*

— Это сделал Янис Петерс.

— *Почему же все-таки стал Иванс?*

— Спросите у него.

— Он был харизматической фигурой в то время?
— В то время он начал первую серьезную акцию — по защите Даугавы. Думаю, это и сказалось на выборе Петерса.

— То есть, Петерс был как бы «серым кардиналом»?
— Я бы не сказал. Петерс действительно был фигурой. Я помню, как создавался Народный фронт. Когда собирались люди, которых, кстати, приглашал Виктор Авотиньш (я тогда и пришел), все это как-то еще буксовало. С приходом же Петерса, Калниете, Шкапарса дело пошло гораздо живее.

— О программе перехода к независимости — в мае 1989 года. Кто конкретно сформулировал, что Латвии следует не в составе СССР оставаться, а требовать именно независимости?

— Ну, тут на авторство разные претенденты, и местные и из числа тех, кто был тогда за границей. Помню, тогда мы были в аудитории LNNK (ДННЛ — Н. К.) — Калниете и я — и, когда послушали речи, то и решили, что пора бы и Народному фронту становиться более радикальным. Ну да, с самого начала предлагать радикальные идеи Народному фронту было как бы не с руки. Хотя бы для того, чтобы не развалить организацию: она должна была созреть для такого решения. Вот к маю 1989-го нам и показалось, что организация созрела — иначе другие нас опередят и выступят еще радикальнее.

— Гражданские комитеты, например, да?.. Кстати, как Вы к ним относились?

— Я лично — отрицательно. Вы знаете, ведь пробовали поставить «юридически корректную преемственность», проводили регистрацию... Комитеты были всего лишь общественными организациями — ну кто там у них мог всерьез проверить какую-то документацию?.. Просто приходили, кто хотел, и заявляли: «Я — такой-то». И ему говорили: «Все, ты — гражданин!»

— Но когда в 1992–1993 годах проводили уже официальную, властью узаконенную регистрацию, взяли тот же принцип Гражданских комитетов.

— И тем не менее, регистрацию проводила уже государственная структура, которая отвечала за свои действия.

— Когда Вы пошли на выборы в Верховный Совет Латвии в 1990 году, как Вы именно попали в тот, Валмиерский, избирательный округ? Как вообще распределялись округа?

— Меня попросил об этом Эдмундс Крастиньш. Потому что у компартии был там сильный кандидат — Землицкис. Он был членом ЦК компартии, «светлый», «правильный» партиец. И народнофронтовцы посчитали, что в Валмиере они не выиграют у местных, если не будет сильного кандидата отсюда, из центра. Я и согласился. Ну, там борьба была — будь здоров! Потому что местный человек всегда кажется привлекательнее, а тут приехал некто из Риги. Землицкис привлек Валмиерский театр, а со мной приехали актеры из Риги — Харийс Лиепиньш, Мудите Шнейдере, Ина Куплая. Это, повторяю, была серьезная борьба, и в то, что я выиграю, вначале не был убежден. По-моему, до времени у нас и шло равно. Единственное, почему Землицкис проиграл — он не решался говорить о полной независимости.

— А «нарезка» этих избирательных округов. Говорят, они были несправедливо сделаны. В результате, чтобы получить один мандат, русских голосов требовалось больше, чем латышских.

— Округа создавались в соответствии с законодательством Латвийской ССР.

— Когда вы уже прошли барьер, но еще не прошло первое заседание Верховного Совета, была ли у Народного фронта какая-то стратегия на случай, если он не получит конституционного большинства?

— Я думаю, была. Но в таком случае Фронту было бы сложнее. Однако мы в любом случае пошли бы на независимость — это определено. То, что у нас будет больше половины голосов, казалось очевидным. Но будет ли у нас две трети — необходимых, чтобы все было убедительно, — это оставалось под вопросом... И нам все же удалось собрать две трети депутатов, готовых проголосовать «за» независимость Латвии.

Почему нам нужен был именно такой расклад? Чтобы уйти от варианта, который получился в Эстонии. Там ведь действовали одновременно и Верховный Совет, и Конгресс граждан. А нам не надо было никаких мудреных объединений, ассамблей. Мы, единый Верховный Совет, могли сами достаточно убедительно продемонстрировать свою волю.

— *Каким образом Вы стали председателем фракции Народного фронта? У Вас были конкуренты?*

— Годманис. Но он ушел в премьеры, и тогда я стал руководителем фракции.

— *А выборы? Из одного человека, получается, выбрали?*

— Тайного голосования, конечно, не было. Однако депутаты Верховного Совета были серьезные личности. Если бы кто-то был несогласен с моей кандидатурой, или несогласной была бы группа депутатов, я бы наверняка не стал руководителем фракции.

— *Вы работали в комиссии по иностранным делам?*

— И в этой тоже. Я руководил делегацией по переговорам с Россией.

— *Эта группа создана уже после августа 1991 года?*

— Нет, до. А там были уже другие руководители — Бишерс, например. И тональность, и суть переговоров была иной. Руководители менялись и с российской стороны. Первые переговоры были уже после того, как мы приняли декларацию 4 мая, потому что надо было решать хозяйственные вопросы.

— *И как, по-вашему, решались эти вопросы? Почему сразу в магазинах все исчезло?*

— Понимаете, не все так просто... Сейчас в магазинах все есть, но нет денег. А тогда ничего не было — но деньги были. Поэтому дать теперь какой-то анализ я не смогу... Тогда возникали нередко какие-то бредовые идеи — с теми же, скажем, таможенниками — чтобы, видите ли, не вывозились товары. Весь мир радуется, когда развивается экспорт, а у нас почему-то собирались его затормозить. Потому что были деньги и не было товаров.

— *А как строилась работа комиссии по иностранным делам?*

— Строилась, как во всех остальных структурах Верховного Совета. Я там активно действовал до ухода в правительство, то есть, до августа 1991 года.

— *Значит, полтора года Вы работали в парламенте. Загранпоездки были?*

— Поездок было мало — я был руководителем фракции, а тогда работа с фракцией была очень и очень интенсивной. У меня была группа депутатов Верховного Совета, которая планировала не пленарные заседания, не заседания президиума, а заседания фракции! Эта была как раз та группа, что обсуждала и предлагала решения. Особо разъезжать не приходилось. Совершенно ясно было, что у нас есть ряд приоритетов — Скандинавия, которая с нами очень интенсивно работала и предлагала разную помощь. В принципе, это делала вся Европа. Вы ведь знаете, как процесс признания происходил.

— *Я знаю, что Янис Юрканс приложил тут очень немалые усилия.*

— В принципе, не только он, но и все. А Юрканс возглавлял Министерство иностранных дел, которое этим и должно было заниматься. Я не хотел, чтобы создавалась конкуренция между комиссией по иностранным делам ВС и министерством. В то время все люди работали очень согласованно, потому что была единая цель, очень серьезная: отстаивание независимости. В сегодняшней жизни такие цели вряд ли ставятся.

— *Иванс и Юрканс, они были спецпредставителями. Ездили по всей Европе со служебными паспортами СССР?*

— Одно время так и было. Но у меня есть и дипломатический паспорт Латвии того времени с 8-м номером. Интересный — такая книжка, зеленая. Когда я во Франкфурте-на-Майне показал его германским пограничникам, там целый консилиум собрался — не знали, что делать.

— *Это было уже после отделения Латвии?*

— Нет, такие документы мы получили из Вашингтона, из представительства Латвии еще раньше.

— *Которое там оставалось еще с довоенных времен...*

— Да. У Иванса был, кажется, номер 2. Эти паспорта послужили нам очень-очень короткий период времени.

— *Когда происходили январские события 1991 года, какова была ваша роль как председателя фракции?*

— По-моему, очень ответственная роль. Мне позвонили ночью, рассказали о событиях, которые произошли в Вильнюсе. Посколь-

ку я жил недалеко от Верховного Совета, я прямо туда и пошел. Там встретил Линарда Муциньша и заведующую отделом информации Бирзниеце. Потом начали подходить другие — Шкапарс, остальные. Фракция решала: что делать в этой новой ситуации? А ситуация была достаточно критической. И сразу были определены некоторые основные моменты. Во-первых, максимально информировать общество и в Латвии, и, конечно, за границей. Во-вторых, депутатам следует находиться в здании ВС, не покидать его. Были серьезные опасения, что противоположная сторона может проголосовать за какой-нибудь новый Союзный договор. В-третьих, поднимать народ, чтобы защищать жизненно важные объекты. Все это было реализовано и сыграло очень немаловажную роль.

— *А кто придумал грузовики с бревнами?*

— Строительство баррикад шло больше от правительства, от Гегериса.

— *От министра сельского хозяйства? Чтобы, значит, колхозы все это подвезли?*

— Да.

— *С технической точки зрения это какую-нибудь роль сыграло? Танки ведь спокойно могли проехать сквозь эти баррикады. Знаете, это как ковбой неуловимый Джо — носится молнией по прерии, а на самом деле попросту никому не нужен.*

— В принципе, конечно, танки могли разнести все это. Но такая кровавая акция имела бы очень большие последствия. Те, кто планировал перестройку, не хотели, конечно, такого резонанса. Поэтому, возможно, команда разнести и не была дана.

— *С кем из советского руководства Вам приходилось встречаться?*

— Как вам сказать... Когда был тут штурм Министерства внутренних дел, я говорил по телефону с министром обороны Язовым. В Кремле я был уже, когда Горбачев и вся компания давали «вольную» Балтийским странам. Из Эстонии тогда был Сависсар... И с господином Ельциным доводилось встречаться не раз.

— *Во время его приездов в Латвию в 1991 году был подписан договор России и Латвии. А почему он так и не был выполнен?*

— Было немножко иначе. После путча он к нам приехал просто отдохнуть. И произнес тогда очень интересный тост (был обед, на котором участвовали он с супругой и руководители Латвии): «Ну да, с вами, конечно, обошлись несправедливо, и то, что вы уходите — это факт. Однако я уверен, что наши отношения с вами будут лучше, нежели с теми, которые остаются». Он действительно так считал.

— *И оказался неправ.*

— Оказался неправ. Я думаю, с обеих сторон были те, кто хотел использовать эту национальную трескотню в своих политических интересах.

— *Если мы вспомним 1991 год — после путча Интерфронт распался, и какого-то противодействия вообще уже не было. Почему, на Ваш взгляд, было принято это решение о восстановлении совокупности граждан на 1940 год?*

— Встал исторический вопрос: чего мы хотим — создать новое государство, или восстановить то, которое уже было, но перестало существовать в результате оккупации? В тот момент даже многие из тех латышей, что жили за границей, были согласны на создание Республики № 2. Однако, если бы мы согласились с этим, то ко многим вопросам нам следовало бы отнестись, как при создании Соединенных Штатов Америки. Но зачем все это? Ведь государство раньше уже было! И в Народном фронте посчитали, что правомерно воссоздать именно уже существовавшее государство.

— *Воссоздание былого государства произошло и в Литве, однако совокупность граждан была немножко другой, чем в Латвии.*

— Естественно. Там 8–12 процентов нелитовцев было. И все! Там с этим — никаких проблем.

— *Понятно. А почему, на ваш взгляд, Народный фронт сошел со сцены как политическая сила?*

— Потому что там вначале собрались люди для реализации великой идеи. Когда эта цель была достигнута, оказалось, что бо-

лее мелкие идеи у каждого свои. Некоторые из тех людей, которые плечом к плечу боролись за независимость, уже имели какую-то собственность. Другие были наемными работниками. У одних взгляды на проблемы были более радикальные, у других — менее. Одни были более интернациональны, другие — более национальны. Все это и продемонстрировало убедительно, что уже нет единого видения, которое было при восстановлении государства. Поэтому начали создаваться партии. Первыми, конечно, были мы — социал-демократы, потом — Крестьянский союз и так далее. С помощью этих партий люди старались объединяться по своим взглядам. Поддерживать и дальше Народный фронт как «великий и могучий» было уже нереально. Если бы мы с самого начала сделали на его основе массовую партию — это было бы нормально, и Фронт, ставший партией, не сошел бы со сцены.

— Но «Латвияс целиш» («Латвийский путь») как раз и сошелся из Народного фронта — через «Клуб 21».

— Да, вначале был «Клуб 21». Они сработали хитро. После того, как я ушел в правительство, фракцией вместо меня руководил Индулис Берзиньш. Он и был тем, кто вначале создал «Клуб 21». Так, «нечаянно» — мы, мол, тут просто собрались, чтобы поздравить кого-то с днем рождения. Все это было придумано для создания партии — и, конечно, эта партия была создана!

— Вам не кажется, что он вас предал?

— Немножко.

— А почему Годманис только однажды был премьером (май 1990 г. — август 1993 г.)? Андрис Шкеле, при всей его непопулярности — трижды, а Годманис... он все-таки достиг независимости.

— Премьер... Есть люди, которые могут занять эту должность. Я могу назвать десяток таких людей в Латвии. Есть еще Его Превосходительство Случай и обстановка, которая говорит: «Сегодня — вот этот».. Например, Индулис Эмсис — он стал премьером против любой логики. Это и есть случай, судьба — суждено или не суждено.

— *Вы были государственным министром, отвечавшим за приватизацию...*

— Не так. В мое время приватизация проходила через отраслевые министерства. К примеру, все, что касалось сельского хозяйства, шло через сельхозминистерство. А что касалось промышленности — через Минпром, которым тогда руководил Миллерс.

— *Но Вы курировали...*

— Нет! У меня были дела, которые касались только собственности Советской Армии.

— *Как Вы считаете, почему в Латвии все эти военгородки, аэродромы, которые сдавались по акту, оказались разворованы?*

— Кое-что было разворовано уже до того. Сейчас я вместе со своими людьми, с которыми я работал по выводу армии, написал книгу. Там скрупулезно все расписано. Например, завод «Госмаре» в Лиепае — армия еще не ушла, а ребята его уже купили, обойдя мою комиссию... Конечно, для «кукурузников» у нас было аэродромов сто. Сто! Талавс Юндзис, бывший министром обороны, настаивал: «Все передать мне!» А я ему говорю: «Ты с ума сошел! Что ты станешь с ними делать? Как будешь содержать, сколько потребуется бюджета? Тебе это нужно?...» В Латвии максимум два самолета — и сто аэродромов...

— *А что стало с теми самолетами «Латвияс Авиалинияс» — ТУ-134, ТУ-154? Их же было несколько десятков, когда Вы руководили...*

— Конечно, такое количество парка было ни к чему. Направление менялось с Востока на Запад. Машины надо было менять, пересаживаться на «Боинги». И такие возможности были — «Трансаэро» предлагало. Но тогдашний министр сообщений Гутманис мне не позволил. Но это уже немножко иное...

— *Но самолеты куда делись? Их ведь не подавили танками?*

— Думаю, нет. Часть продали — у них оставался определенный ресурс и двигателей, и корпусов. А у самолетов «Латвия» был средний ресурс. То есть это был, конечно, остаточный ресурс, и нельзя сказать, что они были совершенно свеженькими. Так что требовались деньги на их содержание — взлет, посадка, стоянка.

Отделили от авиалиний аэропорт — плати теперь за то, что там стоит самолет...

— *Вы были председателем комиссии по переговорам с Россией. Что стало причиной того, что россияне так быстро убежали из Латвии, взорвали этот Скрундский локатор? Говорили ведь: здесь базы будут еще долгое время.*

— Думаю, что Вы несколько переборщили с «убежали». Все было относительно плавно, и вывод этих войск прошел по плану и вполне успешно. Да, некоторая собственность была подпорчена, но все было проведено в соответствии с договоренностями. Скрундский локатор — это, конечно, был серьезнейший объект, и в решении данного вопроса, как Вы понимаете, кроме Латвии и России участвовали и США, которые выходили со своими предложениями. Америка как раз и была той стороной, которая предлагала нам не форсировать события, чтобы все прошло цивилизованно.

— *Вернемся к Вашим провинциальным избирателям, в Валмиере. Вы ведь ездили в свой округ в 1992–1993 гг. Как люди относились к экономическим реформам в стране, к тому, что разрушились колхозы?*

— Первоначальная идея была такая: пусть будем в лаптях, но независимые. И изменение этой внутренней установки людей происходило не за полчаса. Думаю, потребовалось несколько лет. Потому что терпение у народа было громадным.

— *И все же, сейчас Латвия — независимое государство, или оно вошло в новый Союз, который по-прежнему ограничивает ее суверенитет?*

— Конечно, этот новый Союз ограничивает ее суверенитет. Но данный Союз — с более широкими возможностями маневра, чем тот, в котором мы находились прежде. Думаю, вступление в новый Союз — меньшее зло. Евросоюз ни в коем случае не идеал, не панацея, не палочка-выручалочка для создания благосостояния. Это просто меньшее зло, чем то, которое могло бы быть, если бы мы туда не вступили.

4. БОРИС ЦИЛЕВИЧ, БЫВШИЙ ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК ЭКС-ПРЕМЬЕРА ИВАРСА ГОДМАНИСА

Цилевич Борис (1956) — закончил Латвийский государственный университет (физика), до 1988 ведущий инженер завода микросхем «Альфа», в 1988–1993 — ведущий специалист Института математики и информатики ЛГУ, заместитель руководителя группы Народного Фронта. Публицист в газетах «Советская молодежь», «Атмода», «Балтийское время». С 1996 — помощник Я. Юрканса. В 1997 избран депутатом Рижской Думы по списку Партии народного согласия. С 1998 и по настоящее время — депутат Сейма. В делегации Латвии в ПАСЕ поддерживал резолюции с осуждением внешней и внутренней политики России. Голосовал за санкции против России по «списку Магнитского». Трижды баллотировался в депутаты Европейского Парламента.

— *Интересно было бы услышать, как политика вошла в твою жизнь, или... ты — в политику? И каким был твой первый политический опыт?*

— Да не было никакого политического опыта. В этом смысле я — типичный советский интеллигент со всем этим чтением «самиздата», кухонным диссидентством, слушанием Би-Би-Си через глушилки и разговорами под стакан или рюмку. Поэтому, когда началась перестройка, которая у нас была дополнена «Атмодой», повеяло свеженьким ветерком. Честно говоря, я это воспринял как очередную оттепель. Не то чтобы были какие-то иллюзии, но хотелось максимально использовать открывшиеся возможности. И я вступил в Народный фронт, начал писать в газеты...

— *Где ты работал, когда вступил в Народный фронт?*

— В Институте математики и информатики Латвийского университета.

— *И кто из знаковых фигур там еще работал?*

— Особо знаковых фигур там, в общем-то, не было. В самом университете одними из лидеров Народного фронта были Андрей Пантелеев, Ивар Годманис.

— Ты с ними был знаком до этого?

— Практически нет, визуально разве что. Университет не такой большой, к тому же они были с физмата. Так что полное знакомство произошло через Народный фронт.

— А технически как это было? Объявили, что там-то и тогда-то проходит заседание ячейки Народного фронта?.. Ты прочитал объявление, или, может, сам его написал?

— Шел, как говорится, процесс. Началось с XIX партконференции (28 июня — 1 июля 1988 года). Появилась новость: партсобрания объявлялись открытыми. Поскольку это мне, никогда не состоявшему в компартии, было достаточно интересно, я и начал ходить на эти заседания, слушать дискуссии.

— И о чем там тогда дискутировали?

— О перспективах реформирования социализма, о коммунистических идеях в наше новое время...

— На каком языке они спорили?

— На латышском, естественно. В университете среда была всегда почти исключительно латышская. Причем, в этом не было никакой агрессивности. Я благодарен своим коллегам за то, что там действительно научился говорить по-латышски. У нас на кафедре и рабочий язык был латышский, а если присутствовал кто-то из гостей, не владевший латышским, все спокойно переходили на русский. Мне казалось, что попытки людей, вроде меня, говорить по-латышски, там поощрялись. При этом никто не заставлял — хочешь, говори по-русски, люди охотно перестраивались. Это была, думаю, правильная тактика — тактика содействия освоению государственного языка!

— Ну а, скажем, наглядная агитация, документация?

— В университете было два потока — естественно, я учился на русском. Спецкурсы читались и на латышском, и на русском. Маленькие группы, язык выбирали в зависимости от того, кого больше — русских или латышей. Система была демократичной. Хотя выпускники русского потока намного реже оставались работать в университете, чем выпускники латышского.

— Но вот — пленум творческих союзов, I съезд Народного фронта (июнь, октябрь 1988 года). Какие у тебя были впечатления?

— Я не был на первом съезде. Не был и в числе лидеров, которых часто показывали по телевизору. А был рядовым народофронтовцем. Самая высокая моя должность там — зампреда группы Фронта в институте. Но делегатом II и III съездов Народного фронта я был (октябрь 1989 года). После III съезда вышел из этой организации.

— *Мы дойдем до этого момента... А что входило в твои обязанности как зампреда группы?*

— Разные технические вопросы организации. Я довольно быстро сориентировался. При Народном фронте была создана лекторская группа, которая организовывала дискуссии — в частности, мы нередко собирались и дискутировали в своем кругу. В этой группе очень активно работали и Годманис, и Диневич, и Юрис Розенвалдс. Я много оттуда вынес.

— *Куда вы ездили?*

— Реально я ездил по Риге и в Юрмалу — не дальше.

— *В Риге — по заводам?*

— Да, были дискуссии на заводах. Я не претендовал на то, чтобы читать лекции, но участвовать в каких-то публичных мероприятиях — это было действительно интересно. Что касается моей роли в Народном фронте, то с самого начала было видно, что движение это очень пестрое. Оно имело и общедемократическую, и либеральную, и откровенно националистическую составляющие.

— *А коммунистическую, номенклатурную составляющую?*

— Не знаю, я не контактировал с номенклатурой. В университете все партийные лидеры с самого начала стояли у истоков создания Народного фронта. Но я это особенно во внимание не принимал, потому что никогда в партии не состоял, и никакими авторитетами они для меня, в общем, не были. Организационно — другое дело...

Две эти составляющие — демократическая и националистическая — облекались в соответствующую риторику, допустимую в тот или иной момент времени.

— *31 мая 1989 года. Решение Народного фронта, что Латвия должна быть именно независимой. Как ты воспринял эту установку?*

— Испытывал довольно двойственные чувства. С одной стороны, конечно, было понятно, что независимость — только вопрос времени, а все эти разговоры о «большем суверенитете», «обновлении Союза» и так далее — не более чем преходящая риторика. С другой стороны, я всегда хорошо воспринимаю, когда люди говорят более или менее искренне и называют вещи своими именами. Мне не очень понравилось, как все было обставлено. Мое восприятие всегда несколько специфично. Я утверждаю, что по убеждениям я — космополит, и мне совершенно все равно, какого цвета флаг и какие слова в гимне. Поэтому вопрос о независимости или сохранении Латвии в составе СССР для меня не был важен. У меня были другие критерии, имеются они и сейчас.

— Ну да: «нужны не шашечки, а — ехать».

— Конечно.

— Но твой отец, наверное, рассказывал, как жили в независимой Латвии люди еврейской национальности?

— Да, я достаточно много об этом знал. На самом деле, исторические соображения интересны как иллюстрация. Но я не думаю, что история может сегодня служить нам каким-то руководством к действию.

— А ведь практически вся «Атмода» была инициирована историческими реминисценциями. Все было замешано на истории.

— Естественно. Исторические соображения были использованы для мобилизации «широких народных масс». Это, скорее, технологический прием, который сработал более или менее удачно, и более или менее осознанно применялся. К существованию проблемы это имело достаточно косвенное отношение.

— В январе 1989 года на сцене появляется Интерфронт. Наверняка кто-то из твоих коллег, друзей, знакомых в нем участвовал. Дискутировали с членами Интерфронта?

— Напрямую нет. Но вот на тех дискуссиях, которые организовывала лекторская группа, принимали участие и интерфронтовцы. Хотя Интерфронт с самого начала стал неким артефактом — тут была применена очень четкая пиаровская технология (не знаю, сознательно или нет — возможно, получилось стихийно). То есть, эта организация была как бы существующей

сама по себе, некоей нравственной категорией, не более. Я не верю, что те цифры, которые тогда назывались — скажем, 300 тысяч членов Интерфронта — соответствовали действительности. То есть это была во многом очень надуманная политконструкция, и под понятием «Интерфронт» подразумевалась не организация, не люди, и даже не идеология, а некий мистический враг, олицетворение темных сил. Тогда это сильно раздражало, а сейчас — скорее, забавляет. Но до сих пор тенденция сохранилась, когда вполне конкретные политические или экономические вопросы обсуждаются с использованием совершенно мифологических выражений: «светлые» силы и так далее... Интерфронт являлся олицетворением «тёмных» сил, но людей, с которыми общался, я никогда не соотносил с этим понятием — оно существовало совершенно автономно.

— *Эта мифология на тебя тоже распространялась? Ты воспринимал это как некую «темную» силу?*

— Нет, конечно. Я воспринимал это намного более критично. Но всегда, повторяю, был сам по себе. Я понимал: пока состою в организации, я являюсь ее лояльным членом, полностью используя все возможности высказывать и отстаивать свое мнение. Так было и во времена Народного фронта, и в Партии народного согласия, когда я использовал механизм внутривнутрипартийной демократии, отстаивая свою точку зрения. Но когда оставался в меньшинстве, то подчинялся мнению большинства, пока оно не противоречило моим принципам. Если противоречило — я выходил из организации. Это и произошло после III съезда Народного фронта.

— *А что было на II съезде?*

— Я считаю, что на II съезде была принята замечательная программа. Настало время, когда стало можно многое называть своими именами. Пусть еще и далеко не все. Уровень допустимости, гласности был такой, что ко многим вещам можно было подходить трезво и предлагать — пусть и несколько наивные, непрофессиональные, — но, по крайней мере, реалистические программы, направления. Кроме того, существовали и некоторые приличия. То есть, откровенная русофобия в то время оставалась уделом людей достаточно маргинальных, и организация в целом не могла этого явно поддерживать. Притом, такие ключевые вопросы, как проблема гражданства, еще только обсуждались. А вот на III съез-

де все это уже было решено в негативном ключе, что и сделало невозможным мое дальнейшее участие в Народном фронте.

Поэтому вторая программа Народного фронта — то есть, принятая на II съезде — была в наших условиях, я считаю, оптимальным компромиссом, который позволил и успокоить национальные чувства латышей, и остановить превращение Народного фронта в откровенно националистическую организацию, построенную по этническому принципу. Если бы каким-то чудом удалось этой программе придерживаться, то развитие Латвии могло пойти по совершенно другому пути.

— *Хорошо. Перед выборами в Верховный Совет были выборы в местные советы, в которых Народный фронт уже принимал участие. Расскажи о своем участии в этих делах.*

— Первыми были выборы народных депутатов СССР в марте 1989 года. В тот момент создалась такая компания интеллигентов, которые принадлежали к разным фронтам, но находились в общем-то посередине. Словом, создалась неформальная команда, которая поддерживала Сергея Диманиса. Опыта ни у кого не было, но было интересно — мы учились на ходу, в том числе и друг у друга. Сейчас, конечно, трудно оценивать ту работу — мы смутно представляли, что на самом деле происходит.

Народным депутатом СССР Диманис не стал. На выборах Верховного Совета Латвийской ССР я стал одним из доверенных лиц Андрея Пантелеева, который в то время был на подъеме — считался одним из наиболее реалистично мыслящих, думающих кандидатов Народного фронта. Поскольку мы работали в лекторской группе, я взял на себя некоторые функции. Это было действительно интересно, хотя и делалось все очень по-любительски. Мы гордились, что в Центральном районе Риги (тогда еще Кировском) против Андрея шел партийный функционер того же района, а мы достаточно убедительно выиграли.

— *Какие черты политика Диманиса обращают на себя внимание?*

— Диманис прошел довольно долгий путь. Что мне нравилось тогда? Он был одним из самых блестящих экономистов Латвии. У него был не просто свой взгляд на вещи — он умел весьма убедительно и понятно излагать. Очень важным для меня было двуязычие Диманиса, что в те времена было еще достаточно

редким явлением. Это было очень близко к моей модели межэтнического сотрудничества и согласия, которой я придерживаюсь до сих пор. Прошедшие 16 лет не заставили меня в ней разочароваться, скажем так. Теперь вижу, что этого достичь намного труднее, но все равно можно. В то время Диманис производил впечатление молодого, перспективного, превосходно образованного человека, обладающего, что для меня особенно важно, хорошим чувством юмора. Поэтому я с удовольствием с ним общался, многому у него учился. Хотя, в силу ряда причин, свой потенциал Диманису полностью реализовать не удалось.

— *Почему же так получилось, что в 1991 году фракция «Равноправие» — численно немаленькая — оказалась в патовой ситуации, стала недееспособной?*

— Мне трудно судить, я никогда не был в этой фракции. Но, думаю, во многом это было отражением общего кризиса оппозиции того периода, которая была столь же пестрой, как и эклектичные правящие силы, притом во многом ориентировалась на Москву и на компартию. Никакой альтернативы отстроить не удалось, а когда в один момент развалилась система, которая базировалась на структуре компартии, то «посыпалась вся посуда». Фракция «Равноправие» стала заложником, условно говоря, гэкачепистской линии. В результате потребовались долгие годы, чтобы организацию как-то реструктурировать и создать реальную оппозицию. По кадровому составу видно, что большинство тогдашних депутатов фракции «Равноправие» в политике не остались — разве что единицы.

— *В 1990 году вспоминается период, когда в магазинах ничего не было. А в Верховном Совете продавали машины за госцену, квартиры давали. Как вообще это соотносить с «борьбой с привилегиями»?*

— Вопрос риторический. Я тогда об этом не знал, толком не знаю и теперь — депутатом Рижской Думы я впервые стал в 1997 году, когда с привилегиями было давно покончено. В принципе, это нормальная переходная система: оставались депутатские дома, которые потом были приватизированы. Конечно, революционеры разрушают систему привилегий, но какое-то время она еще продолжает действовать, и кое-что самим революционерам достается...

— Тебя приглашали на разные узкие тусовки, в народнофронтские сауны?

— Нет. В Народном фронте была своя элита. Я никогда не был в каких-то руководящих органах. Да у меня не было и сейчас нет руководящих амбиций. Иногда бывали интересные дискуссии — на уровне той лекторской группы. Действительно собирались люди, которым нужно было что-то обсудить. А тем, кому все было ясно и с прошлым, и с настоящим, и с будущим, — им это было неинтересно..

В дальнейшем, когда Годманис стал руководителем политического комитета Народного фронта, организовалась узкая группа русскоязычных народнофронтовцев, которые стали своего рода экспертами. С ними Годманис изредка советовался. Без согласия этих людей я бы не хотел их сейчас называть.

— *Пятнадцать лет прошло!*

— Какая разница? Многие из них и сейчас известны в разных областях жизни. Была очень небольшая группа — три-пять человек, в зависимости от ситуации. Когда Годманис стал премьер-министром, он создал свой консультативный совет. Не то, чтобы секретный — в прессе на этот счет появлялась информация. Но поскольку Совет Министров был еще эклектичным — в нем оставалось много старых, советских министров, — то создавалось впечатление, что Годманис далеко не всем министрам полностью доверял. Поэтому консультативный совет был маленьким таким think tank³. Туда входили Владлен Дозорцев и я. Там обсуждались и экономические вопросы, и различные другие.

— *Где географически это происходило?*

— В кабинете Годманиса, в Совете Министров. У меня до сих пор сохранилось удостоверение, по которому я туда проходил.

— *Секретариат Годманиса, охрана — они были еще советские, или их уже заменили?*

— Частично. Переходный период тем и интересен, что там оставались советские кадры — например, Карлис Лицис, от которого многое зависело. С другой стороны, и нынешний генерал Вецтиранс там ходил с автоматом. Особенно было интересно, как себя вели люди в январе и августе 1991-го...

³ Мозговой центр (англ.).

— *И как они себя вели?*

— Очень по-разному. Помню, один человек, который тогда уже был популярен и еще много лет действовал в политике, произнес такую фразу: «Нам надо найти хотя бы пару пулеметов, чтобы поставить в амбразуры, и, когда танки пойдут, начать обязательно стрелять, чтобы они открыли ответный огонь. Чем больше будет крови, тем нам выгоднее». Эту фразу я помню до сих пор.

— *А что на самом деле произошло на Бастионной горке в январе 1991 года?*

— Думаю, взаимная провокация. С обеих сторон было достаточно много людей, заинтересованных в кровопролитии. Я слышал множество версий. В чем-то здесь ситуация была симметричной: с обеих сторон были люди, готовые найти какой-то компромисс. Но были и те, кто рассуждал подобно упомянутому выше господину: чем больше крови, тем лучше.

— *Часть народа, поддерживавшая Интерфронт, тоже демонстрировала массовость — был митинг на стадионе СКА, создали Вселатвийский комитет общественного спасения. Разве это не производило впечатление — что не только, видите ли, структуры компартии противостоят новой власти, но ведь и массы!*

— Было понятно, что существует достаточно много людей, которые озабочены происходящим и не поддерживают его. К сожалению, те структуры и люди, которые взялись представлять несогласных, с этой задачей не справились. Во многом потому, что их подставила Москва. И потому, что там применялись старые советские бюрократические методы, которые были в данной ситуации просто неэффективны. Тут нельзя было применять какие-то обычные демократические критерии — тут была революционная ситуация. Я вообще не сторонник революций, но тогда не смотрели, на чьей стороне закон, а смотрели кто сильнее. Народный фронт оказался сильнее.

— *Ты говоришь, что вопрос гражданства был решен еще в 1990 году. Получается, что Народный фронт первым проявил нелояльность, если можно так говорить, а не дал ответа на лояльность русских.*

— Вот эти оправдания — ссылки на нелояльность — это чисто пропагандистские аргументы, в которые может поверить

разве что какой-то молодой человек, который попросту не помнит того времени или подвергся массовому промыванию мозгов. В то время вопрос гражданства был один из ключевых, которые мы обсуждали и с Годманисом. Формулировка предвыборной программы была достаточно однозначной, хотя и неловко сформулированной. Можно, конечно, придираться к словам, как это сейчас делает, скажем, министр иностранных дел ЛР Пабрикс. Да и формально январский 1991 года договор с Россией был примером неуклюжести. Тем не менее, и этот договор, и программа Народного фронта однозначно предусматривали «нулевой вариант». Был и другой вариант: предложить зарегистрироваться в качестве граждан Латвии всем, кто захочет. Но срок дать достаточно короткий — полгода, скажем. При этом предусмотреть процедуру выбора: можно остаться гражданином СССР, который тогда еще существовал.

— Да, тогда НФЛ говорил: двойное гражданство — «это за много», а нулевой вариант — пожалуйста.

— Да, вариант свободного выбора гражданства. И моя позиция была такая: если такой вариант будет принят, сразу станет понятно, кто ставит на независимую Латвию, готов здесь жить и работать вне зависимости от того, говорит ли он по-латышски и где родился. Или — кто готов пойти на определенный риск, отказавшись от гражданства СССР. Это был бы самый хороший вариант. И Годманис, и некоторые другие руководители Народного фронта относились к нему с большим интересом и даже, я бы сказал, с сочувствием. Однако после выборов ситуация изменилась. Когда Народный фронт победил, то верх взяли представители той точки зрения, те депутаты Народного фронта, которые предпочитали не торопиться с решением данного вопроса — в общем, большинство. Там были разные течения. Но проще назвать тех, кто хотел этот вопрос форсировать — например, Дозорцев.

— А влияние эмиграции чувствовалась?

— Конечно. Но большинство эмиграции играло, наряду с советологами, скорее роль посредников между, скажем, внешними актерами — западными. Их использовали в качестве своего рода толмачей, проводников — как в прямом, так и в переносном смысле слова. Естественно, были завышенные — идеалистические — ожидания: мол, «тримда» (здесь: «диаспора») нам поможет.

Где-то к середине 90-х годов от этой болезни излечились полностью, поскольку практически никто из представителей эмиграции, заняв министерские и другие видные посты, не только не сумел добиться успехов, но не смог избежать и совершенно катастрофических последствий. Пенсионная реформа Ритениса, история с «Латтелекомом» ... Другое дело — молодое поколение, люди, которые приехали и начали не с больших постов, а с каких-то неправительственных организаций.

(В связи с этим Н. Кабанов показывает Б. Цилевичу визитную карточку Карлиса Фрейбергса, на которой написано Community initiative foundation).

— А, знаю. Хороший парень. Он же в Baltic Times работал. Еще Нилс Муйжниекс, Кайя Гертнере, Вита Терауда — они хорошо адаптировались. А что касается гражданства, то решающую роль играли не они.

Тактика была, к сожалению, избрана такая — тянуть. Выполнять предвыборные обещания и принимать «нулевой вариант» не хотелось, условий для того, чтобы принимать ограничительный вариант, не было, поэтому и тянули время. Одним из идеологов этого был Юрис Боярс, который подготовил закон о гражданстве, по сути дела, ограничительный. Была там рабочая группа. Короче, дотянули до путча, до развала СССР. Когда со стороны Москвы уже ничего не грозило, и Россия признала независимость Латвии, то в октябре 1991-го и приняли этот самый вариант о «восстановленном» гражданстве. На самом деле это стало той точкой невозврата, после которой совершенно четко проявилось: принято исключительно недемократическое решение с весьма далеко идущими последствиями ... В общем, это оттолкнуло очень многих людей от Народного фронта — он стал абсолютно моноэтнической организацией, чисто латышской.

— *Но ты оставался советником Годманиса, уже выйдя из Народного фронта.*

— Это совсем другое дело. Если кто-то готов слушать мои советы ... Хотя слушать — не всегда значит следовать.

— *Ты мог бы назвать случай, когда твои советы повлияли на какое-то решение Годманиса?*

— Предпочел бы этого не делать сейчас. Все еще живы ...

— Ты считаешь, что Годманис был успешным премьером (май 1990 года — август 1993 года), или в Латвии были люди, которые также могли возглавить правительство и действовать лучше него?

— Всех я не знаю, но допускаю, что могли бы. Однако Годманис был действительно очень хорошо приспособлен к выполнению функций кризисного менеджера. В тот момент не было ничего стабильного, никакой почвы под ногами — ни производства, ни торговли, ни законодательства, ничего. Все решения принимались по сути дела *ad hoc*⁴. Годманис, я думаю, проявил себя с самой лучшей стороны — он не боялся брать на себя ответственность. Сейчас его можно критиковать и, наверное, нужно критиковать — многое было сделано неправильно. Тем не менее, он принял целый ряд тяжелых решений, сумел их провести в жизнь. История не знает сослагательного наклонения: если бы он не пошел на шоковую терапию, а пытался, как говорится в притче, отрезать собаке хвост по частям из большой любви к ней, возможно, было бы еще хуже — кто знает? Во всяком случае, я отношусь к Годманису с большим уважением и думаю, что после него у нас не было премьеров, которых можно было бы в личном плане поставить рядом с ним.

— Можно узнать, как — в чисто материальном плане — существовала в то время твоя семья?

— Это действительно интересно. Я работал в университете, и с какого-то момента нам перестали платить зарплату. Поэтому мы с несколькими коллегами организовали фирму. В то время у каждого было три-четыре фирмы, которые занимались всем, чем угодно. Мы подобрали развалившийся участок, который занимался теплоизоляцией, сумели организовать его работу. Параллельно устраивали всякие торговые операции, продавали остатки товарных запасов. Вроде вэфовских телефонов или стиральных машин РЭЗа.

— Я в то время как раз купил по объявлению стиральную машину «Рига» — не от вас ли?

— Мы продавали их не здесь, а отправляли (в очень большом количестве, вагонами) в Молдавию: они имели там большой спрос. Говорят, в них вино давили, а как в них стирать — я не очень себе

⁴ В чрезвычайном порядке (англ.).

представляю. А из Молдавии гнали продукты. В общем, смешной бизнес, но он помог выжить. Когда у меня появилась возможность его оставить, я это сделал с большим удовольствием. Миллионов мы не заработали — с чем я пришел, с тем и ушел, но самые тяжелые времена удалось выстоять. Еще были газеты, конечно — мы ведь с тобой в одно время стали заниматься журналистикой, какие-то гонорары нам платили. В общем, хватало, да особых аппетитов у меня никогда и не было — я привык к зарплате советского инженера, потом научного сотрудника ...

— Но ведь жилье у тебя было хорошее, МЖК.

— Да, жилье было. Это, конечно, огромное благо.

— Лично для тебя Декларация о восстановлении независимости от 4 мая была неожиданностью? Как ты к ней отнесся?

— По-философски. Интуитивно (я не мог тогда это еще сформулировать) ощущал, что эти две тенденции — общедемократическая и националистическая — не только в чем-то друг друга усиливают, но входят во взаимное противоречие. Вопрос был в том, как произойдет компромисс между этими тенденциями. С Декларацией от 4 мая можно спорить, но я не склонен переоценивать значение этого документа. И не считаю юридические дискуссии вокруг него достаточно плодотворными. Тогда действительно была революционная ситуация, и пытаться подвести под нее юридическую базу можно по-разному. Но в любом случае это было, конечно, политическое решение. Формулировки могли бы быть и лучше, а могли — хуже.

— А как насчет формулировки о непрерывной независимости с 1918 года? Что — нет Первой или Второй республики, а есть только одна?

— Ну, это такая юридическая конструкция, которая, возможно, на юридическом поле и имеет право на существование, но сама по себе ничего не предопределяет. Потому что реальные выводы из нее ...

— Гражданство!

— ... отнюдь делать не следует. Литва пошла по тому же пути правовой преемственности, но это не помешало ей принять фактически «нулевой вариант». В целом ряде случаев эту конструк-

цию использовали для обоснования каких-то решений — например, реституции собственности. В других же случаях совершенно спокойно игнорировали эту конструкцию, руководствовались здравым смыслом и принимали совершенно новые законы. На самом деле, решения принимались по принципу *ad hoc*. А конструкция использовалась в качестве идеологического, псевдоюридического обоснования, когда это было политически выгодно.

— *Как ты оцениваешь август 1991 года — для тебя это стало неожиданностью?*

— Что-то, конечно, назревало. Наивно было бы предполагать, что такая большая империя могла развалиться, даже не огрызнувшись. Но все это получилось, скорее, в виде фарса, чем реальной трагедии. По крайней мере здесь, в Риге.

— *Все-таки 1991 год завершился качественным изменением — постановлением о гражданстве. У тебя не создалось впечатления, что «нас кинули»?*

— Конечно, создалось — и у всех, а у меня, наверное, в большей степени. Этот вариант не стал неожиданностью, но именно для того, чтобы снизить возможность такого варианта, я продолжал работать в Народном фронте, потому что считал: чем более моноэтническим будет Народный фронт, тем выше вероятность такого «кидка». К сожалению, то ли нас, работавших в Народном фронте, было слишком мало, то ли нам не хватило опыта, сил и ума — но это, к сожалению, произошло. Данное решение стало той точкой бифуркации, которая предопределила дальнейшее развитие Латвии.

— *Юрканс говорит, что он в знак протеста подал в отставку с поста министра иностранных дел. Но ведь это произошло позже!*

— Ситуация была несколько более сложная. Юрканс, действительно, внес большой вклад в признание Латвии за рубежом, в укрепление ее позиций на международной арене. Достаточно долгое время именно Юрканс был «внешним лицом» Латвии. Но дело в том, что во многом свою деятельность он строил на основе тех программ, которые существовали и входили в официальный дискурс до октябрьского решения 1991 года о восстановлении совокупности граждан Латвии. Это и вызывало очень серьезные трения с другими министрами, с активом Народного фрон-

та. Юрканс пытался примирить их со своей позицией, но осенью 1992 года противоречие стало настолько явным, что он потерял свой пост.

— *А тандем Годманис-Горбунов оказался эффективнее?*

— Это было интересное решение. Я помню, когда мы собирались уже после мартовских выборов 1990 года, когда уже было ясно, что Народный фронт победил и получил конституционное большинство (но еще до того, как Верховный Совет собрался в новом составе), Годманис пригласил меня в эту свою узкую группу. Не думаю, что наши советы могли как-то повлиять, но он сказал нам о своем решении. Переговорить его было нелегко — все-таки оставалось представление, что на первых ролях должны быть люди с опытом, должна быть какая-то преемственность. Активно обсуждался вопрос о том, что Годманис станет спикером парламента. И тут он сообщил, что спикером будет Горбунов, а премьером — он сам.

Потребовалось время, чтобы понять этот очень смелый, очень самонадеянный шаг. Годманис показал, что он может взять на себя ответственность, сделать определенную работу. Нельзя сказать, что он провалился. Решения его могли быть правильными или неправильными, их можно и нужно обоснованно критиковать, но свое дело он сделал.

А что касается Горбунова, то какие там могли быть сомнения? Человек привык колебаться вместе с генеральной линией. Какая генеральная линия теперь возобладала — понятно. И сомнений в том, что он может ударить в спину, тоже не было. Если изменится ситуация, конечно, если сила опять окажется на другой стороне — черт знает, как там сложится. Но тогда поведение Горбунова было бы абсолютно непринципиальным фактором.

Да, это было достаточно смелое, прагматичное решение Годманиса. Могло ли быть лучше? Сейчас, 15 лет спустя, легко рассуждать. Наверное, могло. Но найти его я не мог тогда, и вряд ли стоит делать это сейчас, задним числом.

5. АНДРЕЙ ПАНТЕЛЕЕВ, ЭКС-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЛАТВИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ

Пантелеев Андрейс (1961) — закончил Латвийский государственный университет (физика), до 1989 ассистент кафедры теоретической физики ЛГУ. В 1990–1993 — депутат Верховного Совета от Народного Фронта, руководитель комиссии по правам человека и национальному вопросу. В 1993–2002 — депутат Сейма от партии «Латвийский Путь», председатель комиссии по национальной безопасности. В 1998 стал фигурантом «дела Латвэнерго», когда на его банковскую карточку поступили три перевода от фирм из Лихтенштейна. Прокуратура сделала заключение о нарушении Закона о предотвращении коррупции. Впоследствии занимал ряд консультационных постов при политиках Союза «зеленых» и крестьян.

— *В начале Перестройки, как известно, Вы работали в Комсомоле...*

— Да, работал. Но я не был университетским секретарем комсомола, как это написано у Белокопя в «Who is who» — он меня явно зависил. Секретарем был Игорь Степанов. В университете же на физико-математическом факультете моя работа шла в основном по двум направлениям: первое — строительные отряды, которые традиционно организовывались и отправлялись на разные объекты, и второе — экологическое направление. Правда, идея экологических строительных отрядов, которые работали бы со средой, возникла у нас позже — с началом Перестройки, когда появилась какая-то оппозиция власти, пошли протесты в связи с планами строительства Даугавпилсской ГЭС, Рижского метро, Слокского целлюлозного комбината. То есть — сказались новые веяния.

— *И в какой форме они сказывались?*

— В форме различных акций. Сначала они были, возможно, довольно сдержанными, «приличными», если так можно сказать.

Потом стали уже более острыми — по крайней мере, это было заметно у нас на физмате.

Перестройка — это был вначале довольно плавный процесс. Нельзя сказать, что — вот: проснулись и сразу всё изменилось. Нет, силы набирались помаленьку. Лично я ощутил перемены более конкретно, когда был в бюро комсомола факультета: мы тогда создали дискуссионный клуб «Домас» («Мысли»). И стали на собраниях обсуждать разные вопросы — философские, скажем, или связанные с религией, с разными взглядами на латвийскую историю. Это, по-моему, был клуб, в котором и начало веять новизной и — более заметно — именно с началом перестройки. Доходило, правда, до комичного — когда, например, мы в первый раз пригласили в наш клуб священника, господина Савельева. Так получилось, что информация об этом попала в «Голос Америки», и там разрекламировали, что вот, мол, в университетский клуб приглашается служитель культа. Помню, как сам секретарь, партийный шеф университета господин Потреки, побежал с ключами вниз, чтобы закрыть главные двери и никого не выпускать. Ректор Миллер старался держаться несколько в стороне, а Потреки прямо-таки носился по коридору — это было комично. Ведь ничего по существу не изменилось бы — приди этот господин Улдис Савельев на собрание или нет.

Словом, свободная, перестроечная, критическая волна началась для меня именно с этих двух направлений: с интеллектуальных диспутов, связанных с философскими, религиозными, историческими, литературными вопросами (были дебаты и вокруг латышских авторов, считавшихся ранее опальными); и, во-вторых, с занятий по экологии.

Пожалуй, самым *революционным* нашим поступком стал захват общежития. Может, вы помните — строились такие. Ситуация на факультете была напряженной: новых специалистов (преимущественно из провинции), которые могли бы по распределению работать в Риге, оставлять здесь не стали — хотя их требовали научные институты. Не стали потому просто, что не было куда их расселить. В то же время недалеко от общежития физмата заканчивалось строительство новых домов, и планировалось, что их отдадут каким-то приезжим рабочим. Не знаю, как власти обосновали такое решение. Из физмата не раз обращались к Рубиксу, просили отдать один из новых домов молодым специалистам — деревенским парням и девушкам. Рубикс отказывал. Ну поэтому

мы и захватили один дом — это был первый такой инцидент в нашей истории (хотя на Западе нечто подобное происходит давно). Мы, молодые специалисты с физмата и пятикурсники, зашли ночью в дом (он практически был закончен) и расселились — с новыми семьями, женами и детьми. Помню, как тогда все забежали — милиционеры, Рубикс, оравший на милицейское начальство, Дзенилис там, прокурор... Но фактически они ничего уже не могли сделать. И именно тогда я ощутил — мне как будто был знак свыше: эта советская система катится куда-то в тартарары.

Ну а потом уже — Народный фронт...

— Если вспомнить 1987 год — акции у Памятника Свободы в июне и августе, — какая была атмосфера вокруг этого? Тогда ведь подобные выступления еще пресекались.

— Я бы сказал, как бы пресекались. То есть, если уж откровенно, пресекались достаточно вяло. Я помню, в этой цепи у Памятника были и люди с факультета, но власти фактически всерьез не отреагировали на те акции, и для их участников не было никаких юридических последствий. То есть, это было — как бы лучше назвать? — некое странное противостояние, игра, что ли. Когда одна сторона делала вид, будто совершает нечто запретное, а другая — будто что-то действительно запрещает. На самом же деле никакого категорического, строгого запрета уже не существовало.

— Похоже, Памятник Свободы сейчас вновь приобретает характер места идеологического противостояния. Если сравнивать эмоции, которые сейчас возникают во время разных конфликтов, и которые возникали в то время, — когда, по-вашему, они были сильнее?

— Трудно сказать. Мне кажется, сильнее эмоции были тогда. Конечно, все относительно, субъективно. Хочу отметить одну вещь в связи с этими акциями у Памятника Свободы. Почему-то в те времена мы, уже стоявшие на волне антикоммунизма, не шли к памятнику Ленину протестовать или мешать тем, кто шел туда и возлагал цветы. Нам даже в голову не приходило появиться там и кричать: «Позор! Позор, что вы к Ленину идёте!» Нам казалось, что Памятник Свободы — он наш. А тот... ну да Бог с ним — нам все равно, что они там делают. Сейчас же, мне думается, идет какое-то конфронтационное выражение своего мнения, волна именно на конфронтацию с людьми, думающими ина-

че. А в наше время была волна на конфронтацию с властью, которая разрушалась.

Помните знаменитый Межапарк? Вагрис выступал — и никто его не забросал яйцами. Даже, я бы сказал, вся тамошняя публика с некоторым уважением отнеслась к его словам. А затем, кто хотел, просто высказали свое мнение, и не было намерения или мысли прогнать Вагриса оттуда или досадить ему чем-нибудь, унижить. То есть тогда был такой feeling⁵ солидарности людей — против попыток повернуть ход истории, против уродливой власти и так далее.

— *Ведь власть тогда уже раскололась, образовалось две компартии...*

— Власть начала шататься... Руководство еще символизировало ту, старую власть. С ней и была конфронтация, а не — человека с человеком. Все-таки эти мероприятия у Памятника Свободы — в них не было такой чисто этнической подоплеки.

— *Но если взять, например, Движение за национальную независимость Латвии (ДННЛ)... Это движение появилось одновременно с Народным фронтом — они шли рядом. Не кажется ли вам, что те идеи, которые ДННЛ предлагало, и которые вначале были отвергнуты Народным фронтом, — что они потом возобладали? Потому что концепция преемственности республики 1918 года — это как раз и есть концепция тесно связанных с ДННЛ Гражданских комитетов. Народный фронт в принципе был за создание Второй республики, даже одно время этот термин был очень в ходу.*

— Ну, нельзя сказать, чтобы те идеи полностью возобладали. Потому что, если рассмотреть все-таки весь процесс в целом, то — да: восстановление прежней республики имело смысл. Потому что четко надо было дать всем понять, какой международный статус у этой государственности. И чтобы были ясные отношения с Россией и другими государствами, что мы сейчас именно и имеем. Но если взять этот Закон о гражданстве (вы его, естественно, можете критиковать), то все-таки в том варианте, который вначале приняли в Сейме, он был неприемлем для ДННЛ и Гражданских комитетов.

То есть, мы все же наладили какой-то мост, переход — от довоенной республики к новой — хотя бы через этот самый закон

⁵ Чувство (англ.).

о гражданстве. Таким, каким он был принят. Если формально Сатверсме (Конституция 1922 года) восстанавливалась (то есть — постепенно восстанавливалась — не сразу, а все структуры поменьше интегрировались: государственные, полицейско-милицеские и так далее), то в чистом виде проект ДННЛ никак не мог реализоваться. Потому что невозможно было перепрыгнуть в прошлое, принимая во внимание ту, минувшую, ситуацию. Коротче, буквально к Первой республике мы никогда не возвращались.

— *Какие самые интересные воспоминания связаны у Вас с Народным фронтом?*

— Я довольно хорошо помню съезды Народного фронта. Мне казалось — именно такое ощущение было, такое чувство, — что подобное не всем людям в мире доводится пережить... Чувство всеобщей солидарности, стремления и возможности людям разных позиций найти какую-то общую платформу. Потому что Народный фронт, съезды — это спланивало. Вы только посмотрите: там же не было никакой откровенной междоусобицы... А избрание Дайниса Иванса председателем Народного фронта (октябрь 1988 года) — это был такой поэтический период нашей революционной деятельности... Разные были интересные моменты — составление документов, споры, подходы-переходы...

— *А как Вы были выдвинуты в парламент?*

— Я был выдвинут университетской организацией Народного фронта. Если уж говорить лично обо мне... Народный фронт у меня ассоциируется больше всего с моей работой в газете «Атмода». Когда я совершил практически очень нехарактерный для физика переход — от науки к журналистике. Способствовала этому именно та интересная атмосфера — вы тоже, наверное, помните? — в хорошем смысле слова богемная... «Атмода» тогда была открыта фактически для всех людей. И достаточно демократично функционировала. Именно это был для меня самый интересный период Народного фронта.

— *После того, как вы стали депутатом, вы продолжали писать в газеты?*

— Да, но — уже меньше. Я полагаю, что это и понятно: так, видимо, и должно было быть — став депутатом, я как бы уже переместился на новую ступень истеблишмента. А «Атмода»... она

должна была оставаться газетой, чистым рупором демократии, без какой бы то ни было примеси влияния власти.

Вы знаете, «Атмода», впрочем, продолжала идти оппозиционным путем, оставаясь в оппозиции даже к тому Верховному Совету, в котором участвовал Народный фронт. Поэтому никак нельзя утверждать, что «Атмода» была официальным рупором тогдашнего Верховного Совета.

— *Какая у Вас была должность в Верховном Совете?*

— Сначала я был заместителем председателя комиссии по правам человека — председателем была Ита Козакевич. Потом, после ее гибели, этот пост занял я.

— *В этой комиссии работали представители оппозиции, «Равноправия»? Как у Вас строились отношения с ними?*

— Во-первых, в комиссии были и нейтральные лица. Например, господин Зотов, который — как бы и оппозиция, но, с другой стороны, и просто оригинальная позиция. Может быть, помните?.. Зотов — священник, достаточно колоритная фигура. Даже когда была эта декларация, он воздержался. То же — и во время известных событий 15 мая. И вообще он постоянно делал что-то не так, как вся оппозиция... Или господин Белуха — из клана бывших функционеров. Но даже когда я сегодня встречаю Андрея Белуху, то все происходит в дружеском ключе, надо сказать... Возможно, как раз потому, что мы тогда решали весьма актуальные вопросы, и не было серьезных антагонистических противоречий в комиссии.

— *А что за актуальные вопросы?*

— Во-первых, очень острым был вопрос о реформе тюремной системы. Поскольку ситуация там была действительно ужасная. И второй вопрос — законодательство о религиозной свободе, свободе совести. И тут, надо сказать, нам не возражали и представители компартии (или бывшей компартии). Стоял вопрос и относительно нацменьшинств — был принят закон о свободном развитии национальных меньшинств. Лидерами в этом деле были Рута Марьяш и Ита Козакевич. Поднималось и множество других вопросов. Я не помню, чтобы в нашей комиссии были какие-то антагонистические противостояния.

— По всей вероятности, потому, что «планка» была существенно ниже — тогда ведь, например, не стоял вопрос о том, что в средней школе обучение будет переведено на латышский язык.

— Для комиссии по правам человека такой вопрос был вообще не актуален — этим занимались другие комиссии, если Вы помните! А «планка» ... ну да, в некотором роде она была, возможно, и ниже ... Но так или иначе, а в то время этот вопрос у нас не поднимался.

— Почему, на Ваш взгляд, прекратилось сотрудничество двух фракций?.. Иначе говоря, как получилось, что фракция «Равноправие» вся ушла из Верховного Совета? Вы ее выгнали?

— Как это было, не помню ...

— Я — про известные январские события: тогда «равноправцы» перешли в бывший Дом партполитпросвета и стали там заседать.

— Ну да... Но — нет, мы их не выгнали... Просто январские события подняли такие острые проблемы... Словом, вопросы поднялись политические... Вот Вы говорите: «сотрудничество фракций»! Я не сказал бы, что тогда было какое-то тотальное сотрудничество. Были разногласия. Но, тем не менее, в нашей комиссии вставали и такие специфические вопросы. Но в общем-то речь не шла о каком-то принципиальном межфракционном сотрудничестве. Были ведь ещё и другие комиссии — по сельскому хозяйству, например. Но политические вопросы, являвшиеся основополагающими, — в связи с январскими событиями, с причастностью к путчу и насилию, — все это, разумеется, перевело наши разногласия на другой уровень.

Просто, если мне не изменяет память, депутаты «Равноправия» отказались голосовать. А мы проголосовали — за независимость. Они считали, что это голосование — циркачество, и ничего тут у нас не получится. Но вот 15 мая прошло, и уже через пару недель «Равноправие» увидело, что все как-то работает, функционирует. И Москва танки не посылает. И Горбунов спокойно сидит на месте. И особенно, когда 15 мая фракция «Равноправие» посмотрела в окно, и увидела, как ОМОН разгоняет демонстрацию офицеров, то это вообще воспринялось как парадокс! И, наверное, «равноправцы» были в полной растерянности: ведь все совершалось совсем не так, как ими планировалось. Видимо, на уров-

не таких конкретных ощущений это так называемое «сотрудничество» и происходило.

А январь опять все обострил. И именно — вопрос о том, что все-таки есть возможность отменить то, предыдущее решение Верховного Совета, которое было 4 мая, — то есть, решение о частичной независимости. Это во многом нас раскололо. Я сейчас в точности не помню, в прямом ли физическом смысле «равноправцев» прогнали...

— *Хорошо. О другом. Насколько мне помнится, одной из мотивировок протестов против премьер-министра Ивара Годманиса было повышение цен. Как Вы считали, в сфере экономики правительство Годманиса правильно действовало?*

— Во-первых, всегда можно сказать: «Можно было лучше». Во-вторых: к сожалению, нет ни одного премьера, который мог бы без «шока» перевести хозяйство из социализма к капитализму. Это всегда болезненно, потому что отпускаются цены, идет освобождение рынка. И всегда приводит к каким-то перверсиям: освободили рынок металла — все моментально стали хапать этот металл, «пилить». Банкам дали свободу — в них начали провоцировать «дела»...

Словом, это очень неверно — огульно критиковать «ошибки Годманиса». Ведь в правительстве был тот же Оярс Кехрис, была там и комиссия экономистов, и премьер отнюдь не единолично принимал решения. Вполне возможно, что он сделал слишком широкий шаг в сторону «экономики свободного рынка», что вызво всякие пертурбации — порой парадоксальные и не очень приятные. Но, с другой стороны, если на все посмотреть теперь в ракурсе вот этих 15 лет... Вряд ли с абсолютной уверенностью я могу сказать, что это было его самой главной ошибкой. Развал колхозов? Понимаете, это опять-таки довольно неоднозначный вопрос. Ведь немаловажно и то, насколько в целом продуктивно существовали и работали эти колхозы...

— *В каком округе Вы избирались?*

— В самом центре города — университет и Старый город.

— *И кто был соперником?*

— Миервалдис Раманс. Он шел нейтральным депутатом. Кто-то был и из Интерфронта, но — не сильный соперник. Ра-

манс был руководителем Госплана в последнее советские время и считался «ни то, ни се». Большой друг Яниса Аболтиньша. Но — с Рамансом что было интересно: вот, скажем, мы устраиваем встречу с избирателями, собираемся в каком-то клубе. Приходят служащие, пенсионеры — да все, кто хотел, могли прийти. Так вот, я приходил пешком, а Раманс приезжал на черной «Волге». Однажды, помню, когда мы уже со всеми переговорили, я вышел и пешком отправился с избирателями, то Раманс, тоже выйдя из клуба, сел в свою «Волгу» и укатил. Ни один помощник-советчик ему элементарно не подсказал, что такого не следует делать. Ведь пенсионеры смотрели вслед и говорили: «Нет уж, мы будем за Пантелеева голосовать! А то этот жирный садится в «Волгу» и уезжает себе ...» Экономических-то проблем в то время было предостаточно ... То есть, умный вроде бы человек, а в вопросах пиара — притом, в такое революционное время! — совсем не ориентировался. Да и вообще он приезжал не как кандидат, а как какой-то эксперт, причем — старого пошиба.

— *А как шло общение с Горбуновым? Познакомились, наверно, еще до выборов?*

— Да.

— *Что Вы думаете о его, так сказать, эволюции?*

— Знаете, в известной мере Горбунов где-то символизирует чисто латышскую эволюцию, во всяком случае — эволюцию очень многих латышей. Потому что — будем справедливы — отнюдь не все латыши в советское время сидели в лесах с ружьем и по-партизански боролись с советской властью. Иной раз сегодня послушаешь, так даже странно: столько, оказывается, было партизан, так активно все боролись ... Непонятно только, кто же были тогда председатели колхозов, другие руководители и так далее?

Главным толчком для Горбунова стали не одни только конъюнктурные соображения, если кому-то так кажется. Произошло все оттого, что он изнутри самой компартии и в силу высокого партийного уровня, на котором пребывал, был достаточно крепко информирован. Он, не исключено, даже четче всех нас видел неизбежность краха советской системы. Видел просто-напросто как факт: фиаско неизбежно. И поэтому он, я думаю, довольно серьезно переживал неотвратимость этого фиаско. Однако переживал не просто сожалая, но думал, по-видимому: а что же будет по-

том? Что может и должно быть? И как помочь его людям вылезти из той трясины, в которой они находились?.. Я считаю, что в большей степени именно эти соображения и привели его в другой лагерь. Это с одной стороны.

А с другой — он видел (сначала, конечно, как человек Горбачева), что выход из этого советского тупика — в демократизации. Он не без уважения отнесся к выбору, который сделали избиратели и Верховный Совет. И он фактически подчинился этому выбору. Я видел, когда мы с ним над чем-нибудь работали, что какие-то детали ему иной раз казались чересчур радикальными. Но он себя всегда успокаивал: «Они — выиграли, они — большинство, и мы реально должны выполнять волю этого большинства. А правильно это или неправильно — покажет время, ход истории» ... Короче, он именно подчинился большинству.

— *А какие вещи казались ему радикальными?*

— Ну хотя бы — когда мы дебатировали вопросы о разных типах переходного периода. Скажем: восстанавливать ли сразу де-факто республику или объявлять переходный период. Ясно, что он был сторонником очень медленного, эволюционного пути.

— *И даже в августе 1991-го были предложения протянуть этот период?*

— Нет, это было еще перед 4 мая 1990 года. А в 1991-м игра была уже другая, многое уже было совсем очевидно ... Понимаете, в августе 1991-го — уже на третий день было ясно, что путч ГКЧП проваливается. И проваливался он не в Латвии — он проваливался в Москве.

— *А почему было принято политическое решение об аресте Рубикса? Почему именно Рубикса — ведь партийных секретарей ведь были тогда еще сотни.*

— Потому что Рубикс очень постарался сам. В первый же день путча он выступил по телевидению и заявил, что будет арестовывать и наказывать. Он публично взял на себя роль местного лидера путча. Конечно, это не значит, что не было других, поддерживавших путчистов. Однако Рубикс, как человек достаточно строптивый, принципиальный, вышел и в первый же день объявил, что не только поддерживает путч, но и что последует расправа с теми-то и теми. В принципе, экспонировал себя в качестве главной

местной фигуры путча. Вы, надеюсь, знаете, что даже в Москве тогда говорили о Рубиксе нелестные слова — он стал там своеобразным символом путчистов. Тут можно, конечно, поразмышлять: либо он не понимал, что происходит, либо принципиально шел ва-банк. Не знаю...

— *Что Вы можете сказать о Ваших личных встречах с Ельциным?*

— Первая личная встреча с ним была в дни январских событий: тогда мы все собрались в Таллине — он, Ландсбергис, Рюйтель, Горбунов... Я был с Горбуновым... Ельцин тогда приехал туда, чтобы продемонстрировать нам моральную поддержку... Что я могу сказать о личных впечатлениях? Во-первых, он очень и очень русский человек — по сути своей русский. В отличие, кстати, от Горбачева, который — не то западник, не то полуевропеец, не то неизвестно кто... А Ельцин — он исключительно русский, в том смысле, что очень прямой, очень откровенный. Как мне казалось — он говорил именно то, что в данную минуту думал, даже иногда во вред себе. При этом, в некотором роде он исключительно уверенный в себе и обладающий довольно сильной харизмой... Разумеется, можно говорить о разных периодах его президентства, но на начальном этапе у него была почти распутинская харизма. Мол, «я знаю, как надо делать, положитесь на меня — и все будет, как я говорю». И оставалось впечатление серьезной силы...

Хотя, впрочем, когда он приезжал на встречу в Таллин, никакой такой силы за ним в действительности не было. И я помню, в кулуарах оговаривалось: обратно он поменяет маршрут — были подозрения, что возможны какие-то провокации или что на него даже готовится покушение. И тем не менее — впечатление силы оставалось.

— *А как насчет решения вывести народ на баррикады в январе 1991 года?.. Это делалось ради солидарности с Литвой? Или, может, была какая-то информация о том, что и здесь намечен силовой сценарий?*

— Пункт первый: была, конечно, все же и солидарность. Пункт второй: было и достаточно подозрений, что акция, подобная вильнюсской, может повториться и здесь. И пункт третий: была принята очень простая формула: для Горбачева просто и быстро сделать переворот — это одно дело, но пойти на кровавый переворот — для

того же Горбачева — дело совсем другое. То есть, нами была выбрана тактика непрерывной игры с ним, с его перестройкой. И такая же игра была у Горбачева с Западом. Иначе говоря, нам было ясно: если бы Горбачеву удалось все тихо и мирно повернуть и таким образом закончить — это была бы одна история. Даже Запад — ну ладно, поплакал бы: дескать, мы не поняли, что там произошло — за одну ночь пришли, выгнали парламент, всех разогнали, теперь иди, разбирайся... Но пойти через людей, через кровь (я и представить не могу, сколько людей в то время осознавали, что такая вероятность существует) — это было бы уже совсем другое. Вот потому Горбачев и продолжал эту игру с Западом — игру в перестройку, чтобы показать, что кровопролитие, подобное тому, какое было в Тбилиси или где-то там еще, не может повториться... То есть, я думаю, на это — на такой имидж — и была ставка.

— *Что же получается, ОМОН действовал самостоятельно?*

— К этому вопросу я все время возвращаюсь, пытаюсь внимательно многое проанализировать. И прихожу к выводу, что ОМОН — да, он в самом деле действовал самостоятельно. Во всяком случае — по отношению к Горбачеву. Возможно, в Москве были люди высокого ранга, с которыми омовцы координировались. Но не на уровне Горбачева.

— *А роль Пуго? Все-таки — латыши, и на таком высоком посту: министр внутренних дел! Каковым было его отношение к Латвии?*

— В чем-то Пуго был человек рубиковского типа. Приверженец старой советской системы. А вот, скажем, Горбунов и Пуго — тут разница. У Горбунова взгляд на вещи был шире. Конечно, как Горбунов, так и Пуго, — они были партийными функционерами. Это означало, что они материально жили хорошо. И предельно ясно: как бы плохо все вокруг ни шло, элита не бедствовала. Но если Горбунов все-таки видел сквозь это и общую катастрофу государства, то Пуго, очевидно, такого не было дано. Он оставался в этом своем Садовом кольце — был как бы заключен в нем, из этого исходил. И очень показательно, что Пуго проиграл в Москве, а не в Риге. То есть, он, скорее всего, даже не понимал, что происходит в России, уж не говоря о Латвии.

— *А латышская эмиграция понимала, что происходит в Латвии? И насколько была важна ее роль?*

— Во-первых, следовало бы пояснить: такое обобщенное определение — «латышская эмиграция» — это не совсем верно. В среде эмиграции были очень разные группы. Была, например, ортодоксальная латышская «тримда» («ссылка»), представители которой принципиально не поддерживали никакого контакта ни с кем — никто из них в советское время не приезжал сюда, ни с кем из местных они и за границей не встречались. Они полагали, что все здесь — сплошные агенты КГБ, нельзя ни с кем контактировать вообще. Однако была и другая генерация — эти считали, что все-таки должны приезжать на родину, поддерживать хотя бы культурные связи, сотрудничать с кем-то здесь и так далее. Думаю, вторая категория эмиграции понимала, что на самом деле здесь происходит в этот революционный период. Что касается первой категории — ортодоксальной «тримды», — то, я думаю, они жили теми же иллюзиями, что и президент Джордж Буш-старший, который считал, что Советский Союз — это вечная категория. Да, ортодоксы ненавидели Советский Союз, однако, по их мнению, какие бы то ни было надежды на перемены — дело абсолютно напрасное...

— *Расскажите, пожалуйста, как депутаты Народного фронта создали известный «Клуб 21», и как он превратился в партию «Латвияс Цельш»?*

— Это очень длинная история, в двух словах не изложишь. Во-первых, в «Клубе 21» были не только депутаты Верховного Совета. Это была более обширная организация, чем просто клуб... В тот период как раз вводилась либеральная экономика. И, естественно, как продукт либеральной экономики начал складываться и новый класс — буржуазия. У Народного фронта прямой связи с этим классом не было. То есть, он как бы существовал сам по себе и что-то там делал, а депутаты — сами по себе. Однако поскольку мы все-таки восстанавливали капитализм, то определенная часть депутатов считала, что надо налаживать перманентную связь с представителями нарождающегося предпринимательства. Фактически для этого и создавался «Клуб 21».

— *То есть, как лоббистский инструмент?*

— Да. Притом — лоббистский, так сказать, в обоих направлениях, когда предприниматели могут влиять на депутатов, но и депутаты могут влиять на предпринимателей, консультироваться

с ними, проводить в жизнь какие-то общие идеи. Вот это и был «Клуб 21».

А партия «Латвияс Цельш» создавалась, считайте, из трех источников — из фракции «Сатверсме», которая образовалась в конце 1991 года, из «Клуба 21» и из представителей PBLA⁶ — то есть латвийской эмиграции. Вот эти три источника и питали новую партию «Латвияс Цельш», поставившую своей целью проводить либеральную политику. И это фактически соответствовало очень быстро набиравшим силу либеральным реформам в направлении свободного рынка.

— *На нынешней политической шкале «Латвияс Цельш» достаточно центристская партия. Вы сами сдвинулись к центру, или же вся шкала ушла вправо?*

— В отношении этого спектра — вообще большая каша. По экономическим вопросам «Латвияс Цельш» был и остается правой партией. А либерализм в отношении национальных и религиозных вопросов — это то, что в Латвии в последнее время почему-то приписывается центристам и чуть ли не левым. Наш центризм происходит из той же либеральной политики и в национальном вопросе.

— *На Ваш взгляд, почему «Латвияс Цельш» так успешно выступал на выборах трех предыдущих Сеймов и потерпел неудачу на выборах в VIII Сейм в 2002 году?*

— Потому что наш либерализм поднялся на основе протеста людей против авторитаризма и догматизма бывшего советского строя. Народ требовал свободы, и при этом требование свободы было для него превыше всего — и экономических благ, и других целей. Это было время активного роста «Латвияс Цельш», роста либерализма, когда для людей вопрос раскрепощения был значительно важнее других. А через какое-то время, как это нередко случается, людям попросту начала надоедать эта свобода. Появилась потребность в каких-то конкретных, осязаемых вещах. И то, что в партии «Латвияс Цельш», возможно, не смогли вовремя перестроиться, не удосужились задуматься обо всем этом, и стало для нее провалом. Мы поставили во главу угла глобальные цели — НАТО, Европейский Союз, — и мы их достигли. Однако...

⁶ Организация свободных латышей мира.

не предложили людям никаких других, конкретно осязаемых пи-рогов.

— *Насколько, по-вашему, поколение деятелей Народного фронта в настоящее время влиятельно в политическом истеблишменте Латвии.*

— Их влияние довольно незначительно. Да, в данный момент — весьма скромное.

— *Как Вы думаете, возможно ли, чтобы Годманис еще раз стал премьером?*

— Вряд ли. Хотя я думаю, что он, в принципе, был бы неплохим премьером.

— *Считаете ли Вы, что сейчас, после вступления в Европейский Союз, Латвия — более свободная страна, чем она была, предположим, в 1994 году, когда отсюда уже ушла российская армия, но Латвия не была еще членом никаких международных объединений?*

— С 1994 годом сравнивать довольно-таки сложно — то время было такое... полуанархическое, что ли... Что значит свобода? С одной стороны, есть, так сказать, птичья свобода, а с другой — есть свобода, связанная с какой-то предметностью, с какой-то стабильностью. Вот если говорить о предметности и стабильности — я думаю, свободы теперь больше, чем было в 1994 году. А если говорить о свободе идей, то, может быть, в 1994 году ее было больше. Однако люди, еще раз говорю, не чувствуют себя сытыми от свободы идей.

6. АЛЕКСАНДР БЛИНОВ, ЖУРНАЛИСТ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ»

Блинов Александр (1945) — родился в РСФСР, закончил Уральский государственный университет (журналистика), в 1972–1983 корреспондент, ответственный секретарь, замредактора газеты ЦК ЛКСМ Латвии «Советская молодежь», с 1983 — главный редактор. Состоял в КПСС, откуда вышел в 1988. Под его руководством газета в конце 1980-х годов имела общесоюзный тираж порядка 900 тысяч экземпляров, став одним из локомотивов гласности и перестройки. Впоследствии руководил газетами «СМ-Сегодня», «Час», «Вести Сегодня». В настоящее время — очеркист.

— Предлагаю начать нашу беседу с отношения власти к СМИ. Когда Горбачев стал генеральным секретарем — Вы почувствовали какие-то перемены в этом плане?

— Да. Я стал главным редактором «Советской молодежи» при Андропове, потом он умер, потом Черненко — и наступила тишина (какие-то байки мы, конечно, делали). И вот — Михаил Горбачев. Ничего особенного сначала не было. Вдруг начались какие-то перемены. Первое, что ввели, — это были, если не ошибаюсь, такие отчеты — «В Политбюро ЦК КПСС», публиковавшиеся по четвергам во всех газетах. В них говорилось, какие проблемы, что конкретно на том политбюро обсуждалось. То есть, появилась «легкая степень открытости». Давали эти отчеты, конечно, для всех, в том числе и молодежным газетам следовало их публиковать.

Далее, началось — также легкое — деление на печать молодежную и более «взрослую»: республиканскую, областную, автономных республик. Для них давались сокращенные варианты официоза. Это, конечно, помогало — хотя бы потому, что освобождало нам место. Началось привлечение редактората к проведению в Агропроме селекторных совещаний. Сидишь, бывало, случается, как там рапортуют — то-то и то-то надо сделать... А потом вдруг ЦК Компартии Латвии стал проводить еженедельные летучки редакторов. При мне их вел Анатолий Горбунов. Причем, первый год

проводил их по-русски, а потом довольно резко перешел на латышский.

— *Вы понимали, куда прокладывают вектор?*

— Понимали, конечно. И тем не менее однажды я задал вопрос: как же, мол, так: вчера вы — по-русски, сегодня — по-латышски, в чем дело? А он: «Латышский — язык нашей страны...» Я: «А язык нашей партии?» Ну, я один был русский, остальные все латыши. Все эти Вольдемары Крустиньши, идеологи национал-экстремизма... Все они там сидели тихо, слушали...

Случались на этих планерках, однако, забавные вещи. Вот мы собирались, и сначала, как правило, речь шла о том, что сделано за неделю. Потом — дружное битье «Советской молодежи» и «Падомью яунатне». Главред Цирулис, помню, воспринимал это стоически, я отбивался. Меня поддерживал покойный Витя Рябикин из Латинформа. Потом говорилось о тех событиях, которые произошли в стране и мире, и тех акцентах, которые при таких-то и таких обстоятельствах им, ЦК, хотелось бы видеть в молодежной прессе. То есть, нам указывали, на что в случае чего обратить внимание. Например, приезжает какая-то делегация, и уже делаются какие-то намеки, следуют инструкции, предупреждения. Или — если предстояли какие-нибудь митинги...

— *В июне и августе 1987 года прошли известные события у Памятника Свободы — милиция там разгоняла людей, запустили автобусы... Вам давались какие-то указания, как это освещать?*

— В принципе, нет. Мы освещали их только с точки зрения официоза, Латинформа, не более. Хотя вообще-то, в принципе, мы могли написать все, что считали нужным. И первое, что, помню, мы сделали сами, это подробно и ярко подали ту встречу в Юрмале, когда приезжала внучка Эйзенхауэра. Что было в известной мере необычно, и цензура немножко подергалась. Но что можно было сделать?.. В цензуре, как известно, был четкий перечень — что можно освещать, а чего нельзя. Масса правильного, конечно, — размещение воинских частей, скажем, природные ресурсы. Но и одновременно была масса наивного: нельзя, например, упоминать фамилии Солженицына, Аксенова, Войновича и других эмигрантов... Дико это было и смешно.

Комсомол (мы как-никак считались его представителем) тоже раз в два месяца давал какие-то отчеты. Но все это выглядело до-

вольно примитивно. Я шел в «молодежный» ЦК всегда, словно готовился к некоей битве. Во-первых, там, как правило, был сплошной «полив»: мол, все хреново делается. А потом, скажем, выступал Юра Сокута (командир Студенческого строительного отряда Латвии), и говорил, что он всем доволен, что газета ему нравится, а вся критика — детский лепет. И все соглашались: «Да, да». Недавно в Риге на улице Стабу я встретил Юру Сокуту — он работает каким-то техником, что ли...

— *А вот когда первые кооперативы в 1986–1987 гг. стали подниматься, они выходили на газету? И вообще: какие были новые вехи в этом плане?*

— Я бы сказал, что мы сами первыми решились использовать эту нишу. Создали тогда Клуб друзей газеты «Советская молодежь», зарегистрировали его как общественное движение, и тут же быстренько превратили в то, что сейчас называется Фондом. С его помощью открыли издание «Гласность», стали публиковать сборники анекдотов. Под эгидой Клуба друзей его президент Леша Буре начал издавать первый в Советском Союзе журнал «Эротикон». Мы тоже участвовали в этом деле. Там, правда, были какие-то «разборы», однако нам никто не говорил — прекратите. У меня было такое впечатление, что всесильная партия коммунистов попросту не знала, что делать.

Одним из любопытных эпизодов стало то, что меня пригласил на беседу Борис Пуго. Присутствовал, правда, еще и Цирулис, но он, как бывший работник ЦК, помалкивал себе, а я — человек свободный — «выступил». Сказал, что, по моему мнению, надо делать (возможно, даже несколько в экстремальном ключе), что партии неплохо бы, как в Чехословакии в 1948 году, провести коммунистические батальоны по Риге. Я говорил: вон сколько нас — 180 тысяч коммунистов! Пусть пройдут! Расправьте плечи! Покажите, что вы сила — в политике, в культуре, в экономике! А вы сидите и ничего не делаете, кроме того, что постоянно критикуете молодежную печать. Это так, что ли, мы хотим делать настоящую политику!? А вы ее именно так и делаете... В общем, «оттянулся», что называется, по полной программе. Ну и по полной же и получил «по мордасам» на ближайшем пленуме ЦК.

Помню, Борис Карлович говорит: «А что думают редакторы молодежных газет? Вот Блинов мне говорит...» И все, что я ему тогда выдал, изложил — причем даже в несколько ироничной фор-

ме. И все заседатели: «Долой! Антикоммунист! Сволочь!» А я же еще и на трибуну вышел.

— *И что сказали?*

— Во-первых, мне минуты две-три не давали говорить — шипели, топали. Восемьдесят восьмой год — можешь себе представить! Я сказал: «Борис Карлович! Вообще-то некрасиво, когда два мужика между собой о чем-то толковали, а потом это выносятся в виде программы на трибуну пленума, да еще закрытого». Во-вторых, если партия будет продолжать «стрелять» по молодежной печати, то закройте эти газеты к чертовой матери, и тогда здесь будет рай и благоденствие. О чем вы здесь говорите?! Я ведь вступал в другую партию, которая хотела построить пусть не рай на земле, но создать хоть какие-то блага для людей. А вместо этого я слышу жалкий лепет партийных чиновников, которые гордятся своими галстуками и костюмами. Вот что я сказал. И в итоге добавил, что ухожу, и последнее слово оставляю за собой. Хлопнул дверь и ушел.

— *В редакции «молодежки» Народный фронт появился?*

— Да! И причем шло это из ЦК компартии — совершенно официально. И вот мы собираем по этому поводу открытое партийное собрание. Приходит некто Иванов из Ленинградского райкома партии — при пиджачке, при галстукке такой мужичочек. И говорит: мол, есть предложение создать в редакции группу Народного фронта. Я сказал, что у меня есть ощущение, что этот господин — провокатор, и я предлагаю его с собрания удалить. Все проголосовали «за», кроме пары рук. И он ушел, изрыгая проклятия. И на прощание: «Как вы не понимаете! Партия должна взять свою линию в Народном фронте, и мы победим!»

Где-то в душе мы понимали, что это — обман, туфта в чистом виде. Потому его и прогнали. Он ушел, а от нас в Народный фронт вступила Ина Ошкая и кто-то еще. Больше никто не вступал. Хотя к тому времени мы все написали заявления о выходе из партии в связи с несогласием с ее линией, программой и уставом. Причем никто не пришел нас отговаривать или упрекать в чем-то. Представляешь: уходит вся редакция! А у нас членов партии было немало — человек семнадцать.

Наконец приехал из Москвы этот... Медведев. Чтобы услышать мнение местных коммунистов относительно происходящего. Собрался народ, который мало-мальски понимал, что творится. Я опо-

здал, и сел на место напротив Медведева. Смотрел ему в глаза — глаза робота, зомби. Мы ему «до лампочки» были — все вместе взятые, абсолютно. Он смотрел на нас, как на толпу уродов, которые собрались и мешают ему думать. Я понял: все, кранты. Союза больше нету, партии нету. Нечто ублюдочное такое осталось, осадок.

— *Декларации Народного фронта Вы печатали в инициативном порядке?*

— Конечно. Я в то время принял такое решение: все-таки газета — это элемент истории. Следовательно, надо публиковать и документы Интерфронта, и Народного фронта, и других движений. Это было, по правде говоря, интересно — потому что мы не понимали даже, что куда повернется. Оставалось балансировать, что ли...

— *Вас приглашали на какие-то народнофронтские тусовки?*

— Я был на первом съезде Народного фронта. У меня даже фотография сохранилась — вышел в свое время такой альманах. К десятилетию, что ли, Народного фронта привязали, или к какой-то другой дате. Коричневый такой солидный том. Так вот там на фотографии и сидим мы...

— *В качестве кого Вы там присутствовали? В качестве журналиста?*

— Да, в качестве представителя прессы. Сидели в закутке для прессы на первом ряду — я, Шейнин, другие ребята...

— *Ну и какая — чисто в эмоциональном отношении — была атмосфера?*

— Атмосфера, честно говоря, мне понравилась. Как ни странно. То есть там все было сбалансированно. Было ощущение какого-то оптимизма — и в плане межнациональных отношений, и в плане дальнейшего экономического развития. Ну, эйфория, конечно была — от того, что теперь мы можем сделать. Меня потом пригласили войти в состав редакционной комиссии. Но я, сославшись на плохое знание латышского языка, от этого дела отстранился. Зато другие журналисты — Владлен Дозорцев и Владимир Стешенко — вошли в президиум Народного фронта, а вот Ирину Литвинову почему-то не взяли, хотя она и хотела. По этой причине она впоследствии стала полным врагом Народного фронта...

Кстати, был я и на съезде Интерфронта. В качестве гостя.

— В чем была разница, кроме того, что тут — латыши, а там — русские?

— Разницы, как ни странно, я не ощутил. Если уж по большому счету — то там ведь не было этих призывов: «Восстановим Советский Союз, защитим...» и так далее. Интерфронтовцы тогда были более сдержанны и более объективны.

— И когда эта эйфория спала? Словом, когда появились претензии к Народному фронту, к его политике?

— Если уж говорить конкретно, то когда ОМОН взял Дом печати, 2 января 1991 года. Мне об этом позвонил почему-то с утра Боря Бахов, и говорит: такое, мол, дело. Я был готов. Прихожу. Стоит толпа типографских женщин. Идет просто проверка пропусков, каждого проходящего записывают. Я спокойно показал свою ксиву, записали, прошел. Никто там ничего не трогал. Затем у нас состоялось трехдневное собрание, на котором решался вопрос: что делать? Наши демократы, радикально настроенные товарищи, требовали: надо уйти. Как же так: мы остаемся, когда все латышские редакции ушли? Ведь это мы помогаем, так сказать, тоталитаризму! Я говорю: ребята, 350-тысячный тираж ни одна типография не берет. Хотите угробить газету? В общем, стояли мы насмерть до конца. Помог еще Леша Буре, который принес сорок трехлитровых банок коньячного спирта. И мы в каждый очередной перерыв принимали по стакану. Так вот мы там и остались!

Короче говоря, на это наше собрание приходил депутат Верховного Совета Изя Мовель. И принялся нас убеждать. В итоге нам пришлось его выкинуть с собрания, я сказал: «Шел бы ты лесом!» И серьезные ребята вроде Леша Буре взяли его, и...

— Но ведь вторая Ваша газета в это время в Талси выходила, так? Каким образом это все юридически оформлялось?

— Да никак юридически не оформлялось. Мы сказали: если кто пожелает уйти — ради бога. Из какой бумаги, на какие деньги? — ваше дело... Но у меня полностью лежат обе подшивки дома.

— Читателю же хорошо: две газеты получал!

— Да-да. Я, конечно, понимаю — это было сделано на деньги, которые имел Дом печати, и которые были не украдены, но утаены от ЦК партии.

— После того, как Дундурс ушёл и стал Врублевский, какая по отношению к вам была политика издательства?

— Нейтральная была политика. Они на нас абсолютно не наезжали. У нас же была уже своя охрана в редакции. Когда один раз к нам попытался проникнуть господин Врублевский — на пару с каким-то маленьким солдатиком из южных республик, при автомате, — то наш мужичок, Полтора Ивана, с пистолетом, спросил его грозно: «Ты кто такой?» — «Я директор». — «Так, автомат — сюда, солдат стоит здесь, а ты можешь проходить». Он и прошел ко мне в кабинет, не без дрожи...

Из смешных подробностей. Они, издательские, устроили классное питание — в столовке дом-прессовской как в ресторане было. Алкоголь, конечно, не продавали. А Врублевский и второй товарищ его, который был от партии эмиссаром, — они оба, вообще-то подавальщики. И мы стали их эпатировать. К нам туда приходил Паша Владлевский, бывший директор спорткомплекса «Динамо», который самогон гнал отличный. И вот мы — человек шесть-семь — шли на обед в столовую Дома печати. А они — Врублевский с товарищем — сидят, смотрят на нас тоскливыми глазами. Мы им: «К нам давайте!» А они: «Что вы, нельзя же!» То есть, в сущности, даже это не запрещалось — только чтобы мы там оставались и работали...

В июле у меня состоялся несколько странный разговор с Рубиксом. Он меня пригласил к себе, я приехал. Он сидел в своём кабинете — в рубашке с короткими рукавами. Говорит: «Вот, если будете писать обо мне плохо, мы закроем вашу газету». «Как закроете?» «А так — прекратим печатать». «Ну хорошо, ладно, — говорю, — это Вы мне можете такое говорить. А 350 тысячам читателей, которые читают эту газету, что Вы им скажете, как всё объясните? Вы понимаете, о чем говорите? Пожалуйста, в письменном виде распоряжение — и мы это опубликуем». «Ну ладно, — говорит, — в принципе, верно, конечно... Только давайте — просьба такая: публикуйте, что хотите, но лично обо мне не пишите ничего плохого».

— Поскольку экономические условия существования газеты изменились, то, видимо, это как-то сказывалось — дефицит бумаги, других материалов?

— Дело в том, что наша газета в 1989–1990 гг. давала примерно по 10 миллионов рублей прибыли. В то время мы, конечно, на-

пугали издателей нашим гигантским тиражом — в 1989 году он был под 900 тысяч экземпляров. Они такого не ожидали, их эксперты давали нам не более 400 тысяч. На совещании в Совете Министров ЛССР я сказал: будет 880 тысяч (ошибся всего на 40 тысяч). Я шел до миллиона, но нам сделали лимитированную подписку, попросту ограничили. В результате в 1991 году мы имели тираж уже 350 тысяч.

Мы были хозрасчетным объединением, хотя большая часть прибыли шла в партию. Так что никаких не возникало осложнений ни с бумагой, ни с транспортом, ни с расходами на аренду и печать. Это потом уже, в августе 1991 года, начались проблемы.

— *Когда в Дом печати вернулся Дундурс?*

— Казимир Дундурс — человек глубоко верующий и много пьющий. Он мог себе позволить любые вещи. У него была очень сильная команда — Прусис, его заместитель по Дому печати, и бухгалтер — русская баба, которая выучила латышский, и рассказывала, как славно быть латышами. Проблемы наши с ним носили характер мелких происшествий. Но у меня лежит штук 20–30 записок от Володи Шулакова, ответственного секретаря. Они, Дундурс и компания, сознательно задерживали нам набор, верстку и так далее. И — шли опоздания.

— *Это было после августа?*

— Нет, это были 1988–1989 годы.

— *То есть, они не были в Вас уверены — лояльны Вы или нет. Проверяли, может быть?*

— Да, не без этого. Решалось же все натурально потом и кровью — опоздания бывали безумные. А по старым понятиям у нас был какой-то лимит опозданий на месяц, связанный с публикацией оперативных материалов...

Маразм, конечно. В 1989 году мы попали в странную ситуацию. Однажды в субботу (в воскресенье мы тогда не выходили) к нам приходит странное сообщение из Латинформа о том, что в ЦК компартии Латвии состоялось совещание передовиков сельского хозяйства, на котором был избран почетный президиум во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым, и что был там, естественно, первый секретарь Вагрис, и кто выступил в прениях... Мы все это, разумеется, опубли-

ликовали, скинули и ушли домой. В восемь часов мы «сдались», а в десять пришла поправка, что никакого президиума не было, вообще — ничего не было.

Завтра — разбор полетов. Они не знали, что делать, и поручили собрать бюро Ленинградского райкома партии. Мы пришли туда с секретарем парторганизации Иррой Литвиновой. Я стою, рассказываю — тираж такой-то, деньги такие-то партии идут, примерную сумму называю. Сидит такая мрачная капелла... мастодонты. И я произношу фразу: запланировано было опозданий столько-то, а на самом деле их столько. Встает такой мужик и говорит: «Спились, суки — даже опоздания себе планируют! Они же вообще ни х... не делают!» Тишина наступила, как говорится, оглушительная. Я говорю: «Товарищ, опоздания нам планирует завсектором ЦК компартии Латвии. Это связано с тем-то и тем» ... Никакого решения принято не было, потому что, как оказалось, ту заметку написал какой-то пьяный «информант». Латинформ сначала скинул, а потом внес поправки. А мы раньше выпустили.

— *Годманис как-то отзывался на Ваши публикации? Звонил Вам по «вертушке»?*

— Да, отзывался. Было даже странно, когда вдруг звонила «вертушка» и говорил премьер: «Вот, я прочитал публикацию, интересно! Мне ваши мысли кажутся очень любопытными, я возьму на заметку». А на следующий день: «Да, это вы круто проехали. Вы, вообще, подумайте». Но он никогда не приказывал — мол, пишите вот это или то. Впрочем, нам вообще никто такого не говорил. Это сейчас утверждают: КГБ вмешивался в работу газет. Этого и быть-то не могло. Разве что в каком-нибудь юморном порядке. Например, звонит из сектора печати ЦК компартии Латвии некий товарищ и говорит: «Тут вот байка интересная есть, и мы хотели бы ее опубликовать». Смотрю, байка про то, как криминальный мужичок чего-то наворовал, что-то там написал, и собирается смыться в Израиль. Публикуем, ничего не сокращая. С тех пор этот деятель, приезжая в Латвию, хулит нас и ругает почему зря.

— *Какое впечатление производил Годманис как человек?*

— Лично на меня — благоприятное впечатление. Мне казалось, что этот человек что-то может сделать. Возможно, потому, что он был физиком по образованию. Я знал многих физиков —

они были хорошие ребята. Эта аналогия распространялась и на него в какой-то мере. Ну а дальше пошло... Когда начинаются партийные игры, любой человек становится шестеркой и марионеткой в руках политиканов. Отсюда и то, что Годманиса сломало — очевидная его ненужность в политпроцессе. Тем более, что у него не было качеств, присущих «прихвизаторам». Эти ребята ничего не боялись — крали все что было! Причем, как оказалось, безнаказанно.

— *А Иванс?.. Вы были знакомы с ним?*

— Да. Дело в том, что я в какой-то мере тоже причастен к его быстрому возвышению. В 1987 году я был избран членом президиума Союза журналистов Латвийской ССР и с изумлением наблюдал за публикой, которая там собралась. Занимались они главным образом тем, что распределяли машины и какие-то пенсионные подачки для товарищей, турпутевки. Ни слова о журналистике. Я сказал: «А что мы в этом Союзе делаем? Давайте самораспустимся и что-нибудь изобретем новое». В общем, довел в итоге всех едва ли не до истерики. Тогда провели внеочередной съезд Союза журналистов, и там Дайнис Иванс стал героем — благодаря своим байкам про Даугаву и про метро. Вот и все.

— *А в отношении метро «молодежка» какую линию держала?*

— Знаешь, в политическом смысле мы даже внимания особого на это не обращали. Я был сторонником велодорожек. Да и все прекрасно понимали, что на самом деле происходит. Ведь это мы первыми давали материалы о том, что на Даугаве стояли вышки, и бурили ходы. Мы публиковали первые схемы, где метро будет ходить: первая линия — здесь, станция — там...

— *То есть, писали как об уже свершившемся факте?*

— Конечно.

— *А о Рижском ОМОНе какие впечатления остались?*

— У меня — самые лучшие. Да, эти ребята были очень жесткими к тем, кто вел себя по отношению к ним... ну, неправильно, скажем. Например, у нас есть враг ОМОНа number one — это Володя Шулаков. Потому что он шел однажды в «Молодежку» на работу и забыл дома ксиву, и начал перед проверявшими документы что-то вроде — «да я!..» и так далее. Ну и ему дали по моз-

гам, просто сказали: «Шел бы ты...». Так Володя стал их врагом, похоже, навсегда.

Лично у меня не было с ними вообще никаких проблем. Они, в принципе, действовали очень четко. Если ты не рыпался (например, латышские тетки орали «фашисты!»), то они ничего плохого и не делали. В ОМОНе были к тому же ребята дисциплинированные — они же не украли ни одной пепельницы из кабинетов. А потом вошли войска МВД, уж эти-то хорошо пограбили. Все, что было — картины, вазы всякие — все исчезло. Восемнадцать пустых этажей — оставались мы, «Циня» и «Советская Латвия». Мы ничего не взяли, только в августе 1991 года, когда закрыли «Советскую Латвию», мы оттуда унесли олеандр (огромное дерево), поставили его в угол. И оно у нас зацвело — неожиданно! Что было прямо-таки чудом! Ведь до того простояло десять лет и не цвело...

— *Каким было Ваше отношение к газетам «Атмода» и «Единство» с профессиональной точки зрения?*

— Конечно, это были не газеты, хотя формально и были похожи. Скорее, это были бюллетени. И все же я их почитывал, чтобы знать, какие у них новости. В том числе «Единство», тем более, что про меня там писали всякие нехорошие вещи.

— *Позже правительство стало выпускать газету «Диена». Сразу на двух языках. Это был сильный ход?*

— В принципе любое уважающее себя правительство должно иметь свои издания. Казалось, что они правильно делают, и я одобрял. Вообще, по-моему, чем больше будет разной прессы, тем интереснее. Такая многоцветность не может не радовать.

— *Так... А если вернуться в август 1991-го, к тем трем напряженным ГКЧП... Какова была динамика Ваших отношений с различными ветвями разных властей?*

— Было потрясающе интересно! В первый день мне позвонил Ельцин. Им там надо было какое-то заявление сделать. Звонил и помощник его — Виктор... Фамилию забыл.

— *Илюшин.*

— Да, Илюшин. Он тоже выходец из Свердловска, бывший секретарь обкома комсомола. Сообщает: «Шеф хочет с тобой пого-

ворить». Ельцин сказал, что заявление надо бы опубликовать — больше, мол, нам негде.

Ну мы и опубликовали его заявление, а потом — если честно — напились...

Представьте: информационные ленты не работают, Интернета не было, и вся информация — только через телевизор. Я тогда дал странную, на первый взгляд, команду: публиковать все документы! Но это нам не помогло, и в результате мы, конечно, слегка «попали». Боря Бахов опубликовал на первой полосе указ ГКЧП — крупными такими буквами. А буквами чуть поменьше — на первой же полосе — заявления Горбунова, Ельцина... Я, конечно, думал об истории. Для меня, поверь, в старых газетах — история как на глазах: там одни документы, и почти нет неправды...

В результате нас на следующий день закрыли. Позвонил Врублевский: «Вот, принято решение вас больше не выпускать как враждебную газету» Я: «Почему враждебную?» — «Ну... Рубикс позвонил». — «Давайте, в письменном виде: мол, так и так, закрываем газету. Откуда я знаю, может это какой-нибудь мальчик звонит?» — «Да это же я!» — «Я знаю, что это Вы...»

— *Дал бумагу?*

— Нет. Но мы не вышли: были остановлены станки. Пропьянствовали какое-то время... А на следующий день был арестован Рубикс. И газета опять пошла.

— *И был уже новый начальник Дома Печати.*

— Да, Дундурс вернулся. Мы при этом оказались «героями» — единственная газета, которую закрыли при ГКЧП, это была «Советская молодежь»! Все бежали, а нас закрыли!..

Когда, позже Рубикс вернулся из тюрьмы, мы случайно встретились, поздоровались. «Ты зла не таишь?» — спрашивает. «Наоборот, я дико рад, что так все получилось!» Потому что «Советская молодежь» была в большом фаворе.

— *Вы как-то отследили тот указ о гражданах и негражданах как переломный этап? Или все это потерялось на фоне других новостей?*

— Потерялось, конечно. Народ не оценил указа. Потому что тогда шла дискуссия среди всяких докторов экономики, крепких ребят. И затем шел этот референдум о независимости. По моим

ощущениям, если бы за этим референдумом проследили толковые наблюдатели, то еще не известно, как бы все повернулось. Во всяком случае, среди моих коллег 90 процентов проголосовало против независимости.

— *Каковы Ваши личные впечатления от встреч с Ельциным?*

— Хорошо говорит и ничего не делает. Он же нам пообещал, что поможет в 1992 году с бумагой из Кондапоги. Начались какие-то налоговые нюансы. Я тогда и позвонил этому помощнику, Илюшину. Он: «Кто говорит?» Я: «Витя, ты что, с ума сошел?» — «Я Вас не знаю». Правда, минут через десять перезвонил: «Так, знаешь, нужно было, извини. Чего надо-то?» Я говорю: «Такое, мол, дело. Можешь с Кондапогой вопрос решить?» — «Да». Но там у них был такой министр внешнеэкономических связей, Петр Авен. Петя... Ну и проходит пару месяцев — и ничего, конечно. Я приезжаю в Москву, начинаю разбираться. Выяснилось, что Ельцин подписал бумагу в тот же день. А у Авена — вот такие горы этих бумаг! Когда стали разбирать — нашли... Но мы и без него уже справились...

Вообще же у меня, конечно, весьма негативное отношение к Ельцину...

— *Но не сразу же оно сформировалось таким! Он вначале внушал ведь Вам какое-то доверие. Вы публиковали первое интервью Ольбика с ним.*

— Внушал доверие, безусловно. Мало того, я написал предисловие к его книжке «Исповедь на заданную тему» и получил за эту страничку машинописью 1 000 рублей гонорара! Но я написал хитрые слова: «Я не знаю, что будет дальше. Это пока я в него верю. А будущее — покажет». Вот что написал.

— *Вы знали, что эту книгу написал Юмашев?.. Или думали, что сам Ельцин?*

— Да ну, ты что... Поверь, я знаю, что такое написать книгу. В свое время я сам писал — потом сжег, уже не восстановишь. Тут необходимо думать. А там, у Бориса Николаевича, вранья много. Вот говорят: врет, как очевидец. Это про него...

Я читал разные мемуары — и даже забавно: мы все, оказывается, по-разному видим нашу историю. Я вижу так, а другой, который рядом был, иначе. Взять ту же ситуацию с этими баррикада-

ми в Риге в январе 1991 года, с воспоминаниями о них. Так у иных такое «вспоминается» — чуть ли, понимаешь, танки на них не наезжали! И такое, знаете ли, мужество защитники проявляли, и так незыблемо стояли, и так гордо пошли... Да ничего же подобного не было... Вранье.

Продолжение следует.

Андрей Тесля

И. ПАПЕРНО. «КТО, ЧТО Я?»:
ТОЛСТОЙ В СВОИХ ДНЕВНИКАХ,
ПИСЬМАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ,
ТРАКТАТАХ / Пер. с англ. М.: Новое
литературное обозрение, 2018. 232 с.¹

Толстой-мыслитель и при жизни, и после смерти вызывал сложные чувства и оценки — в силу сочетания несочетаемого: очевидной и поразительной мощи своего понимания, демонстрируемой в художественных текстах — и странности, кажущегося интеллектуального бессилия в его нехудожественных выступлениях.

Очевидная проблема заключалась в том, что за художественными текстами и силой их воздействия никак нельзя было признать лишь «эстетическое». Толстой-писатель был значим не в качестве «чистого художника», его тексты — никак не об обычной «красоте слога», а в лучшем случае, используя словарь современников, о «силе слова», то есть о том, что он способен производить в нем действие в читателе — и что это действие имеет отношение к этическому, что он меняет в читателе если не «способ жить», то до некоторой степени, там, где читатель вообще отзывается на читаемое, его способ видеть себя и мир вокруг — дает иное по-

¹ Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana ИГН БФУ им. И.Канта, mestr81@gmail.com. Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

нимание себя, другие слова для самопонимания, чем те, которыми читатель располагал до этого.

Даже Николай Страхов, относившийся к Толстому не только с пиететом, но и надеявшийся найти у него некие предельные для себя смыслы, сталкиваясь с философскими опытами Толстого, не мог скрывать недоумения — и пытался перевести формулировки своего корреспондента на корректный философский язык, в свою очередь встречая сопротивление со стороны собеседника.

Книга Паперно — опыт внимательного, проясняющего чтения нехудожественной прозы Толстого в стремлении понять ключевой для последнего вопрос — «кто, что я?», формулировка, к которой он неоднократно обращался в своих текстах. Анализируя переписку Толстого с упомянутым выше Николаем Страховым, Паперно обращает внимание, что в известном рассуждении о невозможности передать содержание художественного произведения в какой-либо краткой формуле для Толстого речь идет не только или даже не столько о «способности литературы создавать неисчерпаемые смыслы и, может быть, даже выразить невыразимое», но об обратной стороне этого же свойства — «неспособности ясно выразить свою мысль и свою интенцию» (с. 65), произведение оказывается больше автора — и в то же время изменяет ему.

Паперно акцентирует внимание на том обстоятельстве, что Толстой «в те годы, когда он писал свои главные романы, <...> не вел дневника» (с. 8) — романы оказывались, можно предположить, иной формой фиксации и переработки материала собственной жизни, который вне их находил отражение в дневниковой форме или в текстах нехудожественных произведений. Если для Толстого художественная литература отнюдь не была высшим — и на протяжении жизни он неоднократно отрекался от нее — то писание, помещение себя в текст, осталось неизменным.

Толкование своего «я», определение того, что делает себя собой для Толстого, в частности, предполагает обращение к опыту автобиографии, воспоминаний — и вместе с тем, именно в силу сосредоточенности на проблеме «я», он обнаруживает при каждой своей попытке обратиться к воспоминаниям неадекватность последовательного рассказа. Повествование выстраивает во времени, в последовательности то, что само не обладает таковым — или размещает одно за другим то, что наличествует одновременно. В попытках преодолеть это затруднение Толстой оказывается близок к модернистской прозе — с ее нарушенной хронологией,

фрагментарностью и т. п. — и при этом радикально далек от нее, поскольку само преобразование текста осуществляется им в рамках решения не-художественных задач, тогда как к аналогичным эстетическим попыткам он остается невосприимчив. Преодоление «эстетического» в его видении — это движение не к иной эстетике, а к точности высказывания, то есть именно преодолением многозначности, неопределенности художественного текста, способности себе самому и читателю сообщить нечто с «убедительностью, достигаемой мгновенно».

Рассматривая поздние тексты Толстого, Паперно обнаруживает в них своеобразное преломление гегелевской диалектики раба и господина. Для Толстого, как показывает автор, проблема решается не через признание другого — более того, в толстовской оптике «другой» не является необходимым: «Толстой предлагает снять противоречие между Господином и Рабом не за счет взаимного признания, а за счет отрицания другого. Не пользуясь трудами других и беря на себя самого труд Раба, Господин становится завершенным человеком, который не зависит от Раба, но при этом он исключает себя из сферы отношений с Рабом: “я” оказывается отрезанным от “другого”» (с. 155). Толстовское видение индивидуального выстроено не на социальности, а предполагает вертикальное — отсылку не к «другому», а к «Отцу».

В «Не могу молчать» (1908) есть замечательный пассаж, на который обращает внимание Паперно, отвечающий на вопрос, для чего написан этот текст:

«Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами <...>».

Здесь проговоренным оказывается ключевое — освобождение себя от связи «с этими делами», не столько прекращение их, сколько возможность разорвать, выйти из всеобщей связанности — причастности ко злу уже в силу того, что являешься частью реальности, которая через зло утверждается или поддерживается.

В страстной и мучительной углубленности в себя, в стремлении схватить свое «я» и одновременно в полагании счастья и спасения в его утрате, способности забыться — предвестиями чего выступают старческие провалы в памяти, радостно встречаемые Толстым — быть может, заключается и уникальная способность видеть и передавать других, умение населить свои уже художествен-

ные тексты бесконечной вереницей уникальных, совершенно живых персонажей. Здесь интерес к другому — определяем разбирательством с собой, и именно поэтому границы других людей, их устройство и способы жить — становятся предметом напряженного внимания, принципиально отличного от интереса к другому, в котором забываешься сам. Граница между собой и другими предельно отчетлива — и от этого другие обладают своими четкими контурами и объемом. Контрпример Достоевского здесь не менее показателен — не склонный к детальному разбирательству с самим собой в качестве предмета отчужденного взгляда, он, напротив, населяет художественную реальность различными проекциями себя, создавая в конце концов один огромный эго-текст.

Александр Томилин

MELISSA KIRSCHKE STOCKDALE.
MOBILIZING THE RUSSIAN NATION.
PATRIOTISM AND CITIZENSHIP
IN THE FIRST WORLD WAR.
Cambridge University Press, 2016

Войны XIX столетия выдвинули такое явление, как «вооруженный народ». Однако Европа столкнулась с этим в полной мере в годы Первой Мировой Войны. Для победы в войне потребовалось не только поставить под ружьё миллионы солдат, но и заставить всю страну работать только для нужд фронта. Однако как показывает опыт истории — мало принудительно обязать граждан работать на заводах, надо ещё придать им мотивацию их труда. Эта сторона истории Первой мировой до сих пор мало изучена, в частности, попытки тотальной мобилизации в Российской империи.

Попытка осветить тотальную мобилизацию Российской империи в годы мировой войны предпринята в книге Мелиссы Стокдэйл, профессора университета Оклахомы. Особенность книги в том, что автор подошла к проблеме тотальной мобилизации не со стороны экономики или действий правительства, а со стороны исследования военной пропаганды и реакции на её методы. Автор ещё до этого изучала историю эпохи заката Российской империи с разных сторон: была написана биография политика-либерала П. Н. Милюкова в контексте либеральной культуры России¹, создан труд о русской культуре эпохи 1914–1922 годов, в соав-

¹ *Stockdale Melissa K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918.* — Cornell University Press, 1996.

торстве с русским ученым Б. И. Колоницким². Кроме того, её статьи о женщинах и патриотизме³, о чествовании ветеранов войны⁴, обзорных статей о русском опыте мировой войны,⁵ непременно указывали на то, что это фрагменты будущей обзорной работы об эпохе Мировой войны в России. В 2016 году вышла её книга, посвящённая методам патриотической мобилизации в России 1914–1917 годов, подводящая итог её предыдущим исследованиям, которая носила название «Мобилизуя русскую нацию. Патриотизм и гражданственность в Первой мировой войне». На западе книга была встречена хорошими отзывами, теперь пришла пора представить её российскому читателю.

Вопрос пропаганды как инструмента тотальной мобилизации знаком многим россиянам не понаслышке, однако прежде чем писать об этой книге, надо показать, как у правительств стран Европы возникла нужда в организованных призывах к патриотизму и гражданственности.

ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА И МОБИЛИЗАЦИЯ МАСС КАК ТРЕБОВАНИЕ ЭПОХИ

Проблема тотальной мобилизации была порождением эпохи бурного технического прогресса, который выдвигал к ведению войны новые требования, и соответственно — к государству, ведущему эту войну.

В период от окончания Крымской войны в 1856 и до франко-прусской войны 1870–1871 гг., система комплектования армий была заменена с рекрутского набора на систему призывников⁶, что

² Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions / M. Frame, B. Kolonitskii, S. G. Marks and M. K. Stockdale, eds. Indiana University, 2014.

³ Stockdale Melissa K. "My Death for the Motherland Is Happiness": Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914–1917 // The American Historical Review. Vol. 109. 2004. P. 78–116.

⁴ Stockdale Melissa K. United in gratitude: honoring soldiers and defining the nation in Russia's Great War // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 7. 2006. P. 458–485.

⁵ Stockdale Melissa K. The Russian Experience of the First World War // A Companion to Russian History. Vol. 10. 2009. P. 311.

⁶ Person G. Learning from Foreign Wars. Russian military thinking 1859–1873. Solihull, 2010. P. 9.

позволило создавать более крупные воинские части. Техническое развитие привело к изменению вооружения, приведшее к появлению скорострельных и казнозарядных винтовок и орудий, появились быстрые системы связи — телефон и телеграф, транспорт, позволявший сосредотачивать гигантские массы войск в нужный момент за считанные дни — железные дороги. Все эти технические новшества потребовали более высокого уровня образования офицеров и потребовался корпус специалистов, который бы управлял такой сложно организованной армией — Генеральный Штаб.⁷ Всё вышесказанное потребовало специальной военной организации, военных округов, системы мобилизации и призыва войск, штатов мирного и военного времени, специального образования для офицеров, и умелого управления всей военной системой.

После, в 1920-х годах, советский командир А. А. Свечин, бывший генерал-лейтенант царской армии, в своём труде «Эволюция военного искусства», писал относительно эпохи 1860–1870-х годов XIX века, получившей неофициальное наименование «эпоха Мольтке», по имени германского главы Большого Генерального Штаба Х.-К.-Б. фон Мольтке, что тот смог учесть технические новшества эпохи — телеграф, железные дороги, дальнобойное оружие, и эти факторы повлияли на его военную стратегию⁸. Она заключалась в единовременной мобилизации всех сил, чёткого и жёсткого плана перевозок войск, и введении в бой их походных колонн.⁹ При этом Свечин подчёркивал контекст эпохи — рост всеобщего благосостояния и культурного уровня масс, в результате высвобождения сил капитала вёл к тому, что державы вынуждены были использовать все возможности масс на фоне обостряющихся противоречий в международной политике¹⁰. Ввиду этого, резко возрастала роль материальных факторов, которые помогали провести мобилизацию масс и эффективно использовать их как военную силу для разрешения внешнеполитических противоречий. Свечин полагал, что вряд ли в ближайшие столетия будут новые средства способные заменить железные дороги и телеграф, а вкупе с новыми средствами войн, которые показали войны нача-

⁷ Ibid. P. 11.

⁸ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М. ; Л., 1928. В 2-х томах. Т. II. С. 531.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Т. II. С. 532.

ла XX века, это оказало сильное влияние на военное искусство, активно развивавшееся под воздействием техники¹¹.

Однако мобилизация масс не могла пройти по щелчку пальцев начальника Генерального штаба воюющей державы. Массам надо было ещё объяснить, почему они обязаны умирать и жертвовать собой на фронтах или на тыловых работах. Как пример, можно привести ситуацию в Великобритании в 1877 году, когда началась русско-турецкая война 1877–1878 гг. Так как Лондон был заинтересован в сохранении территориальной целостности и суверенитете Османской империи, ввиду своих торговых и экономических интересов,¹² то попытки России решить Восточный вопрос силой оружия должны были встретить отпор силой британских штыков. Однако настроение масс было не на турецкой стороне. При подавлении восстаний в Боснии августа 1875 и Болгарии апреля 1876, турки свирепым образом расправлялись с мирным населением. Это вызвало бурю возмущения среди британской публики,¹³ и поэтому протурецки настроенный премьер-министр Бенджамин Дизраэли, лорд Бисконфильд, не мог в таких условиях открыто поддержать Турцию в борьбе с Россией. Поэтому надо было настроить общественное мнение так, чтобы подданные согласились защищать Турцию от более «ужасного» врага.

Ещё до того, как русский солдат перешёл Дунай, в Британии началась масштабная газетная кампания по очернению образа России. В донесениях русского военного агента в Лондоне, генерал-

¹¹ Там же. С. 543.

¹² В качестве примера можно проследить рост турецких долгов: в феврале 1856 года Англия и Франция выделили Турции заём в 1 млн 819 тыс. 919 ф. ст., в 1858 был сделан ещё один заём на 5 млн ф. с., в итоге к 1863 году Порта сделала 10 займов на 1 млрд. франков. На уплату долга в 1863 году ушло 3,75 млн турецких лир, при том, что годовой бюджет империи составил 16 млн лир. В 1863–1870 гг. было сделано займов на 104 185 860 турецких лир, а в 1871–1874 гг. — ещё на 98 530 000 лир. Несмотря на такие большие суммы займов, в реальности Порта получала немного денег, ввиду обесценивания облигаций. На обслуживание счетов уходили большие деньги: в 1860-е — 10% дохода казны, а в 1870-е сумма выросла с 30 до 50%. В итоге, долг вырос до 5,5 млрд франков. Разумеется, это сделало Османскую империю полностью зависимой от кредиторов, а Британию — крайне заинтересованной в платёжеспособности своего восточного должника, что подразумевало целостность и экономическую стабильность государства. Данные приводятся по статье: *Айранетов О. Р. Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860–1870-х // Российская история № 6 / ноябрь-декабрь 2016. М., 2016. С. 16–17.*

¹³ Подробнее об этом см.: *Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.*

майора Свиты Е. И. В., А. П. Горлова, можно прочитать об информационной кампании, запущенной в британской прессе против России. В донесении от 14/26 апреля 1877 г., за № 20, на имя военного министра сообщалось, что Англия стремится выставить цели России не благородными, а наоборот — ужасными. Пущены слухи по поводу убийств женщин и детей племени йомудов, при подавлении восстания в Туркестане в 1873 году¹⁴, а в апреле 1877 года британская пресса начала антирусскую кампанию с публикации донесений английского консула из Варшавы, полковника Манфреда, об истязаниях, которым будто бы были подвергнуты униаты Царства Польского при обращении их в Православную веру¹⁵.

Так как пресса уже показала читателю русского солдата кровавым дикарём и варваром, то новые сообщения о том, что русские войска якобы проводили массовые избиения подданных-мусульман без разбору пола и возраста на турецкой границе в Азии, должны были шокировать, но не удивить британского читателя, которому уже показали «примеры русской кроважности». На вечере у военного министра, генерала Харди был некий капитан британской конной гвардии Барнаби, который якобы видел избиения мусульман в России:

«Лишь только я подошёл к г. Hardy — писал Горлов в рапорте, — он тотчас начал мне рассказывать, что у нас совершены войсками нашими поголовные избиения мусульман на азиатско-турецкой границе и что Барнаби видел своими глазами привезённых в Эрзерум жертв этих неистовств. Конечно такой приём и такая речь г. Hardy — министра, мне показались более чем странными. Я мог только сказать, что о таком обвинении я слышу в первый раз, полагая его вовсе несправедливым»¹⁶.

Тут же Горлов делал вывод, какой эффект может произвести такое публичное сообщение британского военного министра: «Газеты, по всей вероятности, не заметят начать новую кампанию на этот сюжет».¹⁷ В одном из донесений, осенью 1877 года, Горлов обобщал настроения британской прессы за текущее лето: «Либеральные газеты — меньшинство — остаются враждебными Турции, но и из них редкие благоприятствуют России»¹⁸. А корре-

¹⁴ РГВИА Ф. 401. Оп. 3\927 (1877) Д. 4. Л. 61.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 62.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 119.

спонденция с театра военных действий считалась Горловым очень вредной для имиджа России: «корреспонденты начинают передавать не только совершившиеся события, но также текущие и будущие предположения, чего кажется отнюдь не следует допускать»¹⁹.

Все эти сведения показывают, как английская пресса нагнетала русофобскую истерию в обществе, сообщая заведомо лживые сведения и передёргивая факты. О результатах этой газетной кампании Горлов сообщал в донесении за № 46 за 3/15 июля 1877 года: «Военное настроение идёт ввысь, усиливается и полагают, что правительство не преминет этим воспользоваться. «...» Английские газеты эксплуатируют оное всячески и раздувают народную злость.»²⁰ К примеру, общественное мнение Англии желало расследования грабежей, будто бы творимых русскими казаками в Болгарии.²¹ Это показывает степень успешности британской газетной пропаганды в годы русско-турецкой войны. В этом Горлов был прав, что можно увидеть на простом примере. Вся Англия распевала припев ставшую чрезвычайно популярной песни:

We don't want to fight but by Jingo if we do
We've got the ships, we've got the men, we've got the money too
We've fought the Bear before, and while we're Britons true
The Russians shall not have Constantinople.²²

Именно в этой песенке впервые прозвучало слово «by Jingo», жаргонизм от «by Jesus» (во имя Господа) — отсюда пошло слово джингоизм, обозначающее воинствующий британский шовинизм,²³ под знаком которого прошла история Британии до начала XX века. В этих событиях пресса сыграла свою роль в мобилизации масс, и настройке их на нужный правительству лад, дабы стало возможным собрать сильную армию для разрешения противоречий по Восточному вопросу. Британское общественное мнение стало агрессивно настроенным по отношению к России, что развязывало руки кабинету лорда Бисконфильда в дальнейших действиях.

¹⁹ Там же. Л. 129 об.

²⁰ Там же. Л. 107.

²¹ РГВИА Ф. 401. Оп. 3/927 (1877) Д. 4. Л. 107.

²² Мы не хотим сражаться, но Боже мой, клянёмся, если вдруг! / У нас есть флот, у нас солдаты, деньги есть в придачу! / И раньше били мы медведя, да будем мы Британцами и впредь! / Русские не получат Константинополь! — А. Т.

²³ Лавис Э., Рамбо А. Н. История XIX века. М., 1939. Т. 7. С. 71.

Этот пример с британской прессой показывает, какую значительную роль стала играть пропаганда в деле мобилизации масс на войну. Она давала образ врага, обрисовывала национальный интерес, взывала к гуманизму и соответственно, вырисовывался чёткий смысл ведущейся борьбы.

Для России в 1914 году было очень важно наполнить смыслом ведущуюся войну с Германией и Австрией. По словам О. Р. Айрапетова, разрушение Австро-Венгрии не могло быть символической целью в войне, понятие «разгром Германии» тоже было неясным. Восстановление Польши или освобождение Западной Армении тоже не могло быть смыслом мобилизации громадной империи на тотальную войну. Только выступление Турции на стороне Центральных держав наполнило войну для России — целью теперь виделись Константинополь и Проливы²⁴. Однако остаётся открытым вопрос — как и какими методами в России происходила апелляция к патриотизму подданных?

Поэтому книга М. Стокдейл о патриотической мобилизации, рассматриваемая в данной рецензии, исследует два аспекта — правительственную пропаганду и реакции масс на неё. Насколько сознание подданных Российской империи оказалось восприимчивым к призывам на войну, какие это были призывы и какие ресурсы задействовало государство для объяснения массам причины войны? Однако если приведённый выше пример с Британией 1877 года показывает мобилизацию масс с помощью образа врага, то книга Мелиссы Стокдейл ищет положительные образы мобилизации масс. Не только образа «коварного германца», но и образа «Святой Руси», аналогии с 1812 годом и «священное единение царя и народа». Поэтому далее я буду употреблять термин «положительная мобилизация», которой буду обозначать патриотические образы, которые побуждали сражаться «за что-то», а не «против чего-то».

КОНЦЕПЦИИ: НОВИЗНА И ПОВТОР

Подход рассмотрения положительной патриотической мобилизации в России одновременно новый и уже использовавшийся.

²⁴ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том I. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 10.

Рассмотрение методов патриотической мобилизации, уже присутствовало в трудах западных русистов, посвящённых идее русского национализма, истории культуры или рассмотрению темы мобилизации и общества, но уже в масштабах всей Европы.

Существует специализированный труд немецкого ученого Губертуса Йаана «Патриотическая культура в России времён Первой мировой». В ней автор рассматривал средства выражения патриотизма в годы мировой войны, когда патриотическая пропаганда приобрела самый большой размах на тот момент истории России.²⁵ В основном, автор концентрировался на карикатурах, открытках, лубках, ибо, по признанию автора, через образы на картинках транслировалась русская культура²⁶, а важность изучения этих образов виделась в том, что именно лубочная пропаганда Первой мировой породила советскую пропаганду²⁷. Вообще, во многих других трудах о культуре и пропаганде эпохи первой мировой в России культура и пропаганда рассматривалась в рамках перехода от традиционализма к модерну, от царской империи к советской республике²⁸. Поэтому концепция Г. Йаана оказалась ярким примером такой литературы, специально сосредоточившейся на России и средствах визуальной пропаганды.

В качестве примера литературы о восприятии обществом Первой мировой войны можно привести сборник статей, вышедший в Кембридже в 1997 году «Государство, общество и мобилизация в Европе времён Первой мировой войны»²⁹. Сборник рассматривал такие блоки тем как народ на войне, национальные идеалы, солидарность со своим государством. Это делалось на примере таких тем, как патриотические сочинения французских школьников³⁰ или мораль и патриотизм среди солдат Австро-Венгрии³¹. По сути, сборник включил в себя исследования о том, как обще-

²⁵ *Jahn G. F. Patriotic culture in Russia during World war I. London, Ithaka, 1995.*

²⁶ *Ibid. P. 65.*

²⁷ *Ibid. P. 63.*

²⁸ Как пример: *Herez L. Russia on the eve of Modernity: Popular Religion and Traditional Culture under the last Tsars. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.*

²⁹ *State, society and mobilization in Europe during the First World War. Cambridge: Cambridge University Press., 1997.*

³⁰ *Audoni-Rouzeau Stephane. Children and the primary schools of France, 1914–1918 // State, society and mobilization in Europe during the First World War. P. 39–52.*

³¹ *Cornwall Mark. Morale and patriotism in the Austro-Hungarian army, 1914–1918 // State, society and mobilization in Europe during the First World War. P. 173–192.*

ство восприняло войну. Однако пропаганде в нём было уделено очень мало места и она рассматривалась исключительно в контексте патриотических настроений общества.

В целом, литература об обществе в Первой мировой и о пропаганде рассматривала пропаганду и патриотизм через анализ визуальных источников и текстов. Плакаты, их повторяющиеся образы (скажем, богатырь) анализировались в контексте русской культуры. Труды об обществе и мобилизации, о том, как общество переживало военные тяготы, смотрело на них через призму истории повседневности, культурной памяти и правительственных мероприятий, обязательны в вышеупомянутом контексте модернизации страны.³²

В русской литературе уже есть труд, касающийся рассмотрения мобилизации масс с помощью положительных образов, — труд Б. В. Колоницкого «Трагическая эротика».³³ В нём автор рассматривает восприятие разными слоями населения лиц правящей династии, в том числе через призму реакции на правительственную пропаганду. Однако если концепция Колоницкого — это презентация образа царя и других представителей династии, реакции на них, то Стокдейл смотрит на явления, порождённые мировой войной в России, их отражение в пропаганде и реакцию на них. По её словам, заняться темой культуры воюющей России её побудило изучение биографии Милюкова в контексте либеральной культуры в России (р. 5). Субкультура либералов в Российской империи подразумевает их отношение к действующей власти, что неизбежно вывело на культуру времён войны и ставило автора перед сложным комплексом вопросов, связанных с властью и обществом, культурой в России, ведущей тотальную войну. М. Стокдейл пошла отчасти традиционным путём изучения пропаганды и её образов. При этом её задача — не столько показ этих образов, сколько выяснение вопроса — а насколько они были действенны? Если предшественники рассматривали вопрос: против кого шла мобилизация и какие образы использовались, то Стокдейл спрашивает: а за кого или за что должны были идти и жертвовать собой подданные империи (р. 3)?

³² К примеру: *Araon B. R. Russia's Peasants in Revolution and Civil War. Citizenship, Identity and the creation of Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, Sanborn Joshua. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War and mass Politics 1905–1922. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.*

³³ Колоницкий Б. В. Трагическая эротика. Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2013.

Отсюда вопрос: на кого была нацелена такая пропаганда, к чьим чувствам и как она взывала? Это не столько вопрос об использовании тех или иных образов, сколько вопрос о том, кто есть подданный Российской империи? Что подданных могло объединять вообще, какая национальная и государственная мифология могла быть задействована в патриотической мобилизации? При этом особенность книги в том, что Стокдейл рассматривает не сколько сам образ, сколько его жизнь в головах людей. Людское восприятие войны через пропаганду, их патриотизм — вот что занимает автора. Однако до конца отойти от вопроса образа врага всё-таки не получается (р. 51), ибо он является важным компонентом пропаганды и патриотизма во время войны. Таким образом, в центре работы — объединение тем образов пропаганды и общества времён войны.

СВЯЩЕННОЕ ЕДИНЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Первая глава книги рассказывает нам о «Священном единении» первых месяцев войны. При этом предисловие к самой книге фактически копирует предисловие из упоминавшийся книги Йана Губерта. Те же авторские слова о массовом энтузиазме, патриотизме, с которыми была встречена война. Однако Стокдейл не пишет голого авторского текста, а вставляет в него цитаты из воспоминаний и писем современников, доказывая документально тезис о всеобщем патриотизме и народном подъёме в первые дни войны.

В отношении «Священного единения» было приятно увидеть, что автор выделяет разные понятия этого единения в глазах консерваторов, видевших единение народа вокруг трона и царя, и либералов, видевших единение граждан, а не подданных (р. 17). Этот момент отмечается и в работах русских ученых, посвящённых Первой мировой, — О. Р. Айрапетова и Ф. А. Гайды. Можно согласиться, что для западного читателя описание знаменитой патриотической манифестации 20 июля 1914 года на Дворцовой площади, когда огромная толпа петербуржцев при выходе императора на балкон Зимнего дворца опустились на колени и пела «Боже, царя храни!», будет впечатляющим и ярким, но для русского читателя оно не скажет ничего нового. Приводимые цитаты из воспоминаний, переписки современников и официальной периодики не подвергнуты анализу,

оставляя читателя наедине со свидетельством эпохи и лишая его поводья в виде авторского комментария.

Подробности взгляда политиков на «священное единение», увы, отсутствуют в книге. Также автор не может при описании «священного единения» избежать идеализации образа Павла Милюкова. По Стокдейл, священное единение консерватора — это вертикальное единство — единение народа вокруг царя, а священное единение либерала, оно горизонтальное — единый порыв всех граждан (отметим — не подданных) (р. 43–44). Ввиду этого, образы единения должны были демонстрироваться в ритуалах — декларации на заседании Думы или народной манифестации перед Зимним дворцом (р. 43). В то же время в работах Ф. А. Гайды верно указано, что мотивом единения оппозиции и правительства было то, что оппозиция никак не могла отдать судьбу страны на откуп властям,³⁴ дабы не исключить себя из жизни общества и не прекращать борьбу за власть. В труде О. Р. Айрапетова, посвящённого мировой войне, чётко указаны моменты в речах думцев, показывавшие их взгляды на «священное единение», как в речи кадетского депутата А. Ф. Керенского, призывавшего «великую стихию русской демократии», а также рабочих и крестьян страны объединиться, закалить в боях свой дух и освободить страну от «страшных внутренних пут».³⁵ Ему вторили депутаты-социалисты В. Н. Хаустов и И. Г. Церетели, призывавшие пролетариат подняться на борьбу, чтобы мир был продиктован «народом».³⁶ Их речи были поддержаны кадетским лидером П. Н. Милюковым, указавшим на «единственный возможный путь к обновлению России».³⁷ Поэтому в русских научных работах вопрос о подлинных смыслах, вкладываемых оппозицией в «Священное единение», был изучен более подробно, и Стокдейл лишь подытожила свои наблюдения из источников, придя к совершенно идентичным выводам. При этом она следовала моде западных учёных — подвести событие под концепцию, что и сделано со «священным единением», которое было рассмотрено с позиции концепций Уортмана о ритуалах, отражающих мифологию власти. Плохо это или хо-

³⁴ Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1911–1917). М., 2016. С. 382.

³⁵ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. Т. I. С. 73.

³⁶ Там же. С. 73–74.

³⁷ Там же. С. 74.

рошо — не берусь судить. Однако замечу, что прокрустово ложе концепций бывает не всегда внимательно к фактам реальной жизни, что отрицательно сказывается на трактовке событий.

Поддержать это «священное единение» и направить энтузиазм масс в нужное русло должна была пропаганда, которая бы объяснила смысл начавшейся войны. Указания на то, что в качестве положительного образа пропаганды использовался 1812 год, даёт почву для размышлений и разговора о национальной идеологии в России начала века (р. 35–38). Образ Отечественной войны 1812 года позволял легитимировать текущую войну с Германией и Австрией, как Вторую отечественную или Великую Отечественную войну... (р. 38) Этот образ также эксплуатировался и в дни поражений 1915 года, когда отступление русской армии из Польши, Галиции и Прибалтики было сравнено с отступлением лета 1812 года и было названо «Великим отступлением». Однако Стокдейл затронула лишь верхушку явления. С 1912 года Отечественная война 1812 года стала превращаться в объект общенациональной идеологии, и празднование 100-летия войны и Бородинской битвы должны были укрепить гражданский патриотизм подданных.³⁸ К примеру, школьники писали сочинения о своём восприятии этой войны,³⁹ проводились публичные лекции о войне, а на подмостках театров шли постановки о подвигах народа в той войне.⁴⁰ Таким образом, усилиями правительства, война 1812 года должна была стать компонентом национальной памяти, призванным показать подданным, что они являются наследниками и преемниками патриотов 1812 года.⁴¹ Более того, власть хотела использовать образ «Отечественной войны» как реальный компонент «Священного единения», взывая к историческому прошлому и подчёркивая связь династии и нации в событиях 1812 года.⁴²

Стокдейл, увы, не касается этих корней образа войны 1812 года, которые бы объяснили происхождение именно этого пропа-

³⁸ Райт Д. Русская армия и столетний юбилей войны 1812 года // Русский сборник. Т. IV. М., 2007. С. 147.

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Там же. С. 147.

⁴¹ Там же. С. 150.

⁴² Колеров М. А. Историческая семантика «Отечественной войны»: между общенациональным и этническим / партийным (1812–1914–1918–1941) // Колеров М. А. Сталин от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. С. 499–501.

гандистского образа, подойдя к ней как к образу, который был задействован пропагандой и властью, дабы создать аллюзии текущей войны с той, Отечественной. Отрыв от контекста происхождения образа войны 1812 года, как патриотического образа, не даёт понятия, почему власти решили его задействовать. Без этого также трудно вести разговор о таких понятиях как «Отечество», «патриотизм», да и о патриотизме русских подданных вообще. При отсутствии этого тема патриотизма в России 1914–1917 годов как бы повисает в воздухе, не имея опоры в виде исторических предпосылок и экскурсов. А это осложняет анализ проблемы пропаганды и патриотической мобилизации, разным аспектам которых посвящено несколько глав.

ПРОБЛЕМЫ ВОЮЮЩЕЙ ИМПЕРИИ

Знаменитый советский лозунг «Всё для фронта, всё для победы» появляется в Первую мировую войну. Стокдейл указывает, что в послевоенных работах русских генералов, как и эмигрантов (Деникин, Головин, Ромейко-Гурко) так и советских военспецов (Брусиллов), звучала критика уровня патриотизма населения, которое не обладало достаточным гражданским сознанием, чтобы жертвовать собой на фронтах. Следовательно — отсутствие не только ярко выраженного патриотизма, сколько гражданственности и гражданского самосознания, мотивирующего жертвовать собой во имя идеалов (р. 45–46). Эта недостаточная сознательность, по мнению вышеупомянутых авторов, и привела к крушению страны и армии. Стокдейл совершенно верно указывает на то, что от национальной мобилизации в тылу зависит судьба победы в войне (р. 46). Ибо, согласно высказыванию германского военачальника, генерал-лейтенанту, Э. фон Людендорфа:

«Именно духовная сила создаёт единство армии и гражданского общества, именно эта сила нужна для борьбы за существование народа, в такой войне которая началась не сегодня и закончится не завтра, но которая может тянуться очень и очень долго».⁴³

Однако какие усилия предприняло русское правительство для обеспечения этой патриотической мобилизации? Речь идёт о мерах, принятых не в сфере экономики и политики, а в сфере про-

⁴³ Людендорф Э. Тотальная война. М., 2016. С. 27.

паганды — что именно использовалось для привлечения населения на работы и чем именно пропаганда мотивировала их жертвы (р. 46)? Поэтому справедливо замечание автора, что в изучении войны важны не только явно бросающиеся в глаза средства пропаганды, но и миллионы солдат, рабочих, волонтеров и других людей, которые заняты на службе в годы войны, а точнее — их реакция на пропаганду (р. 257).

Если на фронте дисциплина и сознание воинского долга ещё служили достаточным компенсантом патриотической мотивации, то в тылу дело обстояло совсем иначе. Для этого следует обратить внимание на ряд моментов, которые связывали тыл и фронт.

Кампания 1914 года закончилась не в Берлине, а на Висле и в Карпатах, что ставило вопрос о продолжении войны. Очевидная истина в том, что для продолжения войны требуется оружие. Как обстояло дело с оружием в русской армии? Для этого не обязательно рассматривать все показатели, достаточно коснуться тяжёлой промышленности, производившей артиллерийские орудия и снаряды к ним.

На 1914 год в армии насчитывалось 5 480 лёгких, 432 конных и 426 горных орудия, с расчётом снарядов к ним в 5 480 000, 432 000 и 426 000 соответственно.⁴⁴ По довоенным нормам, на одно орудие должно было приходиться 1000 выстрелов,⁴⁵ из расчета 500 выстрелов, приходившихся на орудие в русско-японскую войну. Как писал генерал Маниковский,

«что всех этих запасов хватит по крайней мере до наступления неизбежного на театре военных действий зимнего затишья, т. е. месяца — на 4 или на 5, — в этом ни у кого не было ни малейшего сомнения. За это время предполагалось, что заводы должны раскачаться и наладить как следует свою производительность; а там — зимние месяцы, во время которых будут копиться запасы, и к весеннему оживлению военных действий парки опять будут пополнены. И так далее. Вот какая картина рисовалась в тылу в начале войны».⁴⁶

Однако этого не произошло. Посмотрим: какова была картина боевого снабжения армии в 1914–1915 годах? Уже 10 ав-

⁴⁴ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 453.

⁴⁵ Там же. С. 445.

⁴⁶ Там же. 488.

густа начальник снабжения Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Данилов писал военному министру генералу Сухомлинову, что командующий 1 армией генерал от кавалерии П. К. Ренненкампф требовал у него 108 000 шрапнелей, 117 100 гранат и 56 000 000 винтовочных патронов, на что Данилов выслал ему 2 000 гранат, 9 000 шрапнелей и 7 000 000 винтовочных патронов — последний запас, по словам Данилова!⁴⁷ 29 августа главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. И. Иванов просил у Сухомлинова 150 000 легких пушечных снарядов и 25 000 гаубичных⁴⁸. При этом начальнику Главного артиллерийского управления (далее — ГАУ) из Ставки пришёл отчёт, в котором сообщалось, что за 2 недели боёв на Юго-Западном фронте расход снарядов на орудие составил 1000 патронов.⁴⁹ Ровно столько, сколько планировали на кампанию в 6 месяцев! Итак, месячная потребность 76 мм орудий была установлена в 1 500 000 выстрелов, весной 1915 года эта цифра поднялась до 1 750 000, а летом выросла до 3 000 000, в ноябре была установлена норма в 2 600 000 (по 400 на пушку), а летом 1916 норма подскочила до 4 000 000 (650 на пушку).⁵⁰ При этом росло количество орудий на фронте. По расчётам Ставки, на 1915 год армия требовала 122-мм гаубиц — 1332 орудий, 152 мм гаубиц — 629 орудий, 107 мм скорострельных пушек — 1010 орудий и 152 мм осадных орудий Шнейдера — 48 орудий. При этом заявки на заводках были размещены на 1330, 353, 959 и 47 орудий соответственно.⁵¹ В 1915 году поставки складывались следующим образом: 76 мм орудий — 1 673, 122 мм гаубиц — 397, 152 мм гаубиц — 60, 107 мм скорострельных пушек — 0⁵². В 1915 году Путиловский завод произвёл 217 орудий, а Обуховский — 74 орудия⁵³. Однако эти орудия требовали снарядов к ним, чего вовремя было обеспечить невозможно. Как это отразилось на фронте, вспоминал в эмиграции генерал Деникин:

⁴⁷ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 489.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 491.

⁵⁰ Там же. С. 498.

⁵¹ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 94.

⁵² Маниковский А. А. Указ. соч. С. 326, 328.

⁵³ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 95–96.

«Помню сражение пред Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка были уничтожены — одним огнем... Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли пятьдесят снарядов, об том сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...»⁵⁴

Это свидетельство, вкуче с цифрами, указывает на то, что армия к весне 1915 года оказалась почти безоружной и совсем обескровленной. Она не смогла удержать свои позиции, и это привело к тяжким военным поражениям весны-осени 1915 года, повлекших за собой массовые потери и сдачу завоёванных Карпат и Галиции, промышленно важных территорий Царства Польского и Прибалтики. Армия отошла в пределы Литвы и Волыни, где с осени 1915 года установился позиционный тупик, протянувшись сплошными линиями укрепленных полос от Балтики до Днестра. Военное командование России, Германии и Австрии столкнулось с таким феноменом впервые, совершенно не зная, как надо преодолевать эту оборону.

А. Б. Астахов напоминает, что позиционная война — это борьба на близких расстояниях за укрепленные позиции, при отсутствии крупных маневренных операций, медленного продвижения по местности противников значительное присутствие инженерных и технических вооруженных средств.⁵⁵ Также её позиционный характер проявлялся в паритете средств обороны и наступления, с учётом малой активности атакующих подразделений в зоне прорыва и большой активностью резервных дивизий, перевозимых посредством железнодорожного манёвра. Русские армии были вытеснены в бездорожные районы, и их снабжение зависело исключительно от внутренних линий и Московского узла железных дорог, были лишены возможности быстрого подвоза и пе-

⁵⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2015. Т. 1. С. 130–131.

⁵⁵ Астахов А. Б. Русский фронт 1914 — начала 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 66.

регруппировки войск, лишая самих себя возможности манёвра, делая армию медлительной и неподвижной, что ставило вопросом стратегической необходимости захвате занятых немцами железнодорожных узлов. Для выхода к ним необходимо было преодолеть позиционный тупик и перейти к манёвренной войне. Как русское командование пыталось решать эту проблему?

В декабре 1915 года было организована первая попытка преодоления позиционного тупика на востоке — операция Юго-Западного фронта на р. Стрыпа силами группы войск генерала от инфантерии Д. Г. Щербачёва, которая окончилась неудачей, став, по словам Зайончковского, прелюдией к летним боям 1916 года, показав, с укреплениями и техникой, какой силы предстоит борьба и как была мало готова русская армия для этого.⁵⁶ В марте 1916 года наступление в районе оз. Нарочь силами Западного и Северного фронтов также разбилась об немецкую оборону, ввиду того, что было невозможно обеспечить связь и обеспечение наступающих войск через развороченную артиллерией местность, напомиавшей «лунный пейзаж». Бои на Стрыпе и Нарочи оказались неудачными попытками прорвать позиционный тупик, так как отсутствовало взаимодействие артиллерии, а продолжение выполнения планов вело к неоправданным потерям.⁵⁷

Преодоление позиционного тупика, возврат утерянных в 1915 году территорий, дальнейшее наступление вглубь вражеской территории и присоединения стратегически важных территорий, требовали гигантского количества оружия, техники и боеприпасов для армии. Тотальная война требовала тотальной мобилизации империи. В начале 1916 года премьер-министр Б. В. Штюрмер при вступлении в должность дал интервью, в котором ставил основной задачей достижение во что бы то ни стало победоносного мира. Для этого он призывал к гражданскому миру в тылу и сотрудничеству с общественностью для организации победы. Правая печать восторженно отозвалась на это интервью лозунгом — «Всё для Победы!».⁵⁸

⁵⁶ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Часть 6. От прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 и до конца года / под ред. А. М. Зайончковского. М., 1923. С. 8.

⁵⁷ Айранетов О. Р. Участие Российской Империи в Первой Мировой войне. 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 77.

⁵⁸ Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции 1916-февраль 1917 гг. М., 1989. С. 16–18.

Приведённые выше расчёты артиллерии и снарядов должны показать соотношение между запросами и реальностью. Чтобы как-то удовлетворить запросы фронта, промышленность должна была работать с использованием всех ресурсов. Если открыть журналы Особого Совещания по обороне государства за 1916 год, то бросается в глаза то, что требуется жёсткое перераспределение ресурсов для выработки необходимого минимума для фронта. Нужны определённые объёмы выработки стали, порохов, железа, добычи нефти и угля, и их распределение по заводам, чтобы вырабатывать требуемое количество боеприпасов, вооружения и техники для фронта, строительства новых оборонных заводов и работы имеющихся. Журнал № 87 от 9 июля 1916 года сообщал, что производство металлических предметов грозит уменьшиться, так как на прокатку металла будет дано 120 тыс. пудов, вместо потребных 150 тыс. пудов.⁵⁹ К ноябрю, общая потребность русских заводов в металле составляла 26 млн. пудов в месяц, а ежемесячный дефицит составлял 10 млн пудов,⁶⁰ при общей производительности заводов в 21 млн. пудов в месяц, в распределение поступало 16 млн пудов, в результате дефицит составлял 25%, и грозил увеличиться до 50% (8 млн пудов).⁶¹ В результате приходилось прибегать к реквизиции металлов, что исполнялось специальной Реквизиционной комиссией, а на заседании от 3 августа 1916 года сообщалось, Совет министров одобрил предоставления военному министру права определения твёрдых цен на металлы.⁶² Ощущалась острая нехватка снарядов и орудий для тяжёлой артиллерии и флота, моторов для авиации, армейских грузовиков, обозных повозок, станков для заводов. Эти причины нехватки выпускаемой продукции определялись как не подвоз должного количества сырья и нехватка рабочих на предприятиях, что вело к малым количествам выпускаемой продукции, которой не хватало для 100% удовлетворения всё растущих нужд фронта.⁶³ В первую очередь, недостаточный выпуск промышленности для армии бил по фронту и солдату.

⁵⁹ Журналы Особого совещания для обсуждений и объединений мероприятий по обороне государства. (Особое совещание по обороне государства) 1916. М., 2013. В 3-х томах. Т. 2. С. 366.

⁶⁰ Там же. С. 588.

⁶¹ Там же. С. 587.

⁶² Там же. С. 401.

⁶³ Там же. С. 409.

Нарочская операция февраля-марта 1916 года показала слабость работы промышленности, ввиду недостаточного снабжения артиллерии снарядами.⁶⁴ Для того, чтобы мобилизовать все ресурсы тыла, необходима была чёткая система, которая смогла бы организовать все силы для добычи, перераспределения ресурсов, выработки всего необходимого для фронта и организует стратегию действий армии, чтобы та смогла сокрушить врага.

Рост выпуска необходимой для фронта продукции означал увеличение нагрузки на рабочих. Перераспределение ресурсов в пользу фронта, вело к уменьшению количества необходимых для жизни продуктов и росту цен на них. Перераспределение продуктов среди населения требовало организации транспорта и правительственного контроля за ценами. С августа 1914 г. по февраль 1915 г. цены на товары значительно выросли. В Петрограде рост цен был следующим: соль — на 57%, ржаная мука — на 18%, пшено — на 21%, гречневая крупа — на 51%, мясо 3-го сорта — на 26%, молоко — 25%, сахар — 14%. В Москве сложилась аналогичная ситуация, где прежде всего подорожали следующие продукты: ржаная мука, печеный хлеб, пшено, соль, яйца.⁶⁵ В апреле 1915 г. на мясных рынках Петрограда прошли волнения. 7 (20) апреля, женщины, возмущённые высокими ценами на мясо, стали избивать продавцов и переворачивать лари с мясом, но бабий бунт был прекращён полицией. На следующий день всё повторилось, и полиция стала дежурить там постоянно. В тот же день беспорядки начались в Москве. В булочной на Большой Пресне закончился хлеб, перед дверями заведения собралась толпа в 4 000 человек, главным образом, женщины и подростки. Так как хозяин отказался открывать лавку ввиду отсутствия товара, толпа стала вести себя агрессивно и попыталась устроить погром, предотвращённый прибывшей вовремя полицией. Разозлённые москвичи стали закидывать полицейских камнями, при этом было ранено 3 пристава и 2 городских, задержано 20 человек.⁶⁶ Налицо был кризис в снабжении провизией. Голод пока не угрожал, но перебои в снабжении давали о себе знать.

⁶⁴ Айранетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. М., 2010. С. 148.

⁶⁵ Айранетов О. Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боёв на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Т. VIII. М., 2010. С. 125.

⁶⁶ Там же. С. 126.

23 июля 1916 года, пермский начальник жандармского управления доносил в департамент полиции:

«В связи с войной дороговизна жизни приняла ужасающие размеры. Цены на предметы первой необходимости растут с каждым днем все больше и больше и недовольство и озлобление трудовых масс, также быстро возрастаая, неминуемо должно вылиться в форму погромов, как это уже и было в Москве, Оренбурге, Челябинске и других местах».⁶⁷

Начальник Петроградского охранного отделения докладывал товарищу министра внутренних дел 11 октября того же года:

«Продовольственный кризис, спекуляция и расстройство транспорта, повлекшее за собой дороговизну жизни и невозможность доставать многие продукты даже первой необходимости, создали среди населения сильное недовольство распоряжениями правительственной власти, и население, зачастую не знающее истинных виновников происходящего, постепенно становится на оппозиционную точку зрения. Социал-демократы, подметив такую перемену в настроении народных масс вообще и в частности, главным образом, столичного населения, решили немедленно использовать удобный момент в агитационных целях».⁶⁸

Годом раньше, 29 октября, начальник Самарского губернского жандармского управления, доносил товарищу министра внутренних дел, что:

«На собраниях 14 и 28 июня [другой оратор] говорил о том, что социал-демократия умывает руки, она всеми силами тормозит осуществление войны, но, по его словам, войну начало правительство, пусть оно и расплачивается, указал, что война разбойническая, грабительская, а не оборонительная, в заключение оратор пояснил, что поражение правительства на войне выгодно для рабочих, тогда им легче потребовать должный отчет».⁶⁹

⁶⁷ Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917. Сборник документов местных большевистских организаций. М., 1939. С. 209.

⁶⁸ Там же. С. 206.

⁶⁹ Там же. С. 129.

Таким образом, затягивание войны, дороговизна, трудности в снабжении продовольствием городов озлобляли население, чем пользовались представители радикалов, желавших поражения России в этой войне. Проблема дороговизны становилась частью застаревшего рабочего вопроса, а он его решения зависела безопасность империи и победа в войне.

Призывая миллионы людей под свои знамёна, необходимо дать им чёткую и ясную мотивацию их труда (р. 73). Однако трудности, связанные с войной, населению было очень трудно терпеть, так как им не объясняли — ради чего они терпят трудности в тылу и ради чего приносятся столь громадные жертвы на фронте? Позже, в 1919 году, в докладе Генерального штаба полковника Б. Н. Ковалевского-Русского на имя главноуправляющего делами колчаковского Совета министров Г. Г. Тельберга от 6 июля, было упомянуто то, что причиной большевизма и антивоенных настроений в частности, была усталость от военной борьбы и отсутствие мотивации. Мировая война велась «чисто по-русски» за высокие цели — защита слабой Сербии и мир во всём мире.⁷⁰ Но призыв под знамёна миллионы человек, страна напряглась, не имея цели, могущей удовлетворить жертвы, понесённые народом на фронте и в тылу.⁷¹ Поэтому от восторженного подъёма начала войны в стране начали накапливаться усталость и раздражение.

Столь длительный экскурс в проблемы Российской империи в мировой войне нужен был для того, чтобы показать реальные условия, в которых оказались и власть, и общество. Нужда фронта в огромном количестве оружия, снарядов, техники, требовала от тыла работы на износ. Ввиду этого вопрос — насколько полно удалось автору осветить методы патриотической мобилизации и их действенность, возрастает вдвойне.

СОЗИДАЯ НАЦИЮ ЧЕРЕЗ ПРОПАГАНДУ: ОБЩЕЕ ДЕЛО И ОБЩЕЕ ВРАГИ

Освещение пропаганды через материалы прессы и деятельность объединений, призванных помочь фронту, в данной книге затрагивает новую, малоизученную страницу в истории войны.

⁷⁰ Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 582.

⁷¹ Там же. С. 583.

Стереотипное представление о Российской империи, как о стране сугубо феодальной, заставляет нас забывать о существовании гражданского общества в империи. Деятельность общественных объединений и их пропаганда, рассмотренные на примере Скобелевского комитета, как нельзя лучше показывают эту сторону жизни России (р. 47). Однако не может не удивить односторонность автора, которая анализирует материалы газеты... «Сельский вестник», считая её репрезентацией патриотизма, рассчитанной на крестьян (р. 56). Учитывая, что солдаты мало читали газет и больше верили письмам из дома, анализ подшивки «Сельского вестника» с далеко идущими выводами о его влиянии на патриотизм солдат — это ошибочное решение, ведущее к неверной оценке ситуации. Безусловно, это была реакция не масс, а реакция для масс, которая должна была вызвать определённые настроения в обществе, но репрезентативность выборки периодики и подтверждение её только воспоминаниями барона Николая Врангеля (отца П. Н. Врангеля), не выглядят убедительными.

Раздел о военных займах, названный «продажа войны», выглядит более интересным, так как вплотную подходит к проблеме тотальной мобилизации. Для плакатов, убеждающих подданных покупать облигации военного займа, привлекались лучшие художники, использовались яркие и красивые слоганы (р. 62) — и тут автор идёт традиционным путём, анализируя образы плакатов. Для них использовались как раз образы «положительной мобилизации»: воюющие солдаты, призванные убедить, что покупка военного займа — это помощь фронтовикам, в плакатах содержался призыв к жертвам во имя Отечества, к помощи, в которой нуждается Родина (р. 63). Общий посыл — армии нужна победа, а для победы нужны усилия тыла, и на эту мобилизацию работали плакаты и их образы. Призывы к мобилизации как к общему делу фронта и тыла не могли не проходить без наглядной демонстрации. Для этого работал сильный и убедительный образ героя войны, ветерана боёв, который должен был убедить тыловика, что в победу солдата сделан вклад того, кто смотрит на плакат. Образ героя войны объединял нацию, создавая идеологию национальной солидарности (р. 66), вызывая чувство гордости за героя, ибо он был «своим», «нашим».

Увы, приступая к такой огромной проблеме, Стокдейл совершенно не даёт реакции на эту пропаганду. Да, описание того, как происходила героизация георгиевских кавалеров (вроде донского

казака Козьмы Крючкова) или попыток дать мотивацию солдатам на примерах прессы есть, и может представлять определённый интерес, но результаты этой деятельности в книге не затронуты совершенно.

Отдельный интерес представляет глава, посвящённая такой малоизученной теме, как духовенство и Великая война. Здесь, автор хотя бы пытается описать реакцию верующих на чтение церковной прессы, в которой были попытки дать объяснение войны и приносимым народом жертвам (р. 105). Церковь, как часть государственного аппарата империи, не могла избежать своего включения в общий процесс мобилизации нации, поэтому Церковь должна была призвать верующих к поддержке «Священного единения», как его понимали консерваторы — единение народа вокруг престола. Однако с амвонов прозвучал призыв к «Священному единению» в духе либералов — единению граждан перед лицом врага, во имя защиты Родины (р. 99). Здесь отмечено, что попытка взывать к христианству использовалось как конструирование идентичности подданного (р. 105), потому что вера большинства прихожан была частью общеимперской культуры, поэтому встраивание Церкви в аппарат государства было неизбежным, и в качестве примера автор отсылает к протестантам Германии и британским англиканам.

Так как одних положительных образов мало, народ надо «взвинчивать» образом злого врага, против которого ведётся борьба. Увы, автор права, указав на то, что демонизация врага была неотъемлемой частью патриотической мобилизации в России (р. 49). О том, какую роль сыграл образ врага в патриотической мобилизации, и о шпиономании в России периода мировой войны написано достаточно исследований — как умных,⁷² так и посредственных,⁷³ и даже бестолковых.⁷⁴ У Стокдейл глава названа «Выдумываем врага», то есть подразумевается, что сконструированные образы имели мало общего с реальностью. Здесь она затрагивает шпиономанию и истекавшие из неё антинемецкие выступ-

⁷² Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Айрапетов О. Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боёв на внешнем и внутреннем фронте.

⁷³ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М., 2006

⁷⁴ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы первой мировой войны. М., 2012.

ления (реквизиция имущества у поволжских немцев и немецкие погромы) и антисемитизм. Причём антисемитизм у неё конкретизированное явление: ввиду использования немцами еврейского населения западных губерний, как шпионов стал создаваться образ еврея, как предателя и пособника врага (р. 176–183). Ибо если по логике населения воюющей страны, немец — зверь и несёт разрушения, то его пособники становятся злодеями, как помощники сил зла. То есть к антисемитизму времён войны применяется максимально конкретизированный и контекстуальный подход. Увы, если с антисемитизмом Стокдейл обошлась аккуратно и грамотно, без транслирования осточертевших мифов о «русских погромах», то с шпиономанией и антинемецкими настроениями — только цитированием источников, показывая читателю общественное настроение и повторяя выводы предшественников. Шпиономания привела к тому, что обвинения распространились на верхушку власти в связи с процессом Сухомлинова, а от него перекинулись на династию, известную своими германскими корнями и родственными связями. Раз враг — немец, то и царица-немка шпион, раз изменники нашлись на самом верху! Такая нехитрая логика в сознании населения была уже показана в научной литературе и до Стокдейл, поэтому глава её примечательна только тем, что она рассматривает в качестве «воображаемого врага» не только немца. Концепции же антинемецкой шпиономании отнюдь не оригинальны.

ЗА РОССИЮ И СВОБОДУ? РЕВОЛЮЦИЯ, КЕРЕНЩИНА И ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ПОБЕДИТЬ

Особенно любопытен раздел о попытке нового витка патриотической мобилизации в 1917 году. Так как падение самодержавия ассоциировалось с избавлением от «тёмных сил», мешающих вести войну, то многие надеялись на то, что революция, давшая столько «прав и свобод», вдохнёт новые силы в воюющую страну и её — уже граждан. Отсылка к словам Бердяева о том, что февраль был патриотичной, национальной и народной революцией, служит основой для автора в его рассуждениях о патриотизме эпохи 1917 года (р. 213). По мнению автора, ликвидация старых порядков, как причины для забастовок и недовольства, должно бы-

ло должно было мотивировать фронт и тыл на дальнейшую борьбу (Р. 216). С одной стороны, если почитать дневники фронтовиков, то надежды были вполне обоснованы. Из дневника прапорщика Ананьева от 3 марта 1917 года:

«Вечером мы были вызваны в собрание. Приехал нач[альни] к дивизии. Мы все думали, что предстоит наступление. Н[ачальни]к див[изии], взволнованный, нам заявил, что в Петрограде революция и в России переворот государственного строя. Учреждено ответственное министерство во главе с председателем Гос [ударственной] думы М. Родзянко. **На нас произвело это известие радостное впечатление, какое-то новое чувство запало в душу, так и вести войну легче. По крайней мере, не будет измены, и война до полной победы** (выделено мной — А. Т.)».⁷⁵

На следующий день прапорщик писал строки, в которых выражаются всё те же настроения:

«Да! Величайшее событие мы сейчас переживаем. Но это, очевидно, всё к лучшему».⁷⁶

Далее мы видим больше радости по поводу свершившегося, которое передаёт душевный подъём молодого офицера в дни революции:

«Все свободные граждане!!! Как это хорошо! Никаких Превосходительств, Благородий уже не существует, не существует и обращения на «ты». «...» Сколько было и раньше, и теперь жертв за свободу России. Теперь еще живые освобождены. (...) только бы не вернулась старая деспотическая власть».⁷⁷

Теперь перед нами умудрённый боевым и житейским опытом корпусной врач VII Сибирского армейского корпуса, ветеран Манчжурии, тайный советник В. П. Кравков, запись от 4 марта:

«11 час[ов] утра; хотел продолжать свою летопись, как, запыхавшись от радостного волнения, прибегает ко мне д-р Толченев с сообщением о происшедшем в Петрограде настоящем *coup d'état*? — об образовании ответственного министерства, кроме того — о назначении вновь Верховным главнок[омандующ] им Николая Николаевича. Бросивши все, побежал справиться к наштакор, к[ото]

⁷⁵ Ананьев К. В. «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!» // Первая мировая. Взгляд из окопа. СПб., 2014. С. 210.

⁷⁶ Там же. С. 211.

⁷⁷ Там же. С. 212.

рый подтвердил, что это так и есть, что ночью об этом пришла телеграмма с фронта, к[ото]рая теперь перепечатывается в тысячах экземплярах для рассылки в войска. Очевидно, что произошли в Петрограде слишком грандиозные события, позволившие схватить, наконец, за жабры гех'а,⁷⁸ ч[то]б[ы] он решился на радикальный шаг. Он действительно отказался было от престола, но вследствие осложнения вопроса из-за престолонаследства ему предложили пока не рыпаться и оставаться на своем троне. Только министерский кабинет образован весь из народных избранных! Ура! Ура! Я от неожиданной радости не могу писать: дрожат руки, не нахожу себе места, ничем не могу заниматься... Весна, политическая весна для России! Теперь, думается мне, не нужны будут пулеметы в России, к[ото]рые расставлены были там по каждому участку; теперь их можно будет везти сюда на фронт, а с ними и всю неустрашимую нашу полицию! Князя Львовы, Милюков, Керенский, Мануйлов, Терещенко, Шингарев, Годнев, Гучков, Коновалов, Некрасов — вот истинные наши народные министры!.. Ура!.. Ура!.. Готов кувыряться! **Все мы ходим теперь именинниками** (выделено мной — А. Т.). Теперь можно сказать, что «слава Богу, у нас имеется даже парламент». Полицейски-приказной режим, постыдно сгнивши, рушился. Пролилось много крови, ч[то]б[ы] раздавить эту гнусную гадину; теперь всякий из нас будет проливать кровь уже с определенным сознанием — за матушку-родину! Рех'а же — Господь с ним, пусть продолжает его охранять единственный из оставленных прежних министров — Фредерикс, мы против этого ничего не имеем. Молодежь наша за обедом смело заявляла, что-де пусть он остается, пока его не повесят! Не будет теперь правительства из разбойной банды!»⁷⁹

То есть известие об отречении императора и революции произвело радостный эффект на офицеров части, в которой служил Кравков и на него самого. В дальнейших записях за март 1917 года можно увидеть, как по инерции нарастает ликование самого Кравкова:

«От нервной взбудораженности вследствие свершившихся грандиозных событий плохо спал ночью; все мерещилась радост-

⁷⁸ Имеется в виду император Николай II.

⁷⁹ Кравков В. П. Великая война без ретуши. М., 2014. С. 294.

ная картина: «На Святой Руси петухи поют — скоро будет день на Святой Руси!...» Хожу с припрыгиванием от радости. (...) О, Боже мой, прямо кружится голова от тех великих событий, пред лицом коих приходится теперь стоять».⁸⁰

Радость военного врача не знала предела, доходя до экзальтации по отношению к новому: «Хвала и честь нашим народным изобретателям! Мы теперь как будто вылезли из говенной ямы, повымылись и надели чистенькое белье. Созданная обстановка позволяет каждому сладко чувствовать себя — *гражданином!*».⁸¹

Правительство не могло не воспользоваться таким моментом и попыталось опереться на «второе дыхание», открывшееся на фронте и в стране. Социалисты-оборонцы и идейно близкие им кадеты, казалось, получили чаемое ими ещё в августе 1914 «национальное единение» как единый порыв всех граждан, которые должны забыть внутренние распри во имя политического дела обороны страны, чтобы бросить клич — «Отечество в опасности!» (читай — революция). Именно эти настроения верно указывает автор, подчёркивая тот факт, что среди образованного общества давно жило чаяние революции как волшебной силы, которая сметёт «реакционное» самодержавие, а шпиономания укоренила общество в том, что монархия и династия — главные враги победы страны в войне (р. 255). Это базировалось на том, что образованные слои общества хотели чувствовать себя гражданами — и пропаганда включилась в это, делая упор на то, что обращается к людям как к гражданам, и для защиты этого «ценного» завоевания, необходимо бить немцев, как угрозу новому строю (р. 219). Ввиду этого, революционный энтузиазм, вкуче с ожиданием быстрой победы на фронте, давал почву для нового патриотического подъёма.

Основой нового патриотизма должна была стать гражданственность, осознанный патриотизм в защите свободного Отечества и своих завоёванных в ходе революции прав. Через призму этой идеологии автор смотрит на образцы пропаганды 1917 года. Цель и средства пропаганды не изменились — попытка объединить страну общим делом и призывы жертвовать во имя победы, призывы церковников, чествование ветеранов, ненависть к врагу. Од-

⁸⁰ Кравков В. П. Великая война без петуши. М., 2014. С. 295.

⁸¹ Там же. С. 296.

нако меняются тон и риторика. Они становятся более универсальными и массовыми, рассчитанными как на образованного человека, так и на простонародье.

Однако антиправительственная пропаганда большевиков, умело игравшая на военной усталости солдат и тыловиков, привела к тому, что Временное правительство упустило свои шансы, и, цитируя дневники современников, Стокдейл показала поворот лета 1917 года от энтузиазма к разочарованию и как итог — победа других революционных сил.

ИТОГ

Теперь пора суммировать общие впечатления от этой книги. Да, безусловно, автор смогла провести оригинальное исследование, которое не только затронуло малоизученные стороны, но и базировалось на новой концепции. Если предыдущие подходы рассматривали проблему только со стороны культурных образов или войны в восприятии общества, то Стокдейл смогла объединить эти подходы и показать общество во время войны, в контексте пропаганды и патриотического сознания подданных. Однако методы работы во многом заслуживают критики.

Основная проблема автора, как это ни странно, цитирование. Если бы приводимые источники и цитаты сопровождалась анализом и выводами автора, это было бы безусловным достоинством, но отсутствие аналитики делает главы только описанием происходивших процессов. Эта описательность может явиться открытием для западного читателя, не осведомлённого о русской истории, но для российского — имеющего возможность ознакомиться со многими источниками в оригинале, не выходя из дома — нет. Следующие выводы в конце глав тоже не оригинальны. «Священное единение» как ритуал, отображающий смысл, вкладываемый в это единение — может и претендует на лавры Уортмана, но если эта проблема уже освещена в российской науке, то опять не представляет из себя ничего нового. То же самое касается проблемы шпиономании, где пошло повторение тезисов её западных коллег, с которыми согласны и в России — шпиономания привела к революции.

В работе есть и оригинальные части, как например, описание попытки опереться на революционный энтузиазм, анализ поня-

тия *гражданственности* в пропаганде или взвешенный анализ роли Православной церкви в войне. Если с описанием первого в России дело обстоит более-менее нормально, ввиду массы вышедших трудов к юбилею революции, то вторым автор во многом затрагивает малоизвестную проблему, но поверхностно, а с третьим, увы, для нашего читателя, имеющего лишь источники, — это может стать открытием. При этом автор страдает самоповтором. Вторая глава, затрагивая проблему гражданственности, своими подразделами, становится как бы кратким содержанием книги, а последующие главы — развёрнутыми и дополненными подразделами второй главы. Образ 1812 года выбран верно, но его место в книге дано неудачно — похоже, что автор пыталась использовать старые наработки, но не смогла грамотно разместить их в книге. Поэтому положительные образы страдают избирательностью и носят характер частного фокуса на отдельных проблемах без общего анализа положения. Однако выводы не только не оригинальны, но и многое трактуют весьма поверхностно, без контекста. Эта поверхностность относится к одному из серьёзных недостатков книги.

Поверхностность бьёт по основным предметам исследования — темам патриотизма и пропаганды. Без экскурсов в такие понятия, как «Отечество» и «Родина», и происхождение таких «положительных образов», как война 1812 года, православное понятие «Отечества земного» и тому подобных, они повисают в воздухе, и читатель понимает только то, что власть использовала исторические и культурные образы для призыва подданных. Но почему именно эти понятия и образа должны были найти отклик в душах подданных — без исторического экскурса в семантику слов и образов ответить на этот вопрос становится крайне трудно. Поэтому книга, пытаясь избежать загромождения историческими экскурсами и повторением предшественников, совершает ошибку, оставляя приводимые факты без контекста. Прибавляем упомянутую ошибку цитирования без комментария — получаем насыщенный информацией, но плоский и обзорный текст.

С другой стороны, работа автора в российских архивах не прошла даром. Книга вышла весьма увлекательной, она написана хорошим научным языком и — при всех её недостатках — довольно грамотна. Обращение к позитивной мобилизации является новизной, а структура книги и поднимаемые в ней вопросы дают убедительные ответы, несмотря на их неполноту. Да, проблемы, поднятые в книге, дают много места для критики и развития изучения

вопроса, но как первый комплексный анализ проблем книга выглядит вполне добротно. Выводы в конце каждой главы пусть не оригинальны для нас, но для западного читателя во многом являются открытиями. Концепция автора явилась, не побоюсь этого громкого слова, прорывом в западной историографии. Автору не хватило глубины анализа и большей оригинальности по сравнению с работами русских ученых, но этот труд займёт своё почётное место в историографии Великой войны и станет опорой и источником вдохновения для новых научных штудий.

Л. Кацис

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКОЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ. IX. ААРОН ШТЕЙНБЕРГ.
НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ. ВЛАДИМИР
ЖАБОТИНСКИЙ

В самое последнее время Аарон Штейнберг стал из малоизвестного, но принципиально важного, предшественника М. М. Бахтина самостоятельной большой фигурой русской философии. Однако ясно это тем, кто следит за нарастающим валом его публикаций, как собственно философского, так традиционного мемуарно-дневникового жанра и типа.

Сейчас нам кажется важным сказать, что основная проблема рецепции А. Штейнберга состоит в том, что он был и традиционно верующим иудеем ортодоксально-литовского типа (сегодня во время доминирования в русскоязычной среде хасидизма ХаБа-Да даже заинтересованному читателю историко-философской литературы, не находящемуся внутри иудейской проблематики, воспринять логику и язык философа, а тем более, краткие его записи для себя, очень и очень не просто), знатоком и ценителем русской литературы, крупным еврейским общественным деятелем, не очень типично сочетавшим в себе и русско-еврейские, и идишские, и ивритские проблемы, позиции и идеологии, а выразившим это на шести, минимум, языках.

Поэтому говорить даже о первичном собирании всего этого разнородного массива невозможно. Пока и по-русски, и по-английски, и на еврейских языках мы имеем разного рода композиции текстов Аарона Штейнберга. Каждое из изданий частично

воспроизводит и переводные тексты, которые оказываются вырваны из своего лингво-идеологического контекста, исторических эпох и т. д.

В этой ситуации нам представилось важным вернуться к комментированию двух дневниковых записей А. Штейнберга самого трагического для евреев периода Второй мировой войны, причем записей, основанных на цитировании русской литературы.

В книге: Аарон Штейнберг. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский¹ читаем:

«8. VII.42. Среда. Вг Mus. «Козлы отпущения», только с другой стороны, говоря по-гоголевски. Не мой капрал наврал, врач — гений. Все это в связи с событиями последних недель, со статьей Voigt'a в польском “XIX в” и с тем фактом, что в последние дни мне удалось — после 33 лет! — перечитать “Мертвые души”».

К этому месту дается очень важный комментарий о статье в британском журнале, статье и ее авторе, об исторических обстоятельствах времени, с одной стороны, и о русском писателе Н. В. Гоголе, с другой. В цитате мы вынуждены выделить шрифтом те места, которые и потребуют нового комментария:

«Пример философского синтеза. Сначала — политические события “последних недель”, о которых автор думает после чтения статьи редактора британского журнала “The Nineteenth Century and After” Фредерика Августа Фойгта (1892–1957). Июльский номер был посвящен Польше, в которой происходили важные события: усиление Сопrotивления (“Гвардия Людова”), организация еврейских партизанских отрядов и начало депортации польских евреев из гетто в лагерь уничтожения. Несовместимость тенденций: сопротивление и продолжение еврейской трагедии, — вызвала ассоциацию с гоголевским оборотом “но с другой стороны” (“Ревизор”): “Мишка: А разве не генерал? — Осип: Генерал, да только с другой стороны”; “Городничий: Ведь вот относительно дороги: говоря с одной стороны, неприятно начеет задержания лошадей, а ведь с другой стороны, развлечения

¹ Штейнберг Аарон. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский / Сост., подг. текста и комм. Н. Портновой. М., 2017 (Исследования по истории русской мысли. Т.19).

для ума”. То есть: необходимо следовать не бытовому смыслу известного оборота “козлы отпущения” (“перенос вины с одного человека на другого”), а гоголевской логике: стирание плюсов минусами, выигрышей проигрышами, отчего выходит **полный абсурд**» (с. 122–123).

Прежде всего, обратим внимание на несоответствие «Мертвых душ», прочитанных А. Штейнбергом, и процитированного «Ревизора». Вопрос о несовместимости продолжения еврейской трагедии и усиления Сопrotивления не кажется нам релевантным вообще. Однако буквально через несколько записей Штейнберг уточняет свою позицию:

«20. VII.42 (Brit Mus). 2 час. поп. Расписался в ожидании книги (...). Еще два слова о «козле отпущения» (к стр. 3 от 8. VII). На этот раз — со знаком †. Французы говорят: для рагу из зайца нужен заяц.156 Применяю к евреям с заячьей психологией. Чтобы стать козлом отпущения, надо быть козлом, как-никак животным рогатым, бородатым и бодливым. Вас послушать, евреи годились лишь в цыплята отпущения. Таковых в исторической природе никогда не было» (с. 125).

В качестве комментария лишь дается оригинал французской поговорки. Значок, проставленный в книге и обычно обозначающий дату смерти, здесь стоило бы заменить на «+», тогда предыдущая запись была со знаком «-».

Что же все это означает? Проблема оказывается именно в замене «Мертвых душ», где нет указанного выражения «только с другой стороны» на «Ревизор», где оно, хотя никак не связанное с содержанием записи, есть и даже дважды. Отсюда и «абсурд». Однако, этого выражения нет в 1 томе «Мертвых душ», а вот в самом подробном пересказе тома 2 оно есть и в абсолютно адекватном записи контексте. В конце 2 главы 2 тома указано:

«И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям [Окончание главы отсутствует. В первом издании глав второго тома «Мертвых душ» (1855) имеется примечание: «Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обеду генерала и беседа их о двенадцатом годе; помолвка Улиньки за Тентетниковым; молитва ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о по-

*молвке дочери, и едет к одному из этих родственников, полковнику Кошкареву».*²

А в комментарии к этим словам и находится интересующее нас выражение: *«И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям. — Л. И. Арнольди, присутствовавший при чтении Гоголем второго тома летом 1849 г. в Калуге, в своих воспоминаниях наиболее полно, сравнительно с другими современниками, передал дальнейшее содержание главы. Его рассказ позволяет представить себе последующее развитие событий.*

*«... После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно **взглянуть на эту эпоху с другой стороны**: важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек на защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; **важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв!** Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистой воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Улинька? Она вся впилась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностью каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал*

² Цит. по: *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 5: Мертвые души М., 2009.

молчание. «Да, — сказал он, — страшные холода были в 12-м году!» «Не о холодах тут речь», — заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился» (Выделено нами. — Л. К.).

Итак, обе записи в дневнике касаются отказа от сопротивления «со знаком « — » тех «козлов отпущения», которые ими не являются. А вторая запись «только с другой стороны», и со знаком «+» говорит о том, что «козлом отпущения» еще надо стать, надо иметь хотя бы рога и бороду для этого.

Однако чисто бытовой подход к смыслу этого выражения не годится в случае А. Штейнберга. Он, соблюдая все еврейские праздники и аккуратно отмечавший и их, и даже недельные главы Торы в своих записях, прекрасно знал, что глава об Азазеле читается в Судный День, Иом Кипур, и там один из двух козлов именно искупает грехи народа. Это подтверждает странное для не еврейского читателя, но закономерное для А. Штейнберга уточнение. Употребив библейский образ «Козла отпущения» вместе с французской поговоркой о заведомо не кошерном, т. е. ритуально нечистом, «зайце» и рагу из него (комментатор указывает: Полная фраза: «Pour preparer un ragout de lièvre, il faut d'abord un lièvre»), и вспомнив об основных родовых признаках достаточно агрессивных животных, Штейнберг неожиданно говорит о том, что не было в истории евреев, годящихся в «цып-лята отпущения». Это еще один след Иом Кипура, во время которого существует обряд Каппарот, заключающийся в молитве на курицу или петуха (соотв. для женщин и мужчин), на которых переходят грехи и которые затем забиваются. Понятно, что цып-лята в таком обряде не используются.

Интересно, что и записи от 9.VII.42, и от 18.VII.42, и часть в последней записи этой группы от 26.VII.42 посвящены одной и той же проблеме: и с одной и «только с другой стороны»: Божьему промыслу в еврейской трагедии и единству еврейского народа. Так 9 июля, разочарованный лекцией о Сократе и еврействе, Штейнберг записывает:

«Что это? Общий упадок образования или особенности англ эмпиризма и его неизбежного спутника — скептицизма — попросту маловерия? Невольно приходишь в уныние. А там, а здесь, совсем рядом — огромные события, в согласии с которыми бьется и дрожит сердце, события, в которых своя логика, свой собственный

большой разум. О, если бы и мыслить, и видеть в согласии с Ним, с Ним одним (...)».

Сожалею о пропуске, обозначенном публикатором, и продолжаем 18.VII.42:

«Pour mieux sauter, il faut reculer: чтобы лучше прыгнуть далеко в будущее, надо отбежать подальше в прошлое; историк — не «оборачивающийся назад пророк», а наоборот, пророк есть заглядывающий в будущее историк! Легче поделить последним куском хлеба, чем маленьким хотя бы состоянием. Быть вознагражденным в сей жизни за добродетель больше в первом случае — уже по одному тому, что людей с одним куском хлеба несравненно больше, чем людей сколько-нибудь состоятельных. Вчера снова была суббота Валаама и его ослицы [комм. (Бемидбар 22 : 28)]. Насколько современные сыны Пеора глупее ослов и ослиц: ведь слова «Проклинающие тебя прокляты, Благословляющие благословенны» 155 у всех перед глазами, а им невдомек. Слово исполнится до конца (...)» (с. 125).

Пропуск, как и в прошлом случае, публикатора. К этому месту дается чисто фактографический комментарий: «Баал-Пеор (Хозяин Пеора) — моавитянский божество, которому во время отсутствия Моисея евреи поклонялись как идолу. «Проклинающие тебя — прокляты...» (Берешит. 27 : 29–30)».

Здесь перед нами настоящая раввинская драша, т. е. рассуждение, построенное по определенным правилам. Ранее нашим коллегам и нам приходилось уже встречаться с подобными текстами.³ Прежде всего, надо помнить, что главе о Пеоре предшествует кусок об Амалеке, первом в истории народе — амалекитянах, желавших уничтожить всех евреев, где читаем: «Всесильный вывел его из Египта. Могуч он как дикий бык, пожрет он народы врагов своих, и кости их раздробит, и стрелами своими пронзит их (Балак, 24:8-9). И чуть далее: «Опустился он на колени, прилег как лев — кто поднимает его? Всякий благословляющий тебя — благосло-

³ Кацман Р. Речь Якова Мазе в честь Германа Когена (1914). Предисловие и перевод с иврита // Исследования по истории русской мысли. X. М., 2014; Кацис Л. Из заметок читателя историко-философской литературы: Лосев, Мазе, евразийство, ГАХН // Исследования по истории русской мысли. XI. М. 2015.

вен, а всякий проклинающий тебя — проклят!» (Балак 24:9–10). И вот итог: «И увидел он Амалека, и произнес притчу свою, и сказал: «Из народов первый Амалека, но конец его — гибель» (Балак 24:20). А ведь это как раз глава о Валаамовой ослице!

И именно перед этими словами находились слова, процитированные А. Штейнбергом. Теперь соответствующий кусок, процитированный А. Штейнбергом о Пеоре: «И поселился Израиль в Шитиме, и начал народ распутничать с дочерьми Мава, и звали они народ приносить жертвы божествам их. И прилепился Израиль к Бааль-Пеору, и разгневался Бог на Израиль, и сказал Бог, обращаясь к Моше: «Созови всех глав народа и повесь тех, кто поклонялся Бааль-Пеору, сделай это во имя Бога под солнцем, и отгнать гнев Бога от Израиля» (Балак 25:4–5).

Вот о чем размышлял в трагические дни А. Штейнберг. Однако интересно, что названная в статье в британском журнале «Гардия Людова», образованном польскими коммунистами, как раз была призвана объединить разрозненные отряды сопротивления. Равно как и создание еврейских отрядов Сопротивления в Польше вполне подтверждало то, что относил А. Штейнберг к знаку «+», т. е. «бодливость» евреев. И вот 26. VII.42. А. Штейнберг записывает:

«В понед, 20-го, из Музея, после того, как навел несколько справок, касающихся России, отправился в «Конгресс», т. е. на Holborn, где я «теоретически» организую Ученую Комиссию. Оттуда зашел на лестницу Holborn'ской Публич Библиотеки, чтобы скорее съесть бутерброды. В Конгрессе, помимо пересмотра разных периодических изд., еврейских и нееврейских, «серьезный» разговор о еврейском единстве втроем с А. L. Eusterman'ом и земляком, полубанкиром, полу- по фамилии Историк (помню, помню, как он сотрудничал в нашей двинской «Shoshana» — дело было в 1902 г. (прим. 157), пользуясь некоторой помощью Л. Н. Толстого, напр «Единицей» из «Детства, Отрочества etc» (прим. 158).

Стоило бы упомянуть, помимо простого указания на книгу Толстого в прим. 158, что и названная глава из «Детства» Л. Н. Толстого очень неслучайно посвящена единице за знание первого Крестового похода, естественно, в Иерусалим. Похоже, что именно на это и намекает в оценке взглядов «историка» по фамилии Штейнберг.

Таким образом, все записи 1942 года, приведенные в книге, касались одного и того же вопроса: споров с теми, кто считал, что евреям сопротивляться гитлеровцам бесполезно и внутренней, вполне религиозной, убежденностью, что это не так. И именно эта проблема стала основой, быть может, главного текста Штейнберга, написанного за 5 лет до этого, но не опубликованного «цыплятами отпущения». Вот наиболее важное место из текста 1937 г., который не мог не помнить его автор, откровенно считавший себя причастным пророчеству, в 1942 г. Итак, в тексте «О самом важном» с главами: Вступительные замечания. — I. Катастрофа в Германии. — II. Как мы ее пережили? — III. Навстречу будущему, — читаем:

«Задача дня, возможность форсировать заселение Палестины заклонила в глазах многих светски настроенных руководителей сионистской политики самые насущные интересы народа в целом. Еврейство ни в коем случае не может поступиться своим правом достойно существовать на всей поверхности земного шара теперь меньше, чем когда-нибудь, потому что больше, чем когда-нибудь, судьба его связана с судьбой всего человечества. Как святой день, суббота, в традиционном еврейском понимании для всей жизни человека, а не наоборот, так и Святая Земля, Палестина для всего Израиля, а не наоборот».

Будучи сторонником плюралистических подходов к будущему всемирного еврейского народа, Штейнберг последовательно обвинял сионистов в обездуховливании еврейского движения, которое сводится только к заселению Палестины. Но уже тогда названная Штейнбергом Катастрофой ситуация с ассимилированным немецким еврейством привела его, однако, к очень своеобразным и очень русско-еврейским выводам:

«К каким результатам ведет противоположный взгляд, обнаруживается постепенно со все большей и поистине трагической ясностью. Уже в 33 м году, именно из-за этого ложного взгляда все старания противопоставить напору антиеврейских сил организованный отпор должны были кончиться неудачей, и место вопроса о будущем европейского еврейства занял лишь в очень незначительной части с ним совпадающий вопрос о будущем еврейского населения Палестины. В связи с этой неудачей следует подчерк-

нужно особенно важную для нас здесь подробность, что предложение прекратить торговые сношения с Германией до восстановления немецких евреев в их правах самое горячее сочувствие нашло в тех еврейских центрах, которые сохранили связь со старой Россией, будь то Варшава или НьюЙорк. Можно сказать в общей форме, что готовы к жертвам в противодействии германскому нападению были всего лишь две (пересекающиеся, конечно) группы мирового еврейства: евреи русские и ветхозаветные, т. е. те, которые либо еще не успели, либо не захотели соблазниться плодами эмансипации. В отношении языковом это почти одна группа — говорящих на родном идише. Показательно, что и в пределах сионизма решительными сторонниками бойкота Германии были одни лишь в основе «русские» ревизионисты. Когда попутно вспоминаешь прежние попытки и неудачи подобного же рода (например, бойкот Анконы в половине XVI века) сама собой напрашивается мысль, что в нынешнем рассеянии русским евреям выпало на долю играть ту активную, стимулирующую волю и мысль народную роль, которую некогда выполняли изгнанники из Испании. Но это относится уже к будущему».⁴

Нетрудно понять, что под русскими ревизионистами сионистами понимаются сторонники В. Е. Жаботинского. И такая позиция сторонника идей С. М. Дубнова и участника больших идишских проектов А. Штейнберга заставляет учесть эту позицию в оценке деятельности далеко не близкого ему человека, который откровенно призывал к эвакуации европейского еврейства в преддверии неизбежной (по мнению Жаботинского, не менее успешного, хотя и горького пророка) Катастрофы. И вывод Штейнберга тогда состоял в следующем:

«Подводя черту под ныне завершающимся немецким уроком, надо сказать, что он с бесспорной очевидностью обнаружил коренное и роковое заблуждение, общее всем нашим центробежным умственным течениям. Их общим принципом было: прочь от традиции! Для одних, индивидуалистически настроенных одиночек, принцип этот был однозначен с антinationальным и эгоистическим лозунгом: спасайся кто и как может! Другие, мыслящие на-

⁴ Штейнберг А. Проза философа / Сост. и комм. Нелли Портновой. München, 2014. С. 155.

ционально, полагали, что заимствованный извне массовый национализм и переустройство еврейства по образу и подобию современного понятия о нации смогут создать в еврейском народе новый центр сцепляющих сил, который сделает излишним «отжившую» религиозную традицию. И что же оказалось? За индивидуализм отщепенцев их потомки расплачиваются личными трагедиями, между тем, как светские наши националисты стоят лицом к лицу с тем фактом, что степени омертвления религиозной традиции прямо пропорционально ослабление на родной энергии и направляющей ее действенной солидарности. Ставка на вне и антирелигиозный протест в обоих случаях проиграна. Антирелигиозный мир начинает впадать в прародимое варварство и воплощается в «Чингизхане с телеграфом». Сверхнравственная и внерелигиозная наука вырождается в лженаучное язычество и человеконенавистничество. Вместе со значительной частью еврейского народа, отпавшего от еврейства, отпали от христианства массы христиан. Между евреями и христианами, не отпавшими еще, возможны были диспуты, у отпавших нет больше общего даже для спора» (с. 156).

Между тем, и у этого текста судьба была достойной описания. Н. Портнова указывала:

«Стабильность английской политики, в том числе по отношению к евреям, позволяла вовремя понять масштаб надвигающейся трагедии. Когда «Объединение русско-еврейской интеллигенции» в Париже попросило у философа статью о Германе Когене для альманаха «Еврейский мир», он написал актуальное эссе, которое так и назвал: «О самом важном» (1937). В своей оценке современности Штейнберг исходил из понимания «истории как целого». «Германское еврейство отброшено не на два или три десятилетия «назад», как это было при прежних поворотах исторических судеб, а на целые века». Он называет как внешние причины падения: «паралич нравственной воли в современном человечестве», так и внутренние: ассимиляция, заменившая религию национальной идеей. Штейнберг указывал на религиозную традицию как на историческую силу, которая ранее поддерживала и в будущем может поддержать еврейский народ, но не предлагал вернуться вспять; он надеялся на возрождение национального сознания и отмечал все обнадеживающие при меры его в разных странах. Лидеры «Объ-

единения» М. Кроль и С. Познер были изумлены. Моисей Кроль писал, что автор преувеличивает пассивность еврейства и равнодушные других народов. Соломон Познер ответил так: «... у нас с Вами различный подход к явлениям жизни и проявлениям духа. Вы — философ религиозной складки, я — историк...» После полугода переписки рукопись была возвращена автору».⁵

Для анализа дневниковых записей А. Штейнберга сказанного достаточно. Однако сам текст философа, которым мы заканчиваем эту заметку, достоин специального исследования на фоне того, что мы теперь знаем о его авторе, который, как мы теперь понимаем, совершенно не случайно сосредоточился именно на русских евреях, которые, как и положено Пророку, его отвергли. И причины этого отвержения интересны нам не менее текста отвергнутого. Но это дело будущего.

А сейчас мы видим хотя бы один элемент той мыслительной машины, которая на самом раннем этапе своего развития оставила нам доклад «Достоевский как философ», книгу «Систему свободы Достоевского», а в последние годы мемуары о Вольфиле и закатную английскую книгу об авторе «Преступления и наказание». Зная сказанное здесь, читать их будет явно проще, интереснее и адекватнее, ведь любое понимание лучше непонимания.

⁵ Портнова Н. От составителя // Штейнберг А. Проза философа. С. 17.

Андрей Тесля¹

Ф. ХУК. ГАЛЕРЕЯ АФЕРИСТОВ: ИСТОРИЯ
ИСКУССТВА И ТЕХ, КТО ЕГО ПРОДАЕТ /
Пер. с англ. В. Ахтырской. СПб. : Азбука,
Азбука-Аттикус, 2018. 448 с. + вкл. (16 с.)

Филипп Хук — увлекательный рассказчик, что известно каждому, читавшему его «Завтрак у Sotheby's»² — и великолепный знаток истории живописи, старший специалист отдела импрессионистов и член совета директоров аукционного дома Sotheby's. Его новая книга, вышедшая в русском переводе с минимальным запозданием против английского оригинала, опубликованного в минувшем году — одновременно и забавное повествование о нравах художественной среды, биографии арт-дилеров, обильно уснащенные анекдотами из их жизни и достоверными или, как прямо признает сам автор, весьма сомнительными в своей подлинности байками, не дающими читателю заскучать — и история о том, как возникал и развивался европейский, а затем и всемирный художественный рынок.

Основной тезис Хука сформулирован предельно отчетливо — историю современного искусства, с импрессионистов и далее, не только невозможно рассказать без истории арт-дилеров и того, как новые направления попадали на рынок и добивались признания — и, более того, как сама множественность художествен-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

² Breakfast at Sotheby's: An A-Z of the Art World. — 2013; рус. пер. — 2015.

ных направлений (и сложность их классификаций, бесконечные войны за «номинацию», определения, переопределения и отращения от данных или присвоенных имен) непонятна, неполна без этой составляющей — но и что ее можно рассказать «наоборот», с другой стороны зеркала.

Из этого тезиса не вытекает, что подобная, «обратная» история искусства будет истиннее, адекватнее первой — тем более, что число сторон явно не равно двум, к ним придется еще добавить публику, к тому же принципиально гетерогенную, медиа, критиков, музейный мир и т. д. — но всякая рассказанная история предполагает наличие «главного героя», того, о ком она рассказывается — и, следовательно, всякая попытка рассказа — одновременно процедура отбора, различения важного и второстепенного, относящегося к этому повествованию — и того, что должно поместиться в данном случае разве что в уточнениях, чтобы подробно развернуться в иной истории — где поменяются ролями действующие лица и, как у Стопарда, мы увидим историю Гамлета другими глазами — но с теми же репликами.

Как утверждает Изабель Грав, одна из весьма авторитетных на данный момент историков и теоретиков искусства, система «дилер-критик», вокруг которой был выстроен модернистский художественный рынок, уже отошла в прошлое³ — в этом смысле вполне закономерно, что история этого века выходит сейчас, когда оказывается обозримой — и когда роль арт-дилера была отчетливо отграничена от куратора, редактора, критика — а попытки перехода воспринимались как нарушение подразумеваемых правил или исключение, подчеркивающее уникальность персонажа.

Хотя книга и включает (в первой части) ряд быстрых очерков о знаменитых торговцах картинами со времен Ренессанса и вплоть до первой половины XIX века, но то истории про великих коммерсантов, которые работали с уже существующим рынком — истории, которые начинаются со второй половины позапрошлого столетия — по большей части про другое. Начиная с Дюран-Рюэля и до Пеги Гутенхайм и Лео Кастелли — это повествования о том, как открыть новое, увидеть ценное (и неоцененное или недооцененное — и, следовательно, то, на чем можно заработать) — и объяснить это другим. Соответственно, здесь на переднем плане оказываются истории не толь-

³ Грав И. Высокая цена: искусство между рынком и культурой знаменитости / пер. с немецкого Е. Куровой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 141 и сл.

ко и даже не столько посредничества между художниками и рынком, сколько истории отношений арт-дилеров с самим художниками — ведь большие истории торговцев искусством обретают свой масштаб именно через их способность оценить то, что в глазах даже большей части знатоков пока еще более чем сомнительно.

История торговцев картинами — рассказанная через биографии история художественного рынка, с тех времен, когда он только складывается, заменяя прежнюю систему ремесленных заказов и меценатства — и вплоть до сегодняшних метаморфоз. Но в центре того арт-рынка, который расцвел в XIX–XX века — лежит принцип «художника», романтического гения, проявлением, отражением которого является художественное произведение. Хук демонстрирует, как радикально трансформирует художественный рынок этот феномен — рассказывая, например, что в XVIII веке торговец картинами мог позволить себе стереть подпись на картине не самого известного автора, претендуя на то, что он продает достойное художественное произведение определенного жанра — а отнюдь не автора (подобно тому, как и сегодня Cartier настаивает на том, чтобы ювелирные изделия ассоциировались с ним, а не с конкретными дизайнерами) — и как, напротив, уже к концу XIX века возникает особая притягательность Джорджоне, начинающего цениться намного дороже Тициана, ведь его биография окутана легендой, жизнь коротка и более или менее твердо связываемых с ним произведений — совсем немного.

В конечном счете книга Хука оказывается гимном арт-дилерам — при всех их морально-сомнительных чертах, без чего невозможен художественный рынок — как построенный на личных связях, производстве впечатлением и торговлей тем, у чего нет и не может быть «объективной цены» — ведь продают мечту, то, чем надлежит восхититься и что следует возжелать — и цена, следовательно, определяется лишь страстью, тем, насколько сильно желание, а сумма чека важна не только в глазах продавца, но и покупателя — ведь то, сколько заплачено за картину или скульптуру, подтверждает ее ценность. И здесь разворачивается обратная сторона истории — приводящая в итоге к похвале арт-дилерам, точнее, тем, кто остается великими в глазах историка — они не только и столько те, кто хорошо или блистательно вел свои дела, не истории про богатство (в конце концов у многих из них итоговый финансовый результат карьеры оказывался скорее разочаровывающим), а про то, что эти ценности — сиюминутно утверждаемые — в их случае прошли проверку временем.

Андрей Тесля

И. ГРАВ. ВЫСОКАЯ ЦЕНА : ИСКУССТВО
МЕЖДУ РЫНКОМ И КУЛЬТУРОЙ
ЗНАМЕНИТОСТИ / Пер. с нем. Е. Куровой.
М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 288 с.
(серия «Garage pro»)¹

Нет ничего банальнее, чем противопоставление «искусства» и «рынка». Впрочем, почти столь же банален противоположный подход — попытка стереть между ними различие и описать, а тем более — объяснить поведение художника как вариант «рыночной стратегии», сводя первого к последней. Об этом пишет Изабель Грав в своей работе, посвященной соотношению и взаимодействию искусства и рынка:

«< ... > образ художника — рыночного стратега не учитывает капризы жизненных обстоятельств, которые невозможно полностью контролировать. Он игнорирует непроглядную пропасть субъекта, который может действовать иррационально и уж точно не всегда преследует разумную цель. Этому ключевому посылу психоанализа нет места в идее “художника-бизнесмена”. Но сколь бы расчетливо и методично ни действовал художник, сила иррационального всегда готова расстроить его планы. Один из уроков психоаналитической и постструктуралистской теорий заключается

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

в том, что субъекта с его автономией со всех сторон подстерегают ограничения» (с. 229).

Этот аргумент сам по себе предельно слаб — или, напротив, чрезвычайно силен в силу того, что относится не только к художнику, а к любому субъекту — то есть утверждает, что никто не может быть сведен лишь к роли «рыночного стратега». Иными словами, попытаться описать «социологию искусства», как и «социологию знания» или какой-либо иной области, опираясь лишь на логику экономического субъекта — значит, утратить самое существенное — то, что и придает этой области ее значение и за счет чего ее обитателям удастся создавать нечто, что имеет рыночную ценность.

Исходный тезис Изабель Грав заключается в том, что искусство и рынок (при всей условности как первого, так и второго понятий) гетерономны — и эта гетерономия и порождает, в числе прочего, возможность для искусства иметь рыночную цену, поскольку создает «товар особого рода». Там, где произведение искусства или художника подозревают в работе исключительно на рынок, это тождественно утверждению, что данный объект на самом деле не является произведением искусства, а лицо незаслуженно пользуется репутацией художника.

Нервом аналитики Грав оказывается ситуация последних десятилетий, особенно яркая до кризиса 2008 года — непрерывно и стремительного роста арт-рынка в условиях торжества неолиберальной идеологии, когда аргумент от цены произведения оказывается все чаще именно добросовестно принимаемым и используемым, в том числе и критиками, как аргумент о качестве работы — доказательстве ее художественной ценности, а кризис в свою очередь воспринимается как «коррекция», долженствующая произвести переоценку — ударив по переоцененным авторам и обозначив «подлинные шедевры», которые окажутся устойчивыми или менее податливыми в ценовом отношении. При этом если для одних аналитиков эта ситуация и данный подход оказывался принимаемым и транслируемым — то для других, особенно в кризис, популярной становилась противоположная позиция, с привычными тезисами «упадка», «деградации», «отречения» от «подлинного искусства», «утраты ориентиров» и т. п.

Сама Изабель Грав стремится уйти от подобного противопоставления — отмечая, что «искусство», как особый феномен, воз-

никающий в XVIII веке, строится на «праве самостоятельно определять свою “внутреннюю цель”» (с. 153) — в этом смысле взаимодействие и переплетение с «рынком» предполагает не определение через последний (ведь это было бы синонимично исчезновению самого «товара», который предлагает искусство), а способность к дистанции — рефлексии. Примером последнего рода становится переплетение позиций современного «художника» и «знаменитости» — при всей близости этих феноменов и при этом, что художник (коммерчески успешный) является знаменитостью, в отличие от последней в чистом виде — ему есть что предъявить помимо самого факта «быть знаменитым», он является тем, кто производит не только самого себя, но и нечто иное — некий арт-объект, то, что дает ему возможность выхода за пределы настоящего момента. В этом отношении и современное искусство отсылает в итоге к суждению критики и суду истории — тогда как «знаменитость» предполагает логику настоящего (и лишь исходя из статуса в настоящем — может претендовать на историческое, как «знаменитость былых времен», ее существование в историческом определяется масштабом в настоящем, а сам масштаб дан целиком — через меру известности).

Одна из четырех глав работы почти целиком посвящена Энди Уорхолу — в силу замечательного переплетения одновременной причастности к культуре «знаменитостей» и несводимости к последнему. Грав, анализируя как практики, так и теоретические наброски Уорхола, представляет его и как одного из первых внимательных наблюдателей феномена «знаменитости», работы над собой, включая изменение телесного, в этом качестве — и в то же время осуществляющего его критику в изначальном смысле — то есть не отвергая, а проясняя, делая зримой его природу. И через это — осуществляющего уже и критику в ином, втором смысле слова — то есть, независимо от взглядов самого автора как такового, искусство проблематизирует наличное — оно, как в наши дни, может быть далеко от «протестного», но оно в любом случае производит дистанцию.

И, напротив, современный «рынок» оказывается успешно принимающим массу характеристик и свойств, которые в предшествующий — индустриальный — период относились к «богеме», противостоянию «нормальному», производительному образу жизни и действия. То, что было требованием к «художнику»: творчество, нестандартное мышление, соединение разнородного

и стирание границы между жизнью и работой — самоэксплуатация — становится тем, что требуется (или по крайней мере заявляется как требуемое, как желаемое — то, к чему есть влечение) от все большего числа занятий в современном мире.

Но в той мере, в какой искусство существует — оно производит новые разграничения между собой и иным — когда прежние разграничения оказываются стертыми или утратившими убедительность — и успешность этих разграничений определяется во многом тем, в какой степени в результате этого производимые объекты, жесты, слова обретают рыночную цену или начинают цениться выше, чем прежде. Из этого — и еще один интерес работы Изабель Грав, в движении ее рассуждений не только от прошлого к настоящему, от искусства Салона к искусству в системе «дилер-критик» и далее к современному рынку, от Курбе — изгоняемого из Салона и видящего в этом знак исключительности, своеобразное признание, до Уорхола — и далее к Херсту — но и в обратном, когда аналитика современности дает инструментарий для работы над прошлым, для постановки новых вопросов к знакомым сюжетам.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

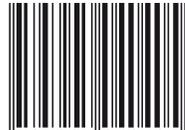
Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Р. Н. Рахимов,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *Ф. М. Колеров*

ISBN 978-5-905040-40-5

9 785905 040405 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 27.11.2018. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arno1. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru